

Иоганн Вольфганг Гете. Фауст

трагедия

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы вновь со мной, туманные виденья ,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чувствует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Весёлых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Всё вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя - увы! - уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала её страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив ещё, - рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое рождается песнопенье,
Стеня, дрожа золовой струной;
В суровом сердце трепет и смирение,
В очах слеза сменяется слезой;
Всё, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Всё, что прошло, - восстало, оживилось!..

ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ

Директор, поэт и комик

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мнение: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?

Тружусь для публики я неизменно:
Она живёт и жить другим даёт.
Уже стоят столбы, готова сцена,
Ждёт праздника взволнованный народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе, хоть и не новый труд,
Но всё ж меня берёт невольное сомнение:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней – для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь и бежит волной неудержимой,
И в двери тесные и рвётся и спешит.
Нет четырёх часов, до вечера далёко,
А уж толпа кишит, пустого места нет –
Точь-в-точь голодные проед лавкой хлебопека,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной –
Она иной раз вдохновение спугнёт;
Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищу я, многодумный, –
Лишь там поэту радость расцветёт;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас приводит к счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста –
Удачно ль, нет ли, – выйти чуть посмеет
На свет – его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенной стала красота!
Мишурный блеск – создание вероломства,
Прекрасное рождается для потомства!

Комик

Потомство! Вот о чём мне речи надоели!
Что, если б для него – потомства – в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлечёт
Весёлой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почёт
И что забавник не лишён значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь её – ему пустое дело.
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперёд! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить.

Директор

А главное, мой друг, введите приключения!
Глазеть на них – толпе нет выше наслажденья;
Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею –
И вы упрочили за пьесой своею
Успех, и к вам толпа уже благоволит.

Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает –
И вот толпа идёт, довольная, домой.
Смелее всё в куски мельчайшие крошите –
И этот винегрет успех доставит вам.
Легко вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло? Иль не художник я?
Дряных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрёк подобный оскорбить;
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
Берёт оружие, какое бьёт вернее.
С волками жить – по-волчьи выть!
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Спешит сюда переварить обед,
А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже –
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно – театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы – те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чём вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвёздной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Тот хочет пьянствовать недели,
А тот в игорный дом идёт...
Смешно, когда поэт зовёт
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном: побольше сочинить,
Как можно более – вот в чём моё стремление!
Запутайте толпу, введите в заблуждение;
Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?

Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нём стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которую, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечёт веретеном послушным,
Когда всё сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, –
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и твёрд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя всё в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В течение строгих дум – зари вечерней свет?
Весны роскошный, лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придаёт незначущим листам,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережёт Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш – эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся – взаимное сближенье,
Затем – свидания, надежды, опасенья;
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, –
Глядишь – готов роман. И так-то всё на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей –
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес.
Где ни копните – тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья
Да искра истины среди мрака заблужденья,
И смотришь – славное сварили вы питьё,
По вкусу каждому: в нём всяк найдёт своё.
Цвет юности идёт сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдёт,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждёт.
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
ручаюсь, вашей пьесой восхищён:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они ещё не прочь и плакать и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые
Не уставая вечно пел!
В тумане мир передо мною

Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был – и всё, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!...
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенье,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идёте вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придётся вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почёта, старики!
Что старость в детство нас приводит – пустяки:
До самой старости мы – дети, вот в чём дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт – властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам – мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший – дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:
Что можно сделать неотложно,
Зачем на завтра оставлять?
Должны мы сразу уловлять
Всё то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены всё пригодно;
На ней – вы полный господин;
Верите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утёсов, скал, огня, воды:
Ни в чём не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд –
И через землю с неба в ад

Вы мерной поступью пройдите!

ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ

Господь, архангелы, потом Мефистофель

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течёт предписанным путём.
Непостижимость мирозданья
Даёт нам веру и оплот,
И, словно в первый день созданья,
Торжественен вселенной ход!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несётся шар земной;
Проходят быстрой чередой
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твёрдых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребления,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упованья
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день созданья,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о господи, явился ты меж нас
За справкой о земле, - что делается с нею!

Ты благосклонностью встречал меня не раз -
И вот являюсь я меж челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты - ручаться я готов, -
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовёт он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить -
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне - хоть этикет здесь строгий -
Сравненьем речь украсить: он на вид -
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы оно уютно, -
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,
Что мучить бедняка и я не в состоянии.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружён,
То с неба лучших звёзд желает он,
То на земле - всех высших наслаждений,
И в нём ничто - ни близкое, ни даль -

Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока ещё умом во мраке он блуждает,
Но истины лучём он будет озарён;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволения, -
Пойдёт немедля он за мной.

Господь

Пока живёт он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нём есть стремленья.

Мефистофель

Благодарю: не надо мёртвых мне!
От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам предпочитаю, -
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою
И, если можешь, поведи
Путём превратным за собою, -
И посрамлён да будет сатана!
Знай: чистая душа в своём исканье смутном
Сознания истины полна!

Мефистофель

Сознанием слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте: если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:
Триумф победы - вот моя награда!
Пусть вьётся он в пыли, как тётушка моя,
Достопочтенная змея!

Господь

Тогда явись ко мне без колебания!
К таким, как ты, вражды не ведал я...
Хитрец, среди всех духов отрицания
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,

Он рад искать покоя, – потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны небес и рая, –
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и ведет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь,
И всё, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель
(один)

Охотно старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чёртом обходиться!

*** ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ***

Сцена 1

НОЧЬ

Старинная комната с высокими готическими сводами.
Фауст, исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, –
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я – и вот
Тому пошёл десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу всё ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов –
Писак, попов, магистров, докторов, –
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,

Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истину ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, исправить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пёс не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась,
А не набор речей случайный.

О месяц! Если б в этот час
Ты озарил в последний раз
Меня средь комнаты моей,
Где я познал тоску ночей!..
О, если б мог бродить я там
В твоём сиянье по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..

Ещё ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва замечен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли и червей;
И полок ряд, убог и сир,
Хранит реторт и банок хлам
И инструменты по стенам.
Таков твой мир! И это мир!

Ещё ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад такой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти — на скелет!..

О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгой своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил.
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленной душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Всё вокруг меня! Здесь с дивной глубиной
Всё творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
 В мир духов нам доступен путь,
 Но ум твой спит, изнемогая,
 О ученик! восстань, купая
 В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушною толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы вышние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над землей и в высоте небесной —
И стройно всё звучит в гармонии чудесной!
О, этот вид! Но только вид — увы!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, — вы,
Дарующие жизнь струёю благодатной,
Которыми живёт и небо и земля,
К которым рвётся так больная грудь моя?
Вы всех питаете — что ж тщетно жажду я?

(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак
Духа Земли.)

Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильнее —
Снесу и горе я и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —
И в час крушенья мне ли утрашиться?
Повсюду мрак и тишина.
Меж туч скрывается луна,
И лампа тихо угасает.
Над головою в вышине
Кровавый луч во мгле сверкает,
И в кровь, стесняя сердце мне,
Холодный ужас проникает.
О дух, ты здесь, ты близок — о, приди!
Как сердце бьётся у меня в груди!
Всем существом, души всей мощным зовом
Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне — я всем сердцем твой!
Пусть я умру — явись передо мной!

(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.
Вспыхивает красноватое пламя, в котором является

Дух.)

Дух

Кто звал меня?

Фауст

(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Дух

Я вызван мощным голосом твоим:
К моей ты сфере льнул, её ты порожденье, —
И вот...

Фауст

Увы, твой вид невыносим!

Дух

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжён,
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Фауст

Во прах перед тобой я не склонюсь челом.
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всём!

Дух

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение —
Вечное море;
Жизнь и движение
И вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь –
Не мне.

(Исчезает.)

Фауст

(падая)

Не тебе!
Но кому ж?
Я, образ божества,
Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло всё! О смерть, о муки!
Да, он пришел смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате,
держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас –
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
К комедианту поп явиться за советом.

Фауст

Да, коль священник ваш актер и сам,
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать! Мы живем всегда в уединенье;
Едва по праздникам покинешь свой музей,
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.
Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет, всё это труд бесцельный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? Сидите, сочиняйте,
С чужих пиров обеды подбирайте –

И будет пёстрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус – пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечёт,
Коль не из сердца ваша речь течёт.

Вагнер

Нет, в красноречье – истинный успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, –
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
Моё стремление к знанью неустанно,
И всё-таки порой грызёт меня тоска.
Как много надо сил душевных; чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут, того гляди, ещё на полпути
Придётся бедняку и с жизнью расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдём источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?
О нет, в душе своей одной
Найдём мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим
За духом времени? За много лет пред нами
Как размышлял мудрец и как в сравненье с ним
Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звёзд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл – и дух, насколько не забыты, –
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени – увы! – не что иное,

Как отражение века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!
Всё пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад ещё, когда придётся прочитать
О важной пьесе с пышным представленьем
И наставительным в конце нравоученьем,
Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит — знать? Вот в чем все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречёт?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...
Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

Вагнер

А я хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой ученый спор!
Ну что ж: хоть завтра, в пасху, в воскресенье,
Позвольте вам ещё вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвенье:
Хоть много знаю я, но всё хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст

(один)

Он всё надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной —
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнуя!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли,
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу истины, сияющей и вечной,
Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Казалось — я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как бог, хотел вкусить святого наслажденья —

И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душой,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался, — но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —
И вновь я человек, — безвестен мой у дел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?
Научит кто? Куда идти?

Увы, себе своими же делами

Препрады ставим на пути!

К высокому, прекрасному стремиться

Житейские дела мешают нам,

И если благ земных нам удалось добиться,

То блага высшие относим мы к мечтам.

Увы, теряем мы средь жизненных волнений

И чувства лучшие и цвет своих стремлений.

Едва фантазия отважно свой полет

К высокому и вечному направит, —

Она себе простора не найдет:

Её умолкнуть суэта заставит.

Забота тайная тяжелой тоской

Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,

И сокрушает нам и счастье и покой,

Являясь каждый день под новою личиной.

Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;

Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;

Пред тем, что не грозит, дрожать обречены;

Еще не потеряв, мы плачем о потере.

Да, отрезвился я — не равен я богам!

Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!

Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый

Пятою путника, и смятый и зарытый.

Да, я во прахе! Полки по стенам

Меня мучительно стесняют:

Дрянная ветошь, полустгнивший хлам

На них лежат и душу мне терзают.

Все пыльный сор да книги! Что мне в них?

И должен ли прочесть я эти сотни книг,

Чтоб убедиться в том, что в мире всё страдало

Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?

Ты, череп, что в углу смеёшься надо мной,

Зубами белыми сверкая?

Когда-то, может быть, как я, владелец твой

Блуждал во тьме, рассвета ожидая!

Насмешливо глядит приборов целый строй,

Винты и рычаги, машины и колеса.

Пред дверью я стоял, за ключ надёжный свой

Считал вас... Ключ хитер, но всё же двери той

Не отопрёт замка, не разрешит вопроса!

При свете дня покрыта тайна мглой,

Природа свои покровы не снимет перед нами,

Увы, чего не мог постигнуть ты душой

Не объяснить тебе винтом и рычагами!

Вот старый инструмент, не нужный мне торчит!

Когда-то с ним отец мой много повозился;

Вот этот свёрток здесь давным-давно лежит

И весь от лампы копотью покрылся.

Ах, лучше бы весь скarb я промотал скорей,

Чем вечно здесь потеть под гнётом мелочей!

Что дал тебе отец в наследное владенье,

Приобрети, чтоб им владеть вполне;
В чем пользы нет, то тягостно вдвойне,
А польза только в том, что даст тебе мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,
Влечёт меня к себе, блестящий, милый взору!
Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных, —
Служи владельцу своему вполне!
Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;
Возьму ли я тебя — смирятся желанье.
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в неизвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я — в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И прозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело нам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, —
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой фиал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседу,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,
Обычай толковать в стихах ее значенье
И залпом осушать всю чашу в заключение —
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожняая,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмелён напиток мой, и тёмн зелья цвет:
Его стотовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою.
В последний раз я пью и с чашей роковою
Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал.)

Звон колоколов и хоровое пение.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окружённые,
Злом заражённые,
Мир вам, прощённые
Люди, с небес!

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испытать напиток истребления.
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть святого воскресенья.
В ту ночь, когда с землёй сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облачён Христос, —
Кто ж из гробницы
Тело унёс?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто среди мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения, —
Мир вам с небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовёте мощно вы
Меня из праха вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я — я слышу весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо — веры есть любимое дитя!
Стремиться в мир небес, откуда весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И всё же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятной,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.
Всё, всё мне вспомнилось — и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:

Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные, плывите надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Хор учеников

Гроб покидает он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжелой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к тебе!

Хор ангелов

Чуждый истления,
Мощно Христос восстал!
Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим, —
Близок учитель вам:
С вами он сам!

Сцена 2

У ГОРОДСКИХ ВОРОТ

Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев

Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие
В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу!

Один из подмастерьев

Пойдем к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!

Туда дорога чересчур худа.

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый

В Бургдорф наведаться советую я вам.

Какие девушки, какое пиво там!

А драка — первый сорт! Пойдёмте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: всё драки подавай,

Вот погоди, намнут тебе бока-то!

Ступай-ка сам — меня не зазывай.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нём?

Он вечно ходит за тобою,

Болтает, пляшет не со мною:

Что мне в веселии твоём?

Вторая

Да мы пойдем не с ним одним:

Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, чёрт возьми! Смотри, бегут как живо!

А что, коллега, надо их догнать!

Забористый табак, да пенистое пиво,

Да девушка-краса — чего еще желать!

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!
Ведь это просто стыд и срам!
Могли бы в обществе отличном прогуляться —
Нет, за служанками помчались по пятам!

Второй студент

(первому)

Постой: вон две идут другие;
Из них соседка мне одна.
Мне очень нравится она.
Смотри, нарядные какие!
Не торопясь, идут они шажком
И поджидают нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.
Скорей вперед: дичь может ускакать!
Чья ручка пол метёт, когда придёт суббота,
Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Горожанин

Нет, новый бургомистр ни к чёрту не годится.
Что день, то больше он гордится.
А много ль город видит пользы в нём?
Что день, то хуже, без сомненья:
Всё только больше подчиненья
Да платим мы всё больше с каждым днем.

Нищий

(поёт)

Весёлой, пёстрою толпою
Вы здесь идете, господа;
Взгляните, сжальтесь надо мною,
Да тронет вас моя нужда!
Услышите голос мой молящий!
Лишь тот блажен, кто может дать.
О, пусть день праздника блестящий
Днем сытым буду я считать!

Другой горожанин

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне,
Как где-то в Турции, в далёкой стороне,
Народы режутся и бьются.
Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после, к вечеру, иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душою.

Третий горожанин

Так, так, сосед! Мы смиренно здесь живём,
А там, кто хочет, пусть себе дерётся!
Перевернись весь свет вверх дном —
Лишь здесь по-старому пускай всё остаётся!

Старуха

(девушкам-горожанкам)

Вишь, как разряжены, — что розан молодой!
Ах вы, красавицы! Ну как в вас не влюбиться?
Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:
Старушка может пригодиться.

Девушка-горожанка

Сюда, Агата! От старухи прочь!
Нам с ведьмой говорить при людях не пристало.
Хотя, поверь, в андреевскую ночь
Она мне суженого ловко показала.

Другая

У ней я тоже видела его:
Мне в зеркале колдунья показала.
Военный — как хорош! Уж я его искала,
Да встретить не могу, не знаю отчего.

Солдаты

Вашни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!
Миг — и солдата
Нет уже там.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Умчались в море разбитые льдины;
Живою улыбкой сияет весна;
Весенней красотою блистают долины;
Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны, —
Но солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремление рождается,
Всё вырасти хочет, спешит расцветиться,
И если поляна ещё не цветёт,
То вместо цветов нарядился народ.

Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;
Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлён, разодет;
Погреться на солнце — для всех наслаждение,
Они торжествуют Христа воскресенье
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни,
Из комнаты душной, с работы тяжёлой,
Из лавок, из тесной своей мастерской,
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою весёлой,
И после молитвы во мраке церквей
Так сладостен воздух зеленых полей.
Смотри же, смотри: и поля и дорога
Покрыты весёлой и пёстрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.

И вот уж последний челнок нагружённый
С усилием отчалил, до края в воде;
И даже вверху, на горе отдалённой,
Виднеются пёстрые платья везде.

Чу! Слышится говор толпы на поляне;
Тут истинный рай им! Ликут селяне,
И старый и малый, в весёлом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер

Люблю прогулку, доктор, с вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого — и не решился б я
Один здесь оставаться с мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Я наблюдаю с сильным отвращеньем:
Как бесом одержим, кривляется народ,—
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

Крестьяне

(танцуют под липой; пляска и пение]

Пустился в пляску пастушок;
На нем и ленты, и венок,
И куртка красовалась.

Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.
В толпу немедля он влетел
И локтем девушку задел
Для первого начала.
Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо, — говорит, —
Потише б не мешало!»
Но он, обвив её рукой,
Пустился с нею в пляс лихой —
Лишь юбки развевались.
Ее он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.

«Пусти, меня не проведёшь!
Я знаю: ласки ваши — ложь,
И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв её, влечёт,
А там, вдали, шумит народ
И льются звуки скрипки.

Старый крестьянин

Прекрасно с вашей стороны,
Что вы пришли в весёлый час!
Вы так учёны и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит,
И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она вам освежит,
И сколько капель чистых в ней —
Дай бог вам столько светлых дней.

Фауст

Я за здоровье ваше пью,
А за привет — благодарю.

Народ собирается вокруг.

Старик

Да, мысль благая — посетить
Народ теперь, в весёлый час;
Но вам случалось приходить
И в дни беды, трудясь для нас.
Немало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.
Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим
Меж трупов, гноем залитых, —
И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Народ

Ученый муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Фауст

Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем.

(Идет с Вагнером дальше.)

Вагнер

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья!
О, счастлив, кто дары свои и знания
С такою пользой мог употребить!
Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты — они стоят рядами,
И шапки вверх летят все тут!
Еще момент — и ниц они падут,
Как пред священными дарами.

Фауст

Пойдём туда: на камне том
Присядем мы и отдохнём немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя постом,
Молясь и призывая бога.
С надеждой, с верою в творца,
В слезах, стена, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, темный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился;
В ее круги святыя он стремился
Проникнуть всеми силами души —
По-своему, но честно. Меж адептов
Сидел он в чёрной кухне взаперти
И силился бальзам целительный найти,
Мешая разных множество рецептов.
Являлся красный лев — и был он женихом,
И в теплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией, и грели их огнем,
И из сосуда их в сосуд перемещали.
И вслед — блиставшую лучами всех цветов
Царицу юную в стекле мы получали:
Целительный напиток был готов.
И стали мы лечить. Удвоились мученья:
Больные гибли все без исключения,
А выздоравливал ли кто,
Спросить не думали про то.
Вот наши подвиги леченья!

Средь этих гор губили мы
Страшной губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет — а я живу... И вот —
В моём лице воздал народ
Своим убийцам честь и славу!

Вагнер

Ну стоит ли об этом вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели вы все к делу приложить,
Что от других вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почет
Воздали вы, — он был доволен вами;
Потом науку двинули вы сами,
А сын ваш снова далее пойдёт!

Фауст

О, счастлив тот, кому дана отрада —
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
Что нужно нам, того не знаем мы,
Что ж знаем мы, того для нас не надо.
Но перестань: не будем отравлять
Прекрасный этот час печальными речами,
Взгляни: уж солнце стало озарять
Сады и хижину прощальными лучами.
Оно заходит там, скрываясь вдали,
И пробуждает жизнь иного края...
О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли
И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!
И я увидел бы в сиянии лучей
У ног моих весь мир: и спящие долины,
И блеском золотым горящие вершины,
И реку в золоте, и в серебре ручей.
Ущелья диких гор с высокими хребтами
Стеснить бы не могли стремления души:
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,
Пред изумлёнными очами.
Вот солнце скрылось, но в душе больной
Растет опять могучее желанье
Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.
Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врожденное стремление —
Стремление ввысь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес,
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орёл парит свободно над горами
Иль высоко под облаками
К далёкой родине своей
Несётся стая журавлей.

Вагнер

Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест в лесах, в полях блуждать...
Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!
Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!
И ночи зимние так весело летят,
И сердце так приятно бьётся!
А если редкий мне пергамент попадетсЯ,
Я просто в небесах и бесконечно рад.

Фауст

Тебе знакомо лишь одно стремленье,
Другое знать – несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, – и жаждут разделенья!
Из них одной мила земля –
И здесь ей любо, в этом мире,
Другой – небесные поля,
Где тени предков там, в эфире.
О духи, если вы живёте в вышине
И властно реете меж небом и землёю,
Из сферы золотой спуститесь вы ко мне
И дайте жить мне жизнь иную!
О, как бы я плащу волшебному был рад,
Чтоб улететь на нем к неведомому миру!
Я б отдал за него роскошнейший наряд,
Его б не променял на царскую порфиру!

Вагнер

Не призывай знакомый этот рой,
Разлитый в воздухе, носящийся над нами;
От века он душе людской
Грозит со всех концов и горем и бедами.
То мчатся с севера, и острый зуб их лют,
И языком они язвят нас, как стрелой;
То от востока к нам они бездожде шлют
И сушат нашу грудь чахоткой злою;
То, если из пустынь пошлёт их жаркий юг,
Они палящий зной над головой нам копят;
То с запада они примчат прохладу вдруг,
А после нас самих, луга и нивы топят.
Они спешат на зов, готовя гибель нам:
Они покорствуют, в обман увлечь желая,
Уподобляются небес святым послам,
И пенью ангелов подобна ложь их злая...
Однако нам домой пора давно:
Туман ложится, холодно, темно...
Да, только вечером мы ценим дом укрomный!
Но что ж ты стал? И чем в долине темной
Твое вниманье так привлечено?
Чего твой взор во мгле туманной ищет?

Фауст

Ты видишь – чёрный лёс по ниве рыщет?

Вагнер

Ну да; но что ж особенного в том?

Фауст

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

Вагнер

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Фауст

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несётся он всё ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

Вагнер

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком;
Там просто чёрный пёс — и больше ничего.

Фауст

Мне кажется, что нас он завлекает
В магическую сеть среди кругов своих.

Вагнер

Искал хозяина — и видит двух чужих!
Взгляни, как к нам он робко подбегает.

Фауст

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

Вагнер

Конечно, пёс как пёс — не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,
То хвостиком вильнёт: собачьи все ухватки!

Фауст

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

Вагнер

Да, с этим псом конца забавам нет;
Стоишь спокойно — ждёт он терпеливо;
Окликнешь — он к тебе идёт;
Обронишь вещь — он мигом принесёт;

Брось палку в воду — он достанет живо.

Фауст

Ты прав, я ошибался. Да:
Всё дрессировка тут, а духа ни следа.

Вагнер

Да, вот к такой собаке приручённой
Привяжется порой и муж учёный.
Воспитанник студентов удалых,
Пёс этот стоит милостей твоих.

Они входят в городские ворота.

Сцена 3

КАБИНЕТ ФАУСТА

Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!
Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера в бога,
Воскресла к ближнему любовь.
Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся;
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно,
Гостем приветливым будь.
Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смилившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет —
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струёю бьёт.
Пудель, молчи! К этим звукам небесным,
Так овладевшим моею душой,
Кстати ль примешивать дикий твой вой?
Часто у нас над прекрасным и честным

Люди смеются насмешкою злой,
Думы высокой понять не умея.
Злобно ворчат лишь, собой не владея.
Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?
Но горе мне! Довольства и смиренья
Уже не чувствует больная грудь моя.
Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?
Зачем опять напрасно жажду я?
Увы, не раз испытывал я это!
Но чтоб утрату счастья заменить,
Мы неземное учимся ценить
и в откровенье ждём себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам Новый говорит.
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной,
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «В начале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу смело,
Могу писать: «В начале было Дело»!

Пудель, не смей же визжать и метаться,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принуждён я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдёшь тут легко ты.

Но что я вижу? Явь или сон?
Растёт мой пудель, страшен он,
Громаден! Что за чудеса!
В длину и в ширину растёт.
Уж не походит он на пса!
Глаза горят; как бегемот,
Он на меня оскалил пасть.
О, ты мою узнаешь власть!
Ключ Соломона весь свой вес
Тебе покажет, полубес!

Духи
(в коридоре)

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним,
Как лиса среди тенет,
Старый бес сидит и ждёт.
Так слетайся же скорей,

Осторожных духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:
Помогал не раз нам он!

Фауст

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой, ты трудись!
Стихии четыре
Царят в этом мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник, —
Чужда тому власть,
Чтоб духов заковать.
Исчезни в огне,
Саламандра!
Разлейся в волне
Ты, Ундина!
Звездой просверкай
Ты, Сильфида!
Помощь домашнюю дай,
Incubus, Incubus,
Выходи, чтоб закончить союз!
Нет, ни одной из четырёх
В ужасном звере не таится:
Ему не больно; он прилег
И скалит зубы и глумится.
Чтоб духа вызвать и узнать,
Сильней я буду заклинать.
Но знай же: если ты, наглец,
Из ада мрачного беглец, —
Так вот — взгляни — победный знак!
Его страшатся ад и мрак,
Ему покорны духи праха.
Пёс ошетинился от страха!
Проклятое созданье!
Прочтёшь ли ты название
Его, несотворённого,
Его, неизречённого,
И смерть и ад поправшего
И на кресте страдавшего!
Страшен, грозен, громаден, как слон,
Вырастает за печкою он,
И в тумане он хочет разлиться!
Он весь свод наполняет собой.
Мрачный дух, повелитель я твой:
Предо мною ты должен склониться.
Не напрасно грозил я крестом:
Я сожгу тебя божьим огнём!
Не жди же теперь от меня
Трижды святого огня!
Не жди, говорю, от меня
Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи появляется Мефистофель в

одежде бродячего схоласта.

Мефистофель

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Фауст

Так вот кто в пуделе сидел:
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

Мефистофель

Привет мой вам, науки жрец почтенный!
По вашей милости изрядно я вспотел.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос довольно мелочной
В устах того, кто слово презирает
И, чуждый внешности пустой,
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Фауст

Чтоб узнать о вашем брате суть,
На имя следует взглянуть.
По специальности прозвание вам даётся:
Дух злобы, демон лжи, коварства — как придётся.
Так кто же ты?

Мефистофель

Часть вечной силы я,
Всегда желавший зла, творившей лишь благое.

Фауст

Кудряво сказано; а проще — что такое?

Мефистофель

Я отрицаю всё — и в этом суть моя.
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живёт.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, всё, что злом ваш брат зовёт, —
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это всё — моя стихия.

Фауст

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.
Ведь это только вы мирок нелепый свой
Считаете за всё, за центр всего творенья!
А я – лишь части часть, которая была
В начале всё той тьмы, что свет произвела,
Надменный свет, что спорить стал с рожденья
С могучей ночью, матерью творенья.
Но всё ж ему не дорасти до нас!
Что б он ни породил, всё это каждый раз
Неразделимо связано с телами,
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,
В границах тел должно всегда остаться,
И – право, кажется, недолго дожидаться –
Он сам развалится с телами в тлен и прах.

Фауст

Так вот твоё высокое значенье!
Великое разрушить ты не мог,
Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

Мефистофель

Что делать! Да и тут старался я не впрок.
Дрянное Нечто, мир ничтожный,
Соперник вечного Ничто,
Стоит, не глядя ни на что,
И вред выносит всевозможный:
Бушует ли потоп, пожары, грозы, град –
И море и земля по-прежнему стоят.
С породой глупою звериной и людскою
Бороться иногда мне не хватает сил –
Ведь скольких я уже стубил,
А жизнь течёт своей широкою рекою.
Да, хоть с ума сойти, – всё в мире так ведётся,
Что в воздухе, в воде и на сухом пути,
В тепле и в холоде зародыш разовьётся,
Один огонь ещё, спасибо, остаётся.
А то б убежища, ей-богу, не найти!

Фауст

Так, силой мощной, животворной,
Тебе враждебно влеком,
Ты тщетно, демон непокорный,
Ей угрожаешь кулаком!
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

Мефистофель

О том подумать сами мы хотим...
Но после мы с тобой ещё поговорим.

Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.
Твоё знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно — открытая дорога!
Не то — в трубу ступай; не заперта и дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь.
Тут коё-что мешает мне немного:
Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма этому виной?
Но как же, бес, пробрался ты за мной?
Каким путем впросак попался?

Мефистофель

Изволили её вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, — и я свободно мог вскочить.

Фауст

Да, случай над тобой удачно посмеялся.
Так ты мой пленник, стало быть?
Вот удалось негаданно-нежданно!

Мефистофель

Не видел пудель этой штуки странной;
Вскочил — и вмиг переменился вид,
И выход был лукавому закрыт.

Фауст

Ступай в окно, не будет затруднений.

Мефистофель

Увы! таков закон чертей и привидений:
Каким путем вошёл, таким и выходить.
Во входе волен я, а выходить обязан
Там, где вошёл.

Фауст

И ад законом связан?
Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может быть

С тобой и договор возможно заключить?

Мефистофель

Что обещаем мы, ты можешь получить
Сполна, — ни в чём тебя мы не надуем.
Да, но об этом долго рассуждать.
Другой раз мы подробней потолкуем.
Теперь же я прошу низайше позволения
Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму снять?

Фауст

Куда? Чего спешить? Останься на мгновение.
Не можешь ли мне сказку рассказать?

Мефистофель

Теперь пусти! Ведь я приду опять;
Тогда расспрашивай — на всё я дам решение.

Фауст

Тебя не звал я, сам ты это знаешь;
Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?
Кто чёрта держит, тот его держи:
Не скоро ведь опять его поймаешь.

Мефистофель

Ну, если так уж хочешь, я готов
С тобой остаться несколько часов;
Но попрошу мне волю предоставить
Тебя моим искусством позабавить.

Фауст

Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей.

Мефистофель

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,
Чем в целый год обычных дней.
Ни песни духов бестелесных,
Ни дивный ряд картин чудесных
Не будут сном волшебных чар;
Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье —
Всё, всё тебе доставлю в дар!
Приготовлений ждать не нужно:
Мы в сборе все. Начните дружно!

Духи

Вы, темные арки,
О, пусть вас не станет!
Пусть светлый и яркий
Приветливо глянет
Эфир голубой!
Пусть туч, исчеза,
Рассеется рой!
Пусть звёзды, мерца,
Пусть, кротко лаская,
Нам солнца блещут!
Как лёгкая стая,
В роскошном расцвете
Красы бестелесной
Небесные дети,
Порхая, летят;
И рой их прелестный
То выше умчится,
То стелется ниже,
И ближе, всё ближе
К земле он стремится,
И тканью эфирной
Одежды их веют
Над кущами мирной,
Блаженной страны,
Где, в неге беседки,
Дум сладких полны,
Влюблённые млеют,
Друг другу верны.
И всюду пестреют
Беседки, беседки!
Лоз нежные ветки
Дают виноград;
Давимы тисками,
Сок гроздьё струят,
И, пенясь, реками
Стекает вино;
Среди несравненных
Камней драгоценных
Струится оно
И, высь покидая
Сияющих гор,
Течёт, ниспадая,
В равнины озёр.
Холмов вереницы
Меж ними цветут,
И райские птицы
Блаженство там пьют,
И к солнцу стремятся,
И радостно мчатся
Они к островам,
Что в блеске сиянья
Плывут по волнам;
И гимн ликования
Там слышится нам;
Пленяют нам взоры
Танцующих хоры
На светлых лугах,
Взбираются в горы,
Ныряют в волнах,
И в воздухе реют,
И в сердце лелеют
Стремленья свои
К той жизни блаженной
В безбрежной вселенной,

Где звёзды, сверкая,
Дарят им, лаская,
Блаженство любви!

Мефистофель

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,
Спасибо вам мое за ваши песнопенья:
В долгу у вас я за концерт такой.
Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!
Пусть грезит он, объят воздушными мечтами,
Весь погружен в обманчивый покой.
Но надо снять с порога заклинанье:
Его мне крыса отгрызёт.
Вот уж одна пришла: бежит и приказанье
Моё исполнить только ждёт.
Владыка крыс, мышей, лягушек,
Клопов, и блох, и вшей, и мушек
Тебе изволит приказать
К тому порогу подбежать —
И там, где масло он положит,
Пускай твой зуб усердно гложет.
Живей, зверек! Вперед! Мешает выйти мне
Там, с краю, уголок на левой стороне.
Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!
Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

(Уходит.)

Фауст
(просыпаясь)

Ужели я обманут снова?
Мир духов вновь исчез: во сне
Коварный бес явился мне,
А пудель скрылся из алькова!

Сцена 4

КАБИНЕТ ФАУСТА

Фауст, Мефистофель.

Фауст

Кто там? Войдите! Вечно помешают!

Мефистофель

Я здесь.

Фауст

Войдите же!

Мефистофель

Трижды приглашают
Чертей.

Фауст

Войди же!

Мефистофель

Ну, теперь вхожу,
Надеюсь, мы с тобой поладим
И от тебя хандру отвадим.
Примером я тебе служу:
В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинной шпагой,
Дыша весельем и отвагой, —
Чем я не бравый молодец?
И не пора ли наконец
Тебе одеться в том же роде?
Тогда, на воле, на свободе,
И бросив вздорные мечты,
Что значит жизнь, узнаешь ты!

Фауст

Что ни надень, всё мучусь я хандрою,
И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть.
Свет ничего не даст мне, я уверен.
«Умерен будь! Лишь будь умерен!» —
Вот песня вечная у нас.
Она терзает наши души,
Её поют нам хрипло в уши
И каждый день и каждый час!
Встаю ли утром — ждут меня страдания:
Я убеждён, что долгий день пройдёт
И мне не даст, я знаю наперёд,
Ни одного достичь, ни одного желанья!
Мгновенье радости почую ли душой —
Вмиг жизни критика его мне разрушает
И образы, лелеянные мной,
Гримасою ужасной искажает.
Когда же ночь спускается и мне
С тоской в постель приходится ложиться,
Не знаю я покоя и во сне:
Мне сон жестокий будет сниться.
Тот бог, который жив в груди моей,
Всю глубину её волнует:
Он правит силами, таящимися в ней,
Но силам выхода наружу не дарует.
Так тяжко, горько мне, что жизнь мне не мила —

И жду я, чтоб скорей настала смерти мгла.

Мефистофель

Ну, смерть, однако, гость не очень-то приятный.

Фауст

О, как завиден жребий благодатный,
Того, кто, лавры заслужив в бою,
С победою встречает смерть свою,
Того, кто после пляски знойной
Находит смерть в объятьях девы стройной!
Зачем, зачем с восторженной душой
Не пал я мертвым в миг тот роковой,
Когда мне дух явился величавый!

Мефистофель

А всё-таки в ту ночь один знакомый мой
Не осушил бокал, наполненный отравой.

Фауст

Шпионство, видно, страсть твоя?

Мефистофель

Я знаю многое, хоть не всеведущ я.

Фауст

Когда от дикого порыва
Отвлёк меня знакомый звон,
То чувства детские так живо
Твердили ложь былых времен.
Всему, что душу обольщает,
Я шлю проклятие, — всему,
Что наше сердце увлекает,
Что льстит несчастному уму!
Тебе проклятье — самомнение,
Которым дух порой влеком!
Тебе проклятье — ослепление
Блестящим всяким пустяком!
Проклятье грёзам лицемерным,
Мечтам о славе — тем мечтам,
Что мы считаем счастьем верным,
Семейству, власти и трудам!
Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!
Будь проклята любви отрада!
Проклятье соку винограда
И искромётному вину,
Надежд и веры всей святыне, —
Но больше всех тебя отныне,
Терпенье пошлое, клянущ!

Хор духов

(невидимо)

Увы, увы!
Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражен полубогом!
И вот мы, послушны ему,
Уносим обломки создания
В ничтожества тьму
Сквозь плач и рыдания
О дивной погибшей красе...
И молим мы все:
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своем;
С душой обновлённой
Ты новую жизнь начинай, просветлённый,
И новую песнь мы тебе воспоём!

Мефистофель

Слышишь? Дух-малютка
Не лишён рассудка;
Он даёт совет разумный:
Кличет к делу, к жизни шумной!
Брось же угол свой,
Где, во мгле сырой,
Стынет кровь и ум смолкает:
Выйди в мир, где жизнь сверкает!

Довольно же играть своей тоскою,
Что рвёт, как коршун, грудь твою! Взгляни:
Ты окружён беспечною толпою,
Ты человек такой же, как они.
Впрочем, ведь я не равняю с тобою
Эту толпу, неразумный народ.
Слушай: хоть я не из важных господ,
Всё-таки, если ты хочешь со мною
В светлую жизнь веселее вступить,
Буду усердно тебе я служить,
Я тебе преданным спутником стану
И ни на шаг от тебя не отстану;
Знай, что повсюду помощник я твой;
Стану рабом и покорным слугой.

Фауст

А чем я заплачу за эти попеченья?

Мефистофель

О, нам с тобой ещё не близко до того!

Фауст

Нет, нет! Чёрт — эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.
Ясней условимся, мой друг:
Таких держать опасно слуг.

Мефистофель

Я буду верным здесь тебе слугою,
Твоим веленьям подчинён вполне;
Когда же там мы встретимся с тобою,
Ты отплатить обязан тем же мне.

Фауст

Что будет там, о том мне нет заботы;
Когда разрушишь этот свет легко ты, —
Пусть себе иной возникнет свет!
Здесь, на земле, живут мои стремленья,
Под солнцем, здесь, мои мученья;
Когда ж придет последнее мгновенье —
Мне до того, что будет, дела нет.
Зачем мне знать о тех, кто там, в эфире, —
Бывает ли любовь и ненависть у них,
И есть ли там, в мирах чужих,
И низ и верх, как в этом мире!

Мефистофель

Что ж, если так, — условься же смелей,
И я тебя немедля позабавлю
Своим искусством! Я тебе доставлю
Чего ещё никто не ведал из людей!

Фауст

Что, дашь ты, жалкий бес, какие наслажденья?
Дух человеческий и гордые стремленья
Таким, как ты, возможно ли понять?
Ты пищу дашь, не дав мне насыщенья;
Дашь золото, которое опять,
Как ртуть, из рук проворно убегает;
Игру, где выигрыш вовеки не бывает;
Дашь женщину, чтоб на груди моей
Она к другому взоры обращала;
Дашь славу, чтоб чрез десять дней,
Как метеор, она пропала, —
Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут,
И дерево в цвету на несколько минут!

Мефистофель

Ну, это для меня пустое!
Легко б я надавать таких сокровищ мог;
Но, может быть, захочешь ты, дружок,
Со временем вкусить и что-нибудь другое.

Фауст

Когда на ложе сна, в довольстве и покое,
Я упаду, тогда настал мой срок!
Когда ты льстить мне лживо станешь
И буду я собой доволен сам,
Восторгом чувственным когда меня обманешь,
Тогда — конец! Довольно спорить нам!
Вот мой заклад!

Мефистофель

Идет!

Фауст

Ну, по рукам!
Когда воскликну я «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» —
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля разверзнись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я —
И станет стрелка часовая,
И время минет для меня.

Мефистофель

Я буду помнить всё; рискуешь ты, не скрою.
Подумай же.

Фауст

Свободен ты во всём.
Поверь, я не кичусь собою;
Тебе ль, другому ли — рабом
Готов я быть, когда того я стою.

Мефистофель

Итак, пируйте ж, доктор, на досуге,
А я сегодня же исполню роль прислуги!
Ещё одно: неверен жизни срок;
Могу ль у вас просить я пару строк?

Фауст

Расписку? Вот педант! Тебе ли видеть ново,
Что значит человек и данное им слово?
То, что сказал я, власть тебе даёт
Над всей земною жизнью моею;
Весь мир меняется, несётся всё вперёд,
А я нарушить клятву не посмею?
Что делать: рождены мы с глупостью такой!
Кто от неё избавиться сумеет?
Блажен, кто верен, чист душой:
Он жертвовать ничем не пожалеет.
Но лист пергамента с печатями на нём —
Вот призрак, всех пугающий, к несчастью.

Мы слову смолкнуть на пере даём,
А воск и кожу одаряем властью!
Итак, чего ж ты хочешь, бес? Ответь!
Пергамент ли, бумагу, мрамор, медь —
Решай же, выбирай свободно!
Перо ли взять, резец иль грифель? Что ещё?

Мефистофель

Как ты словами сыплешь горячо!
Без них уладим дело превосходно.
Любой листок лишь взять решишь
И каплей крови подпишишь.

Фауст

Изволь, уж если так тебе угодно.
Итак, обряд нелепый, совершись!

Мефистофель

Кровь — сок совсем особенного свойства.

Фауст

Но только чтоб ни тени беспокойства
За мой залог; я сам стремлюсь, поверь,
Всей силою к тому, что обещал теперь!
Собой напрасно слишком я кичился:
Моё достоинство лишь твоему равно.
Великий дух презреть меня решился,
И тайн природы знать мне не дано.
Теперь конец всему: порвалась нить мышленья;
К науке я давно исполнен отвращенья,
Тушить страстей своих пожар
В восторгах чувственных я буду,
И под густой завесой чар
Готов ко всякому я чуду!
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страданье и отрада,
И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой;
Кто хочет действовать — тот позабудь покой!

Мефистофель

Не будет вам ни в чём ни меры, ни преграды;
Чем ни захочется полакомиться вам —
Всё смело на лету хватайте здесь и там,
Что послужить вам может для отрады!
Не надо лишь робеть и выбор свой стеснять.

Фауст

Не радостей я жду, — прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады,
Влюблённой злобы, сладостной досады;

Мой дух, от жажды знания исцелён,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Всё испытать, изведать должен он!
Я обниму в своём духовном взоре
Всю высоту его, всю глубину;
Всё счастье человечества, всё горе -
Всё соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я разобьюсь и сгину!

Мефистофель

Старался разжевать я смысл борьбы земной
Немало тысяч лет. Поверь ты мне, мой милый,
Никто ещё с пелёнок до могилы,
Не переваривал закваски вековой.
Весь этот свет, всё мирозданье -
Для бога лишь сотворены;
Себе он выбрал вечное сиянье,
Мы в вечный мрак погружены;
А вы - то день, то ночь испытывать должны.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Я понимаю это;
Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:
Ars longa, vita brevis est.
Позвольте вам сказать словцо совета:
Коль уж на то пошло, сыщите вы поэта, -
Пусть мыслью в небе он парит
И всё возвышенное света
В особе вашей пусть осуществит:
Отвагу пламенную львов,
Оленя быстроту,
Испанца огненную кровь,
Норвежца прямоту.
Пускай найдёт он тайное искусство
С коварством согласить возвышенное чувство,
По плану вам составит идеал,
По плану вас влюбить не затруднится;
Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,
Ему б я имя Микрокосма дал.

Фауст

Что ж значу я, коль не достигну цели,
Венца, к которому стремиться род людской,
К которому и сам стремлюсь я всей душой?

Мефистофель

Ты значишь то, что ты на самом деле.
Надень парик с миллионами кудрей,
Стань на ходули, но в душе своей

Ты будешь всё таким, каков ты в самом деле.

Фауст

Да, вижу, что напрасно я собрал
Сокровища познания людского;
Не нахожу в себе я силы снова,
Когда свести я счёты пожелал;
Ни на волос не выше я, не ниже
И к бесконечному не ближе.

Мефистофель

Привык смотреть на вещи ты, мой друг,
Как все на них вы смотрите; а надо
Умней, толковей тратить свой досуг,
Пока доступна жизни вся отрада.
Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад – твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы – не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!
Итак, смелей! Раздумье всё долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спеши, надеждой окрылённый!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойдённый,
А вокруг цветёт роскошный луг зелёный!

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Уйти скорей.
Что делать нам в тюрьме твоей?
Что здесь за жизнь? Тоской да пустяками
Морить себя с учениками?
Сосед-толстяк на это есть.
Толочь ли воду ты желаешь?
Все лучшие слова, какие только знаешь,
Мальчишкам ты не можешь преподнести.
Да вот, один идёт уж в коридоре.

Фауст

я не могу его принять.

Мефистофель

Нельзя же так его прогнать:
Бедняжка долго ждал, он будет в страшном горе.
Твой плащ да шапочку на время я возьму;

Как раз к лицу мне быть в таком уборе!

(Переодевается.)

Ты остроумию доверься моему -
Всего лишь четверть часика мне нужно, -
А сам иди да в путь стготовься дружно.

Фауст уходит.

Мефистофель

(один, в длинной одежде Фауста)

Лишь презирай свой ум да знанья светлый луч -
Всё высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый, -
Тогда ты мой, без дальних слов!
Ему душа дана судьбою,
Стремящаяся вдаль, не вынося оков;
В своём стремленье пылкою душою
Земные радости он презирать готов.
Он должен в шумный мир отныне погрузиться;
Его ничтожеством томим,
Он будет рваться, жаждать, биться,
И призрак пищи перед ним
Над ненасытною главою будет виться;
Напрасно он покоя будет ждать.
И даже не успеет он душу мне продать,
Сам по себе он должен провалиться.

Входит ученик.

Ученик

Я только что приехал по делам,
И вот, исполнен преданности к вам,
Я утруждать решаюсь посещеньем
Того, о ком все говорят с почтеньем.

Мефистофель

Учтивость ваша делает вам честь:
Таких, как я, немало, впрочем, есть.
Вам приходилось где-нибудь учиться?

Ученик

Я прямо к вам намерен обратиться!
От всей души стараться я готов;
И деньги есть и телом я здоров.
Меня пускать мать долго не хотела,
Да слишком мной охота овладела
Узнать побольше дельного у вас.

Мефистофель

О, если так - на месте вы как раз.

Ученик

Признаться, я б уехал хоть сейчас
Назад: все эти стены, коридоры
Мучительно мои стесняют взоры;
Так неприветлив, тесен этот дом:
Ни зелени, ни деревца кругом!
А в залах, на скамьях – в одно мгновенье
Теряешь сразу ум, и слух, и зрение.

Мефистофель

На всё привычка есть, мой юный друг:
Дитя – и то у матери не вдруг
Берёт сосец, чтоб присосаться плотно,
Впоследствии ж питается охотно.
А мудрости божественная грудь
Что день, то больше даст вам наслажденья.

Ученик

Всем сердцем я желаю к ней прильнуть.
Но как мои осуществить стремленья?

Мефистофель

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей вам факультет?

Ученик

Хочу я быть учёным чрезвычайным,
Приблизиться ко всем земли и неба тайнам –
обнять желаю, словом, полный круг
Природы всей и всех наук.

Мефистофель

Вы верный путь себе избрали,
Лишь развлекаться не должны.

Ученик

И телом и душой, от сердца глубины,
Отдамся я ученью; но нельзя ли
И отдохнуть – гулять по временам,
Хотя бы летом, по воскресным дням?

Мефистофель

Цените время: дни уходят безвозвратно!
Но наш порядок даст привычку вам
Распределять занятия аккуратно.
А потому, мой друг, на первый раз,
По мне, полезен был бы тут для вас

Курс логики: хоть опыт и рискован,
Начнут дрессировать ваш ум,
Как бы в сапог испанский зашнурован,
Чтоб тихо он, без лишних дум
И без пустого нетерпенья,
Вползал по лестнице мышленья,
Чтоб вкривь и вкось, по всем путям,
Он не метался там и сям.
Затем внушат вам ради той же цели,
Что в нашей жизни всюду, даже в том,
Для всех понятном и простом,
Что прежде сразу делать вы умели -
Как, например, питьё, еда, -
Нужна команда «раз, два, три» всегда.
Так фабрикуют мысли. С этим можно
Сравнить хоть ткацкий, например, станок.
В нём управление нитью сложно:
То вниз, то вверх снуёт челнок,
Незримо нити в ткань сольются;
Один толчок - сто петель вьются.
Подобно этому, дружок,
И вас философ поучает:
«Вот это - так и это - так,
А потому и это так,
И если первая причина исчезает,
То и второму не бывать никак».
Ученики пред ним благоговеют,
Но ткань соткать из нитей не сумеют.
Иль вот: живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нём познание получить,
Учёный прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчлениает
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!
Encheiresin naturae именуется
Всё это химия; сама того не чует,
Что над собой смеётся.

Ученик

Виноват:

Неясно это мне.

Мефистофель

О, всё пойдёт на лад:

В редукцию лишь надо вникнуть,
К классификации привыкнуть.

Ученик

Всё дико мне! В мозгу моём
Всё завертелось колесом.

Мефистофель

Затем, первой всего, займитесь неизбежно
Вы метафизикой: учитесь ей прилежно;
Глубокомысленно трудясь,
Вместить старайтесь то, что отродясь

В мозг человеческий не входит;
Вместите ль, нет ли – не беда:
Словечко громкое всегда
Из затрудненья вас выводит!
Но в первые полгода, милый друг,
Порядок вам нужнее всех наук;
Вам в день занятий пять часов нормально:
С утра к звонку являйтесь пунктуально!
Старайтесь раньше дома протвердить
Параграф, чтобы в классе проследить,
Что вам твердит учитель, слово в слово,
Лишь то, что в книге, – ничего другого,
И так старательно пишите всё в журнал,
Как будто б дух святой вам диктовал.

Ученик

Об этом мне напоминать не надо!
Сам знаю я, какая в том отрада.
Спокойно мы домой тетрадь несём:
Топор не вырубит, что писано пером.

Мефистофель

Так изберите ж факультет.

Ученик

К юриспруденции не чувствую влечения.

Мефистофель

Что ж, не во вред вам это отвращенье:
По правде, в ней большого проку нет.
Законы и права, наследное именье,
Как старую болезнь, с собой
Несёт одно другому поколенье,
Одна страна – стране другой.
Безумством мудрость станет, злом – благое:
Терпи за то, что ты не дед!
А право новое, родное –
О нём – увы! – и речи нет!

Ученик

К ней утвердили вы моё презренье.
Блажен, кому вы можете помочь!
Я богословие избрать теперь не прочь.

Мефистофель

Не стану вас вводить в заблужденье,
Мой юный друг. В науке сей
Легко с дороги сбиться: всё в ней ложно;
Так яду скрытого разлито много в ней,
Что с пользой различить его едва ли можно.
И здесь учителя вы слушать одного
Должны и клясться за слова его.

И вообще: держитесь слова
Во всём покрепче, каждый раз!
тогда дорога верная для вас
В храм несомненности готова.

Ученик

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:
Коль скоро недочёт в понятиях случится,
Их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять:
В словах нельзя ни йоты изменять.

Ученик

Простите, вам наскучил я; но снова
Решусь я вас вопросом утруждать:
Нельзя ли будет мне узнать
О медицине ваше слово?
Три года - много ли? А время ведь не ждёт,
И - бог мой! - мудрости так необъятно поле!
Когда указан путь, тогда гораздо боле
Почувствуешь себя продвинутым вперёд.

Мефистофель

(в сторону)

Ну, речь педантская порядком мне приелась:
Мне сатаной опять явиться захотелось.

(Вслух.)

Дух медицины всяк легко поймёт!
Большой и малый свет вам изучать придётся.
А там - пускай всё остаётся,
Как бог пошлёт.
В науке здесь парить не надо через меру:
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновенье уловил,
Тот мигом делает карьеру.
Притом же вы недурно сложены,
А стало быть, робеть лишь не должны:
Кто верить сам в себя умеет,
Тот и других доверьем овладеет,
И вот - ему успехи суждены.
Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться их вечный «ох» да «ах»
Во всех его бесчисленных тонах
Лечите всё одним, всё тем же самым;
Тут стоит такта чуточку иметь -
И, смотришь, все попались в вашу сеть.
Ваш титул им внушит тот вывод ясный,
Что вы - искусник редкостный, прекрасный,
Каких на свете мало есть; а там -
Вы сразу приметесь за всяческие штучки.

Которых ждут иные по годам;
Пожмёте нежно пульс прелестной ручки
И, пламя хитрое придав своим глазам,
Изящный стан вы обовьёте ловко:
Уж не тесна ли, мол, у вас шнуровка?

Ученик

Вот это лучше, видно - как и где.

Мефистофель

Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет!

Ученик

Клянусь, теперь брожу я как во сне!
Ещё разок прийти нельзя ли мне?
Никто учить так мудро не умеет!

Мефистофель

Чем я могу, служить всегда готов.

Ученик

Нельзя ж мне так уйти от вас! Позвольте
Просить вас написать в альбом мне пару слов
В знак вашей благосклонности!

Мефистофель

Извольте!

(Пишет и возвращает ученику альбом.)

Ученик
(читает)

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

(Почтительно закрывает альбом и откланивается.)

Мефистофель

Следуй лишь этим словам да змее, моей тётке, покорно:
Божье подобье своё растеряешь ты, друг мой, бесспорно!

Фауст
(входя)

Куда ж теперь?

Мефистофель

Куда стремишься ты душой.
Сначала в малый свет, потом в большой.
С каким весельем, друг ты мой любезный,
Ты просмакуешь этот курс полезный!

Фауст

Ну нет; я с этой длинной бородой,
Далёк от жизни лёгкой, молодой.
Не верю я в попытку эту;
Притом всегда я чужд был свету.
Я ниже всех себе кажусь,
Всегда стесняюсь и стыжусь.

Мефистофель

Умение жить придёт само собою.
Лишь верь в себя, так жизнь возьмёшь ты с бою!

Фауст

Но как же нам пуститься в путь?
Где экипаж, где кони, слуги?

Мефистофель

Мне стоит плащ мой развернуть -
И взовьёмся легче вьюги.
Но на полёт отважный свой
Ты не бери узлов с собой.
Вот я дыханьем огненным повею -
И мы поднимемся с поверхности земной:
Чем легче, тем скорей помчишься ты со мной.
Ну-с, с новой жизнью вас поздравить честь имею!

Сцена 5

ПОГРЕБ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ

Компания гуляк.

Фрош

Никто не пьет! И смеха нет ни в ком!
Эх, проучить бы вас за эти рожи!
Сегодня вы — что мокрые рогожи.
А ведь могли б быть парни с огоньком!

Брандер

Ты виноват — кого ж винить другого?
Ни глупостей, ни свинства никакого!

Фрош

(выливая ему на голову стакан вина)

Так получи сполна!

Брандер

Свиньёй свинья!

Фрош

Ты сам просил — исполнил я.

Зибель

Кто ссорится, тех вон! Их нам не нужно.
Знай пойте, пейте да ревите дружно:
«Гоп, голла, го!»

Альтмайер

Пропали мы, беда!
Где вата? Уши мне он раздерёт! Ужасно!

Зибель

Когда трясутся своды, лишь тогда
Вся сила баса чувствуется ясно!

Фрош

Идёт! А кто перечит, тех — за дверь!
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Альтмайер

Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Фрош

Ну, глотки все настроены теперь!

(Поёт.)

Святой, высокий римский трон,
Как до сих пор не рухнет он?

Брандер

Дрянная песня, тьфу, политикой звучит!
Создателя благодарите смело,
Что римский трон блюсти — не ваше дело!
Конечно, уж судьба ко мне благоволит,
Что быть мне канцлером иль князем не велит.
Но старшину иметь не худо и меж нами:

Так изберем мы папу сами.

Известно вам, какой чертой
Решается избранье в сан святой?

Фрош

(поёт)

Взвейся, подымися к небу, соловей,
Сто раз поклонися милой ты моей!

Зибель

Поклона милой нет — и чтоб о том ни слова!

Фрош

Поклон и поцелуй — стою на этом снова!

(Поёт.)

Прочь замОк! — в тиши ночной —
Прочь замОк! — ждёт милый твой;
Щёлк замОк! — горит восток.

Зибель

Ну, ладно, величай да песни в честь ей пой!
Тебя же осмеют, а никого другого:
Как провела меня, так проведёт любого.
Пускай с ней встретится влюблённый домовый,
На перекрёстке пусть ей отведёт он очи!
Пусть в полночь с Блоксберга несущийся домой
Проблеет ей козёл спокойной ночи!

Чтоб парень спину гнул пред ней, —
Нет, много чести будет ей!
Повыбить окна ей — вот это
Я одобряю для привета!

Брандер

(ударяя кулаком по столу)

Молчать! Молчать! Послушайте меня!
Я, как известно, жить умею!
Ведь здесь влюбленных целая семья —
И всем доставить по порядку я
Им кое-что приятное имею.

На новый песенка построй:
Вы петь припев должны за мной!

(Поёт.)

Раз крыса в погребе жила,
Все ела жир да сало;
Как доктор Лютер, завела
Брюшко и бед не знала.
Но повар яду ей подлил —
И крысе белый свет постыл:
Ужель она влюбилась?

Хор

(весело)

Ужель она влюбилась?

Брандер

Бежит назад, бежит вперёд,
Везде грызёт и гложет;
Во всякой грязной луже пьет,
А боль унять не может.
Бедняга скачет там и тут,
Но скоро ей пришёл капут:
Ужель она влюбилась?

Хор

Ужель она влюбилась?

Брандер

Средь бела дня она в пыли
Вбежала в кухню, села
В предсмертных корчах на полу
И жалобно пыхтела.
А повар злой, смеясь, твердит:
«Ага! со всех концов свистит —
Ужель она влюбилась?»

Хор

Ужель она влюбилась?

Зибель

Вишь, умники! Нашли себе отраду!
Как будто нет и подвига славней,
Чем дать бедняжке крысе яду!

Брандер

Давно ли крысы в милости твоей?

Альтмайер

Эх ты, пузан с башкою лысой!
В несчастье тих и кроток он:

Сравнил себя с распухшей крысой –
И полным сходством поражён.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

(Фаусту)

Тебя ввожу я с первого же шага
В весёлый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них – что день, то праздник настаёт.
С плохим умом, с большим весельем, в мире
Ребята скачут в танце круговом,
Точь-в-точь котята за хвостом.
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, –
Так все на свете трын-трава!

Брандер

Душа моя приезжих сразу чует:
В них по манерам я чужих узнал сейчас;
Они и двух часов не пробыли у нас.

Фрош

Ты прав! Ни перед кем наш Лейпциг не спасует:
Как маленький Париж, он свой народ шлифует.

Зибель

Ты их откуда же считаешь, из каких?

Фрош

Уж предоставьте мне! Я только им поставлю
Бутылочку винца, так без труда я их
Всю подноготную поведать нам заставлю.
Они, должно быть, не простые, брат:
Недаром зло и гордо так глядят.

Брандер

Знать, шарлатаны, чёрт их подери!

Альтмайер

Должно быть, так.

Фрош

Так надо к ним придраться.

Мефистофель

(Фаусту)

Народец! Чёрт меж них, а им не догадаться:
Хоть прямо их за шиворот бери.

Фауст

Поклон вам, господа!

Зибель

Спасибо за поклон.

(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.)

Но отчего прихрамывает он?

Мефистофель

Присесть к столу прошу я позволения.
Хорошего вина здесь получить нельзя,
Так мы найдем в беседе наслаждение.

Альтмайер

Вы избалованы порядком, вижу я.

Фрош

Вы в Риппах вчера, должно быть, ночевали?
Поужинали вы у Ганса-дурачка?

Мефистофель

Нет, нынче мы пришли издалека,
Но прошлый раз мы долго с ним болтали,
Нам говорил он много о родне:
Ей сесть поклон приказывал он мне.

(Кланяется Фрошу.)

Альтмайер

(тихо)

Что, съел?

Зибель

Да, это парень не простой.

Фрош

Ещё его поддену я, постой!

Мефистофель

Входя сюда, мы слышали сейчас,
Как стройно вы здесь хором песни пели.
Здесь голоса должны звучать: как раз
Хорош высокий свод для этой цели.

Фрош

Вы, верно, сами музыкант?

Мефистофель

Охота есть, да невелик талант.

Альтмайер

Что ж, спойте песню нам.

Мефистофель

Хоть сто, когда хотите.

Зибель

С условием одним: что новую дадите.

Мефистофель

О да! В Испании мы были, а она —
Известно — родина и песни и вина!

(Поёт.)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-друга...

Фрош

Вы слышите — блоху! Понятно ли для вас?
Блоха — вот славный гость у нас!

Мефистофель

(поёт)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-друга;
Берёт блоху, как злато,
Лелеял, как сына.
Вот шлёт король к портному, —
Портной пришёл сейчас.
«Сшей плащ другу родному

Да брюки в самый раз».

Брандер

Да вы бы подтвердить портному не забыли,
Чтобы с бедняжки снял он мерку поверней
И чтоб, коль дорожит он головой своей,
Без складок и морщин штанишки сшиты были!

Мефистофель

(поёт)

И в шёлк и в бархат чудный
Блоха наряжена
И носит крест нагрудный,
На ленте ордена.
Блоха министром стала.
Блестит на ней звезда!
Родня её попала
В большие господа.
Блоха, дав волю гневу,
Всех жалит с этих пор:
Вельмож, и королеву,
И фрейлин, и весь двор.
Никто не смей чесаться,
Хоть жалит всех наглец!
А мы — посмей кусаться, —
Прищёлкнем — и конец!

Хор

(весело)

А мы — посмей кусаться, —
Прищёлкнем — и конец!

Фрош

Bis, bravo, bis! Что за припев лихой!

Зибель

Да будет так со всякою блохой!

Брандер

На ноготь лишь её — и нет блохе исхода.

Альтмайер

Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Мефистофель

Я в честь свободы рад бы выпить сам,

Когда бы вин получше дали нам.

Зибель

Опять! Не нравится нам речь такого рода!

Мефистофель

Хозяина боюсь обидеть я,
А то бы мы гостям почтенным удружили:
Свой погреб мы бы вам охотно предложили.

Зибель

Сюда его, сюда! Беру всё на себя!

Фрош

Что ж, выпить мы не прочь. Смотрите только, чтобы
Не слишком мелки были ваши пробы:
Мне, чтоб о винах правильно судить,
Немало надо в глотку пропустить.

Альтмайер

(тихо)

А! Гости с Рейна перед нами!

Мефистофель

Достаньте мне бурав.

Брандер

На что бурав-то вам?
У вас не бочка за дверями?

Альтмайер

Вон ящик на столе: бурав найдётся там.

Мефистофель

(взяв бурав, Фрошу)

Какого же вина отведать вам угодно?

Фрош

Что за вопрос! Иль много их у вас?

Мефистофель

Чего желает кто, всяк выбирай свободно.

Альтмайер

(Фрошу)

А ты уж губы стал облизывать сейчас!

Фрош

Что ж, если так, рейнвейну наливайте:
Я предпочту всему отечества дары.

Мефистофель

(буравя край стола перед Фрошем)

Нельзя ли воску для дыры?

Альтмайер

Ах, это фокусы! Вы нас не надувайте!

Мефистофель

(Брандеру)

А вам?

Брандер

Шампанское вино!
Чтоб било в потолок оно!

Мефистофель буравит; один из гостей сделал тем временем
восковые пробки и затыкает отверстия.

Я не боюсь чужого дара,
И вдалеке добро бывает рождено;
Хоть немцу кровному француз совсем не пара,
Но с радостью мы пьем французское вино.

Зибель

(видя, что Мефистофель приближается к нему)

Я кислых вин, признаться, не любитель.
Чего-нибудь послаще не дадите ль?

Мефистофель

(буравит)

Токайского предложим вам тогда.

Альтмайер

Нет, нет! Взгляните-ка в глаза мне, господа:
Я вижу, вы смеётесь лишь над нами.

Мефистофель

Ай-ай, как смеем мы! С такими господами
Опасно было бы шутить.
Ну, поскорей решайте сами,
Каким вином могу служить?

Альтмайер

Любим, чтоб слов не тратить с вами.
Все отверстия провернуты и заткнуты восковыми пробками.

Мефистофель

(делая странные жесты)

Нам виноград лоза дала;
На лбу рога есть у козла;
Вино на древе рождено;
Стол деревянный даст вино.
В природу вникните верней:
Поверьте, чудо скрыто в ней!
Ну, пробки прочь — и пейте живо!

Все

(вынимают пробки; требуемое вино льётся в стаканы)

О чудный ключ! Какое диво!

Мефистофель

Но берегись, ни капли не пролей!

Они пьют еще раз.

Все

(поют)

По-каннибальски любо нам,
Как будто пятам свиньям!

Мефистофель

Народ свободен стал: любуйтесь на него!

Фауст

Мне кажется, что нам пора бы удалиться.

Мефистофель

Постой, должно ещё всё их скотство
Во всей красе пред нами проявиться.

Зибель пьёт неосторожно, вино льется на землю и вспыхивает.

Зибель

Огонь! Спасите! Ад! Мы все сгорим сейчас!

Мефистофель

(заговаривая огонь)

Смирись мне, верная стихия!

(Всем.)

Огонь чистилища был тих на этот раз.

Зибель

Что это? Берегись! За шуточки такие
Ответить можешь ты! Не знаешь, видно, нас!

Фрош

Посмей-ка повторить дурачество такое!

Альтмайер

Пусть убирается, оставив нас в покое.

Зибель

Нет, как вы смели? Как вам в ум взбрело
Творить здесь фокусы? Что это за игрушки?

Мефистофель

Цыц, бочка!

Зибель

Сам ты помело!
Ты хочешь, чтоб до кулаков дошло?

Брандер

Смотри! Дождёмся колотушек!

Альтмайер вынимает пробку из стола; ему в лицо бьёт огонь.

Альтмайер

Пожар! Горю!

Зибель

Да это колдовство!
За голову его награда! Режь его!

Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.

Мефистофель

(с важным видом)

Ум, смутися по словам!
Ложный вид предстань очам!
Будьте здесь и будьте там!

Все останавливаются, в изумлении глядя друг на друга.

Альтмайер

Где я и что со мной? Ах, что за сад прелестный!

Фрош

Что вижу я? Лоза!

Зибель

И виноград чудесный!

Брандер

Взгляните, что за куст густой!
И что за гроздь! Боже мой!

Брандер хватает Зибеля за нос. Другие делают то же и поднимают ножи.

Мефистофель

(по-прежнему)

Спади с очей, повязка заблужденья!
И помните, как дьявол пошутил!

(Исчезает с Фаустом.)

Прятели выпускают друг друга.

Зибель

Что?

Альтмайер

Как?

Фрош

Так это нос твой был?

Брандер

(Зибелю)

А я за твой схватился? Наваждение!

Альтмайер

Каков удар! Всего меня потряс!
Подайте стул — я упаду сейчас.

Фрош

Но что же было тут, я спрашиваю вас?

Зибель

Где этот молодец? Ну, встретиться в одиночку
Мне где-нибудь, так жив не будет он!

Альтмайер

Я видел сам, как он вскочил на бочку
И вмиг на ней верхом умчался вон.
В ногах свинец: со мной недоброе творится.

(Оборачиваясь к столу.)

Я думаю, вино могло б ещё политься?

Зибель

Все было тут обман, предательство и ложь.

Фрош

А тем не менее мне кажется, что всё ж
Я пил вино.

Брандер

А как же гроздья эти?

Альтмайер

Пусть говорят теперь, что нет чудес на свете!

Сцена 6

КУХНЯ ВЕДЬМЫ

На низком очаге, на огне, стоит большой котёл.
В паре, поднимающемся кверху, виднеются различные образы.
Мартышка-самка сидит у котла, снимает пену и смотрит,
чтобы варево не выкипало. Мартышка-самец с детёнышами сидит подле
и греется. Стены и потолок увешены причудливой утварью ведьмы.

Фауст и Мефистофель.

Фауст

К бессмысленным их чарам отвращенье
Питаю я: найдётся ль исцеленье
Здесь, в этой тьме безумства, для меня?
Я не хочу советов старой бабы!
Но, может быть, дряная пачкотня
Лет тридцать с плеч моих долой сняла бы?
Нет, мир надежды для меня потух:
Беда, коль не найдешь другого мне леченья.
Ужель природа и могучий дух
Нам не дадут бальзама возрожденья?

Мефистофель

Мой друг, ты говоришь умно:
Природное есть средство стать моложе;
Жаль, не про нас лишь писано оно,
Да и довольно странно тоже.

Фауст

Я знать хочу его скорей!

Мефистофель

Изволь; вот средство возрожденья
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалей;
Питайся просто в скромной доле,
Живи, как скот, среди скотов
И там, где жил ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне: в этом весь секрет
Помолодеть хоть в восемьдесят лет.

Фауст

Но не привык я к плугу и лопате,
За них мне взяться было бы некстати;
Нет, узкая мне жизнь не суждена!

Мефистофель

Так ведьма, стало быть, нужна.

Фауст

К чему тут баба — непонятно!
Свари напиток сам, без лишних слов.

Мефистофель

Да! Вот бы время я провел приятно!
Уж лучше выстрою я тысячу мостов.
Здесь мало знания и умения —
Здесь ты не обойдёшься без терпенья.
Корпеть пришлось бы тут немало лет:
Ведь раньше времени броженью ходу нет.
Чего-чего тут нет в бродилах,
И надо знать уловок тьму!
Хоть чёрт и учит их всему,
А сам всё сделать он не в силах.

(Показывая на зверей.)

Не правда ль, миленький народ?
Вот вам слуга, служанка — вот!

(Зверям.)

А что, хозяйка улетела?

Звери

Она поела,
В трубу взвилась
И унеслась.

Мефистофель

А долго ли она там реет?

Звери

Пока огонь нам лапы греет.

Мефистофель

(Фаусту)

Как ты находишь — хороши?

Фауст

Нет слов сказать, насколько гадки.

Мефистофель

А мне так нравятся их речи и повадки;
Беседу их люблю я от души.

(Зверям.)

Ну, куклы чёртовы, скажите,
Что тут за варево? Над чем вы ворожите?

Звери

Для нищих жидкий суп кипит!

Мефистофель

На этот раз
Немало будет публики у вас.

Самец

(подползая и ласкаясь к Мефистофелю)

Разочек сыграй
Со мною и дай
Набиться карману!
Без денег шабаш;
А денег мне дашь —
Я умником стану!

Мефистофель

Тварь эта с радости совсем бы очумела,
Когда б она в лото играть умела.

Детеныши, играя большим шаром, катят его.

Самец

Вот мир летит,
Спешит, бежит,
Крутясь, в пустыне.
Стеклянный звон,
Как хрупок он!
Пустой в середине,
Он тут блестит,
А там горит.
Я жив доньше!
Дитя, мой друг,
Пусти из рук,
Не то умрешь ты.
Здесь глина: стук —

И разобьёшь ты.

Мефистофель

Что в решете у вас?

Самец

(доставая решето)

Случись тут вор у нас,
Могли б его узнать мы.

(Бежит к самке и даёт ей взглянуть в решето.)

Взгляни-ка в решето:
Вор виден нам, но кто,
Посмеем ли сказать мы?

Мефистофель

А что за польза вам от этого горшка?

(Приближается к огню.)

Самец и самка

Пустая башка!
Не понял горшка,
Котла не поймёт он!

Мефистофель

Невежа ты, зверь!

Самец

Присел бы теперь
Ты с веником: вот он.

(Заставляет Мефистофеля сесть.)

Фауст

(который тем временем глядел в зеркало,
то приближаясь, то удаляясь)

Что вижу я! Чудесное виденье
В волшебном зеркале мелькает всё ясней!
О дай, любовь, мне крылья и в мгновенье
Снеси меня туда, поближе к ней!
О, если б был не в комнате я тесной,
О, если б мог лететь к богине той!
Но нет, она полузакрыта мглой...
О, дивный образ красоты телесной!
Возможна ли подобная краса?
Возможно ли, чтоб в прелести чудесной.

Вмещались все неба чудеса?
Найдется ль чудо на земле такое?

Мефистофель

Понятно: шесть ведь дней трудился наш творец
И «браво» сам себе промолвил наконец, —
Так, верно, что-нибудь да вышло же благое:
Теперь любуйся тем, что видишь пред собой;
А там найду тебе подобное создание,
И счастлив тот, кому дано судьбой
Сокровищем подобным обладанье.

Фауст все смотрит в зеркало.
Мефистофель, потягиваясь и играя веником, продолжает говорить.

Сию, как царь, на возвышенье трона,
Со скипетром в руках; нужна ещё корона.

Звери

(делавшие разные странные движения, с громкими криками приносят
Мефистофелю корону)

Корону ты склей:
Пот нужен для ней
И кровь со слезами.

(Они неловко обращаются с короной, ломают её пополам и
прыгают кругом с ее кусками.)

Свершилось! Мы зрим,
Мы слышим, кричим,
И даже стихами.

Фауст

(перед зеркалом)

Ах, я с ума сойду!

Мефистофель

(указывая на зверей)

Увы! на этот раз
И у меня башка кружиться начинает.

Звери

И даже подчас
Бывает, что нас
И мысль осеняет.

Фауст

(как выше)

Я весь горю, нет больше сил моих!
Нельзя ли нам отсюда удалиться?

Мефистофель

(в том же положении)

По крайней мере, надо согласиться,
Что задушевная поэзия у них.

Котёл, оставленный самкой без присмотра, начинает выкипать;
возникает большое пламя, бьющее в трубу. Ведьма прилетает в
этом огне со страшным воплем.

Ведьма

Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я!
Проклятый зверь, свиньёй свинья!
Проспал котёл! Обжёг меня!
Вот всех вас я!

(Замечая Фауста и Мефистофеля.)

Что вижу я!
Зачем вы к нам?
Что нужно вам?
Вот я вам дам:
Сожгу я вас
Огнём сейчас!

(Черпает ложкой из котла и брызжет на всех огнём.)

Звери визжат.

Мефистофель

(перевернув веник, бьёт посуду)

Раз — бью, два — бью!
Котлы свалю,
Стряпню пролью!
Знай, морда: так
Стучу я в такт
Под песнь твою.

Ведьма отступает в ярости и ужасе.

Ну что, костлявая? Теперь узнала ты?
Узнала, пугало, царя и господина?
Махну рукой — и все твои скоты
И ты сама — всё прахом, образина!
Не уважаешь красный мой камзол?
Петушьего пера узнать не можешь?
Иль я, закрыв лицо, сюда пришел?
Что ж, самому назваться мне предложишь?

Ведьма

Простите, сударь, мне за грубый мой привет!
Но конского при вас копыта нет,

И вороны куда, скажите мне, девались?

Мефистофель

На этот раз уж пусть тебе сошло!
С тех пор воды немало утекло,
Как мы с тобой в последний раз видались.
Цивилизация велит идти вперёд;
Теперь прогресс с собой и чёрта двинул.
Про духа северного позабыл народ,
И, видишь, я рога, и хвост, и когти кинул.
Хоть ногу конскую иметь я должен всё ж,
Но с нею в публике являться не желаю
И вот в фальшивых играх щеголяю,
Как франтовская молодежь.

Ведьма

(пляшет)

Ах, голова пошла от радости кругом!
Голубчик сатана, вы снова здесь со мною!

Мефистофель

Тсс! Не зови меня, старуха, сатаной!

Ведьма

Как? Почему же? Что дурного в том?

Мефистофель

Давно попало в басни это слово!
Что толку, впрочем, от таких затей?
Не меньше стало злых людей,
Хоть и отвергли духа злого.
Теперь мой титул — «господин барон»:
Других не хуже, рыцарь я свободный;
А что я крови благородной —
Так вот мой герб! Хорош ли он?

(Делает неприличный жест.)

Ведьма

(смеясь во все горло)

Ха-ха-ха-ха! Да, это в вашем роде!
Вы всё шалун такой же продувной!

Мефистофель

(Фаусту)

Учись, мой друг, и поспевай за мной:
Вот что приятно ведьмам в обиходе.

Ведьма

Чем, господа, служить могу вам я?

Мефистофель

Подай стакан известного питья;
Но только, знаешь, постарее!
Оно что год, то действует сильнее.

Ведьма

Охотно. У меня имеется флакон:
Я лакомлюсь порой сама, когда придётся.
Притом нисколько не воняет он.
Для вас стакан-другой всегда найдётся.

(Тихо.)

Но если чарами ваш друг не защищён,
Ему и часу жить не остаётся.

Мефистофель

Не бойся: без вреда приятель выпьет мой
Венец стряпни твоей и знанья.
Черти же круг, промолви заклинанья
И влей в стакан напиток чудный твой.

Ведьма причудливыми жестами выводит круг и ставит в него разные предметы.
Стаканы и горшки начинают звенеть, и звуки переходят в музыку.
Наконец она приносит большую книгу и ставит мартышек в круг.
Одна из них держит на спине книгу, другие стоят с факелами.
Затем ведьма кивает Фаусту, чтоб он подошел.

Фауст

(Мефистофелю)

К чему, скажи мне, эти представленья?
Чушь глупая, безумные движенья,
Обман и ложь пошлейшие кругом.
Мне этот вздор давно знаком.

Мефистофель

Чудак, ведь это лишь для смеха!
Не будь к старухе слишком строг:
Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье тебе пойдёт не впрок.

(Заставляет Фауста войти в круг.)

Ведьма

(напыщенно декламируя по книге)

Пойми: причти
Раз к десяти,
Два опусти,
А три ставь в ряд –
И ты богат.
Четыре сгладь,
А шесть и пять
За семь считать
И восемь раз –
Закон у нас.
Пусть девять в счёт
За раз пойдёт,
А десять сгладь.
Так ведьма учит умножать!

Фауст

Старуха в лихорадке бредить стала.

Мефистофель

О, это, друг, пока ещё начало,
А далее вся книга так гласит!
Понять её стараться – труд напрасный:
Глупец и умный с толку будет сбит
Противоречий массою ужасной.
Все это и старо и ново! Посмотри
В историю и вспомни: не всегда ли,
Три за одно, одно за три
Считая, люди вздор за правду выдавали?
Так учат зря болтать с начала всех веков –
С глупцами заводить никто не хочет спора.
Да людям редко что и нужно, кроме слов:
Что в них есть мысли, верят без разбора!

Ведьма

(продолжая)

Познания свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!
Порою он,
Как дар, суждён
И тем, в ком нет мышленья!

Фауст

Какая чушь! Я убежать готов:
Пожалуй, лопнет голова от вздора.
Я точно слышу песню хора
Ста тысяч круглых дураков!

Мефистофель

Ну, будет, будет, мудрая Сивилла!
Ты лучше бы стаканчик предложила,

Налив его полнее, до краёв.
Приятелю он не придётся солон:
Недаром ведь все степени прошел он
И много разных делывал глотков.

Ведьма с разными церемониями наливает питьё в бокал;
когда Фауст подносит его к губам, вылетает лёгкое пламя.

Живее пей до дна бокал —
И ты мгновенно ободришься.
На «ты» давно ты с чёртом стал,
А всё ещё огня боишься.

Ведьма открывает круг; Фауст выходит.

Теперь стоять не надо, живо в путь!

Ведьма

Пусть вам глоточек принесёт отраду!

Мефистофель

(ведьме)

При случае получишь ты награду;
В Вальпургиеву ночь мне можешь намекнуть.

Ведьма

Вот песенка: чтоб дать всю силу соку,
По временам её должны вы петь.

Мефистофель

(Фаусту)

Скорей! Иди, а то не будет проку:
Ты непременно должен пропотеть,
Чтоб весь насквозь ты пропитался зельем.
Ты прогуляешься спокойно, без забот —
И вдруг почувствуешь с отрадой и весельем,
Как сладко Купидон играть в тебе начнёт.

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:
Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: наяву увидишь ты
Образчик лучший женской красоты.

(В сторону.)

Да, этим зельем я тебя поддену.
Любую бабу примешь за Елену!

Сцена 7

УЛИЦА

Фауст и Маргарита проходят.

Фауст

Прекрасной барышне привет!
Я провожу вас... если смею.

Маргарита

Прекрасной барышни здесь нет!
Домой одна дойти сумею.

(Вырывается и уходит.)

Фауст

Как хороша! Я клятву б дал,
Что в жизни лучших не видал!
Так добродетельна, скромна —
И не без колкости она.
А взор потупленных очей
Запечатлён в душе моей.
Румяных губ и щёчек цвет...
Ах, позабыть его нет сил!
А как суров и краток был
Её находчивый ответ!
Восторг — и слов тут больше нет!

Входит Мефистофель.

Фауст

Ты должен мне добыть девчонку непременно.

Мефистофель

Какую?

Фауст

Ту, что только что прошла.

Мефистофель

Как, эту? У попа она сейчас была
И от грехов свободна совершенно:
К исповедальне подойдя,
Отлично всё подслушал я.
Она на исповедь напрасно –
Пришла: невинна, хоть прекрасна, –
И у меня над нею власти нет.

Фауст

Не меньше ж ей четырнадцати лет?

Мефистофель

Ты говоришь, как сердцеед порочный.
Подай ему сейчас любой цветок!
Он мнит, что нет любви, нет чести прочной,
Которой он похитить бы не мог!
Но не всегда бывает это впрок!

Фауст

Почтеннейший магистр-педант, нельзя ли
Меня теперь избавить от морали?
Без лишних слов, скажу тебе одно:
Знай: если эту ночь я в неге страстной
Не проведу с малюткою прекрасной,
То в полночь нам с тобой расстаться суждено!

Мефистофель

Подумай, друг: не всё же мне подвластно!
Мне надобно не меньше двух недель,
Чтоб достижимой сделать эту цель:
Сыскать предлог, найти заручку...

Фауст

Будь семь часов спокоен я –
Не надо чёрта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Мефистофель

Ты судишь, как француз, слегка.
Прошу тебя, однако, не сердиться.
К чему так сразу – взять и насладиться?
Утеха, право, тут не велика.
Не лучше ли пойти путём интрижки;
Увлечь её, водить и так и сяк,
Как учат нас иные книжки?

Фауст

Мой аппетит хорош и так.

Мефистофель

Нет, кроме шуток, лишь впросак
Попасть с горячностью здесь можно.
Здесь надо дело осторожно
Вести — тут сила не возьмет:
Тут хитрый надобен подход.

Фауст

Достань же мне вещицу от бесценной,
Сведи меня в покой её священный,
Достань платочек мне с её груди,
Подвязку хоть на память мне найди!

Мефистофель

Ну, если так влюбился ты в девицу, —
Смотри, как верно я тебе служу
И каждую минутой дорожу:
Сегодня ж к ней сведу тебя в светлицу.

Фауст

К ней? Ею обладать?

Мефистофель

Ну вот!
Не сразу же! Она уйдёт
К соседке; ты ж в уединенье скромном
О счастье будущем мечтам отдайся томным.

Фауст

Когда ж? Сейчас?

Мефистофель

Немного попоздней.

Фауст

Так не забудь достать подарок ей!

(Уходит.)

Мефистофель

Как, уж дарить? Недурно для начала!
Успехи делать может он вполне!
Известно много старых кладов мне.
Теперь пора проведать их настала.

ВЕЧЕР

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда бы я узнать могла,
Кто этот видный господин.
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

(Уходит.)

Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

За мной, потише — вот сюда!

Фауст

(после некоторого молчания)

Я здесь один хочу остаться.

Мефистофель

(оглядывая комнату)

Да!

У девушек так чисто не всегда!

(Выходит.)

Фауст

(осматриваясь кругом)

О милый сумрак, о приют святой,
Привет мой вам! Владей, любви томленье,
Душой моей; питай свое стремленье
Надежды милой сладкою росой!
Как дышит здесь повсюду дух покоя,
Порядком все проникнуто кругом!
Средь бедности довольство здесь какое!
Святой приют! Благословенный дом!

(Бросается в кожаное кресло у постели.)

Прими ж меня, семейный старый трон!
Отцов и дедов нежил ты покоем
В дни радости и горя, окружен
Детей беспечным шумным роем!
Быть может, милая моя в кругу детей,
Горя румянцем щёчек, ликовала
И, благодарная за ёлку, всех нежней
Сухую руку деда целовала.
Твой дух, о дева, надо мной парит,
Дух тихого довольства и порядка;
Устами матери тебе он говорит,
Чтоб чистой скатертью твой стол был устлан гладко,
И учит посыпать, узоры выводя,
Песком весь чистый пол каморки тесной.
О милая рука! Божественность твоя
Из хижины создать способна рай небесный!
А здесь!..

(Отдергивает полог кровати.)

Святой меня объемлет страх!
Я не ушел бы, кажется, отсюда!
Лелеяла природа в легких снах
Здесь ангела, и вот — явилось чудо!
Дитя дышало в сладком сне,
И чистой творческою силой
Прекрасный образ в тишине
Расцвел, божественный и милый!..
А я? Сюда что привело меня?
О небо, как глубоко тронут я!
Чего хочу? Чем совесть так задета?
О бедный Фауст, ты ли, ты ли это?
Не чары ли, под кровом полутьмы,
Здесь в воздухе? Я шел, чтоб насладиться,—
Пришел — и сердце грёзами томится!
Иль ветерка игрушкой служим мы?
Как я своих бы мыслей устыдился,
Когда её сейчас бы увидал!
Я за минуту был не больше как нахал,
Теперь же в прах пред нею бы склонился.

Мефистофель

(входя)

Скорей беги! Она сюда идёт!

Фауст

Прочь! Навсегда! Её мне видеть больно!

Мефистофель

А я принес и ларчик; вот —
Увесист, кажется, довольно!
Ей в шкаф поставим мы его:
Она с ума сойдет, ручаюсь!
Такой вещицей хоть кого
Для вас сманить я обещаюсь:
Игра — всегда игра; дитя — всегда дитя!

Фауст

Осмелюсь ли?

Мефистофель

Вы это не шутя?
Хотите ларчик вы себе оставить?
Так раньше бы сказать, не ждать до этих пор,
Чтоб нам не тратить времени на вздор
И от пустых меня хлопот избавить!
Не скряга ж вы, надеюсь, милый мой!
Для вас затылок трёшь, мозолишь руки...

(Ставит ларчик в шкаф и запирает его.)

Ну, прочь! Скорей теперь за мной!
Пусть соблазняется: ей надо быть одной!
А вы стоите с видом скуки,
Как будто вам приходится идти
На лекцию и вот уж на пути
И метафизика и физика пред вами
Как бы стоят с постылыми словами!

Уходят.

Маргарита входит с лампой.

Маргарита

Как душно! Тяжесть в воздухе какая!

(Открывает окно.)

А ночь совсем не так тепла.
Скорей бы маменька пришла!
Чего-то всё боюсь одна я,
И страх и дрожь меня берут:
Еще трусихой назовут!

(Начинает петь и раздеваться.)

Жил в Фуле король; до могилы
Одной он был верен душой;
Ему, умирая, вручила
Любимая кубок златой.
И стал ему кубок заветный
Дороже всего с этих пор;
Он пил — и слезой чуть заметной
Средь пира туманился взор.
И роздал король пред кончиной
Наследникам все города;
Но кубок — лишь кубок единый —
Оставил себе навсегда.
Морские валы грохотали
Под башней, бушуя у скал;
Меж рыцарей, в дедовском зале,
Прощаясь, король пировал.
Наполнивши влагою пенной
Свой кубок он выпил до дна
И бросил тот кубок священный

Туда, где шумела волна.
Он видел, как кубок, волною
Подхвачен, черпнул и пропал;
И очи покрылись тьмою —
И пить он и жить перестал.

(Отпирает шкаф, чтобы убрать платье, и видит ларчик.)

Как этот ларчик тут явиться мог?
Шкаф, кажется, был заперт на замок.
Вот странно! Что за вещи тут — не знаю!
Но, впрочем, понимать теперь я начинаю:
Не взят ли, может быть, он маменькой в залог?
А! ключик здесь, привязанный тесьмою.
Что, если я его возьму да и открою?

(Отпирает.)

Что это! Боже мой! Чудеснейший убор!
Мне видеть не пришлось такого до сих пор!
Его б и дама знатная надела
И на гулянье в нём отправилась бы смело.
Цепочку бы надеть: какой приму я вид?
Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит?

(Наряжается и смотрит в зеркало.)

Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно!
Наденешь их — и вот совсем уже не то!
К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно!
Не худо это — я, конечно, в том согласна;
Да люди красоту нам ставят ни во что
И хвалят только нас из жалости. Вот слава:
Все денег ждут,
Все к деньгам льнут;
Ах, бедные мы, — право!

Сцена 9

ГУЛЯНЬЕ

Фауст прогуливается в раздумье. Подходит Мефистофель.

Мефистофель

Клянусь отвергнутой любовью, бездной ада!
Клялся бы хуже я, да нечем, вот досада!

Фауст

Я не видал еще подобных морд!
Что там могло с тобою приключиться?

Мефистофель

Я рад бы к чёрту провалиться,
Когда бы сам я не был чёрт!

Фауст

Да ты не спятил ли, приятель?
К лицу ль тебе беситься, кстати ль?

Мефистофель

Подумай: ценный наш убор
Стащил у Гретхен поп, как вор.
Мамаше Гретхен показала,
А той сейчас же жутко стало:
В молитвы вся погружена
И чуткой быть приучена,
Повсюду нюхает она,
Свята ли вещь или грешна, —
А тут разгадка, видимо, простая:
Что святость в этом ларчике плохая.
«Дитя мое, — старуха шепчет ей, —
Неправое именье — лютый змей!
Снесем его царице мы небесной —
И манны нам пошлет она чудесной».
Бедняжка Гретхен от таких речей
Поморщилась, надула молча губы:
Дарёному коню не смотрят, дескать, в зубы;
И чем же, мол, уж так безбожен был,
Кто мне серёжки подарил?
Мать между тем попа призвать успела.
Тот сразу видит, в чем тут дело.
«Поступку вашему я рад, —
Им говорит он с постной рожей, —
Кто воздержался, тот богат».
Желудок, мол, хорош у церкви божьей;
Немало стран уж слопала она
И несвареньем всё же не больна.
Одна лишь церковь может, без сомненья,
Переварить неправые именья.

Фауст

Да, всё берёт она сегодня, как вчера!
Король и ростовщик — такие ж мастера.

Мефистофель

Потом браслеты, кольца, брошки
Загрёб он, как грибы в лукошке,
Прибрал — спасибо не сказал,
Как будто горсть орехов взял,
И посулил за то награды
В раю, а те стоят — и рады!

Фауст

А Гретхен?

Мефистофель

Мучится, жалеет:
Подарок спать ей не даёт,
И день и ночь с ума нейдёт,
А с ним — кто так дарить умеет.

Фауст

Бедняжка! Как её мне жаль!
Другой достать для ней нельзя ль?
Да не такие безделушки.

Мефистофель

Для вас, конечно, всё игрушки!

Фауст

Я так хочу — хоть разорвись!
Да ты к соседке подберись:
Будь бес как бес, не размазня!
Чтоб был подарок у меня!

Мефистофель

Так точно, сударь: рад служить на славу!

Фауст уходит.

Влюбившийся дурак на глупости горазд:
И солнце, и луну, и звёзды он отдаст
На фейерверк — красотке на забаву!

Сцена 10

ДОМ СОСЕДКИ

Марта

(одна)

Господь с тобой, мой муж! Скажу правдиво:
Ты поступил со мной несправедливо!
Пропал куда-то с буйной головой,
И жить теперь мне суждено одной!
А чем его я в жизни оскорбила?

Свидетель бог, как я его любила!

(Плачет.)

Давно уж он и умер, может быть!
О смерти б хоть свидетельство добыть.

Входит Маргарита.

Маргарита

Ах Марта!

Марта

Гретхен, что с тобою?

Маргарита

Колена гнутся подо мною:
В шкафу я вновь ларец такой
Нашла, с чудесною резьбой;
А вещи — просто загляденье
И лучше прежних без сравнения.

Марта

Ты матери о том не говори,
А то опять снесёт на покаянье!

Маргарита

Ах, погляди! Ах, посмотри!

Марта

(наряжая ее)

Ах ты, счастливое создание!

Маргарита

Что толку в том! Ведь в них не смею я
Ни погулять, ни в церкви показаться...

Марта

А ты бывай почаще у меня:
Тихонько здесь ты можешь наряжаться.
Пред зеркальцем повертись часок:
Вот нам и радость будет, мой дружок!
А там, при случае — ну, в праздник, что ли, — станем
Мы вещь за вещь в люди надевать:
Цепочку, серьги там... Твоя старуха-мать
И не заметит их; а то ведь и обманем!

Маргарита

Но кто два ящика поставил мне?
Тут дело чисто не вполне.

Стучатся.

Ах, боже мой, не мать ли уж за мною?

Марта

(смотрит в дверное окошечко, отдёрнув занавеску)

Какой-то господин; сейчас ему открою.

(Отворяет дверь.)

Пожалуйте.

Мефистофель

(входя)

Прошу простить меня,
Что прямо к вам вхожу я так свободно.

(Почтительно отступает перед Маргаритой.)

Я к Марте Швердтлейн.

Марта

Марта — это я.
Что, сударь, будет вам угодно?

Мефистофель

(тихо Марте)

Благодарю: теперь я знаю вас;
Но барышня в гостях у вас сейчас...
Итак, прошу прощенья за помеху.
Я к вам зайду попозже: мне не к спеху.

Марта

Вы, сударь, приняли за барышню её?
Подумай, что за честь тебе, дитя мое!

Маргарита

Ах, вовсе нет! Я девушка простая...
Вы чересчур добры... Цепочка золотая
И эта брошка — не моя.

Мефистофель

Сударыня, судил не по цепочке я!
Осанка, взгляд ваш — как у дамы знатной.
Так я могу остаться? Как приятно!

Марта

Ну что ж, какую вы приносите мне весть?

Мефистофель

О, как желал бы я вам лучшую принести!
Да, тяжело слова мне выговорить эти:
Ваш добрый муж велел вам долго жить на свете.

Марта

Он умер? Мой Дружок, супруг мой дорогой!
Ах, я не вынесу! За что беда такая!

Маргарита

Ах, Марта, не тужи, утешься, дорогая!

Мефистофель

Угодно ль выслушать рассказ печальный мой?

Маргарита

Нет, лучше жить, любви совсем не зная:
Я б умерла от горести такой!

Мефистофель

Нет худа без добра, и нет добра без худа!

Марта

Скажите ж, как и где он дух свой испустил?

Мефистофель

Лежит он в Падуе, там, далеко отсюда,
Его святой Антоний приютил.
Он спит теперь сном вечным и отрадным
В священном месте, тихом и прохладном.

Марта

Что ж поручил он вам?

Мефистофель

Мне долг велит
Большую передать вам просьбу: непременно
Просил он отслужить три сотни панихид.
Карманы ж у меня пустые совершенно.

Марта

Как? Ни одной монетки? Ни одной
Вещицы? Да любой мастеровой
В своей котомке что-нибудь приносит
На память в дом и делится с женой;
Скорей не ест, не пьёт и милостыню просит!

Мефистофель

Мадам, мне очень жаль; а впрочем, ваш супруг
Не расточитель был. Он вынес много мук,
Когда в грехах своих он каялся душевно
И жаловался всем, как жизнь его плачевна.

Маргарита

О, как несчастны люди! За него
Я помолюсь от сердца моего.

Мефистофель

Вы замуж выйти хоть сейчас достойны:
Такое вы премилое дитя!

Маргарита

Ах нет, мне рано!..

Мефистофель

Будьте в том спокойны,
И поручусь вам чем угодно я,
Что лучший кавалер обрадовался б счастью
Такую прелесть обнимать со страстью.

Маргарита

Обычай скромный наш на это не похож.

Мефистофель

Обычай или нет — бывает это всё ж!

Марта

Ну, продолжайте же!

Мефистофель

Я был при смертном ложе
Супруга вашего: под ним всегда была
Солома лишь одна навозная, но всё же
Он умер во Христе, кляня свои дела.
«Увы! — он восклицал, — достоин я проклятья
За то, что бросил так жену и все занятия!
Воспоминание об этом — казнь моя!
Ах, если бы жена грехи мне отпустила!»

Марта
(плача)

Мой добрый муж, давно я всё тебе простила!

Мефистофель

«Но, видит бог, она ещё грешней, чем я!»

Марта

Он лжёт! Бездельник! Лгать у гробового края!...

Мефистофель

О да! Поверьте мне, подумал сам тогда я,
Что это бредил зря в предсмертных муках он.
Он говорил: «Я жил не праздну, не зевая,
В трудах больших детей и хлеб свои добывая,
Ел только чёрствый хлеб, измучен, истощен,
Но и того не мог ни разу съесть в покое».

Марта

А всю мою любовь, дневное и ночное
Страданье он забыл? Вся верность — нипочем?

Мефистофель

О нет, он свято помнил обо всем!
Он говорил: «Из Мальты уезжая,
Молился я о детях, о жене —
И милость небо ниспослало мне:
Нам в море барка встретилась большая
Турецкая, которая везла
Несметные сокровища султана.
Напали мы, и храбрость верх взяла,
И мне уделена частичка тут была
При дележе богатства басурмана».

Марта

Ах! Где ж он деньги дел? Быть может, их зарыл?

Мефистофель

Ну, денег тех искать — что ветра в поле!
Когда потом в Неаполе он был
И здесь, как гость, покучивал на воле,
Им крепко занялась красавица одна;
И вот участие приняла она
Столь близкое в его печальной доле,
Что он её любовь и верность оценил
И знаки нежности до гроба сохранил.

Марта

Подлец! Мерзавец! Вор! Враг своего семейства!
Ни горе, ни нужда, ни смертный час — ничто
Не сокрушило в нём бесстыдства и злодейства!

Мефистофель

Ну, вот и умер он зато!
На вашем месте я, даю вам слово,
Всего лишь год бы траур поносил,
А там бы мужа стал искать другого.

Марта

Увы, каков мой первый был,
Навряд ли я найду второго!
Такой он был милейший дурачок!
Любил он только жен чужих, к несчастью,
Вино чужое пил, где только мог,
Да был бродягою, да был ещё порок:
Игре проклятой предан был со страстью.

Мефистофель

И только? Что ж, когда и вам
Он позволял, что делал сам,
Так жить с ним было превосходно!
С таким условием с вами нам
Ударить можно по рукам.

Марта

Насмешник! Вам шутить угодно.

Мефистофель
(про себя)

Удрать теперь: у ней такая прыть,
Что даже чёрта рада подцепить.

(Маргарите.)

А ваше сердце всё ещё свободно?

Маргарита

Что вы сказать хотите?

Мефистофель

(про себя)

О, дитя

Невинное!

(Громко.)

Я уйду. Простите!

Маргарита

Прощайте.

Марта

Ах, минутку подождите:
Свидетельство иметь хотела б я,
Где ясно б каждый пункт обозначался,
Когда, и где, и как мой муж скончался.
Порядка другом я всегда была,
А потому охотно бы прочла
Известие о смерти и в газете.

Мефистофель

Сударыня, повсюду, в целом свете
Свидетелей достаточно двоих,
Чтоб истину упрочить. Вот, пожалуй,
Есть у меня приятель, славный малый;
Он подтвердит правдивость слов моих.
Я приведу его сюда.

Марта

Ах, приведите!

Мефистофель

А барышня придёт?
Прошу вас, приходите!
Он молодец собой, умен —
Ну, словом, кавалер вполне изящный он.

Маргарита

Боюсь, придется мне краснеть пред господином!

Мефистофель

Краснеть? — Ни пред одним на свете властелином!

Марта

Так вечерком у нас в саду
Я с нею вас сегодня жду.

Сцена 11

УЛИЦА

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну что? Ну как? Идет на лад?

Мефистофель

Ого! В огне вы! Вот так диво!
Не бойтесь: птичку схватим живо!
Пойдём сегодня к Марте в сад.
Вот баба, доложу вам! Точно
Быть сводней создана нарочно.

Фауст

Прекрасно!

Мефистофель

Но и ей должны мы удружить.

Фауст

Что ж, за услугу я готов служить.

Мефистофель

Она добыть от нас свидетельство б хотела
О том, что брренное её супруга тело
В могиле, в Падуе, почило вечным сном.

Фауст

Умно! Так съездить мы туда должны сначала?

Мефистофель

Sancta simplicitas! Ещё недоставало!

Свидетельство и так, без справок, подмахнём.

Фауст

Когда нет лучшего, то, значит, всё пропало.

Мефистофель

О муж святой, ужель вы всех других честней
Хотите быть? Ужель ни разу не давали
Свидетельств ложных в жизни вы своей?
О боге, о земле, о том, что скрыто в ней,
О том, что в голове и в сердце у людей
Таится, вы давно ль преважно толковали
С душою дерзкою, с бессовестным челом?
А если мы вникать поглубже начинаем,
Сейчас же видим мы, что знали вы о том
Не более, чем мы о муже Марты знаем.

Фауст

Софист и лжец ты был и будешь!

Мефистофель

Обмануть

Меня не пробуйте: я знаю, в чем тут суть.
Не завтра ли, душа святая,
Бедняжку Гретхен надувая,
В любви ей клясться станешь ты?

Фауст

И от души!

Мефистофель

Ну да, конечно,
И в вечной верности, и в вечной
Любви, и в страсти бесконечной.
И всё от сердца полноты?

Фауст

Оставь! Когда я чувством нежным
Томлюсь, назвать его хочу,
Порывам бурным и мятежным
Напрасно имени ищу,
И мыслью мир весь облетаю,
И высшие слова хватаю,
Какие лишь найти могу,
И называю пыл сердечный
Любовью вечной, бесконечной,—
Ужель тогда, как бес, я лгу?

Мефистофель

А все-таки я прав!

Фауст

Послушай: всяк имеет
Свой взгляд, но чем надсаживать нам грудь,
Скажу тебе одно, а ты не позабудь:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот правым быть всегда сумеет.
Итак, скорей! Что толку в болтовне?
Будь прав хоть потому, что нужно это мне!

Сцена 12

САД

Маргарита под руку с Фаустом,
а Марта с Мефистофелем прогуливаются по саду.

Маргарита

Я чувствую, что вы жалеете меня,
Ко мне снисходите; мне перед вами стыдно.
Вы путешественник: привыкли вы, как видно,
Всегда любезным быть. Ведь понимаю я,
Что вас, кто столько видел, столько знает,
Мой бедный разговор совсем не занимает.

Фауст

Одно словечко, взор один лишь твой
Мне занимательней всей мудрости земной.

(Целует ее руку.)

Маргарита

Ах, как решились вы! Ну что вам за охота
Взгляните, как жестка, груба моя рука;
На мне лежит и чёрная работа:
У маменьки любовь к порядку велика.

Проходят.

Марта

И что же? Так должны вы ездить вечно?

Мефистофель

Что делать: ремесло и долг нам так велят!
В иных местах остаться был бы рад,
А надо ехать, хоть скорбишь сердечно.

Марта

Пока кто молод, почему
По свету вольной птицей не кружиться!
А вот как в старости придется одному
К могиле, сирому, холостяком, тащиться —
Едва ли это нравится кому.

Мефистофель

Увы, со страхом я предвижу это!

Марта

Ну что же, вовремя послушайте совета!

Проходят.

Маргарита

Да, с глаз долой — из сердца вон!
Лишь по привычке вы учтивы.
Других друзей всегда б найти могли вы,
Кто вправду сведущ и умён.

Фауст

О друг мой, верь, что мудрость вся людская —
Нередко спесь лишь пошлая, пустая!

Маргарита

Как?

Фауст

О, зачем невинность, простота
Не знает, как она бесценна и свята!
Смиренье, скромность чувств невинная, святая —
Вот самый лучший дар для нас.

Маргарита

Когда б вы обо мне подумали хоть раз,
О вас бы думала с тех пор всегда, всегда я.

Фауст

И часто ты одна?

Маргарита

Да; хоть невелико
У нас хозяйство, все же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах...
А маменька во всем престога такая
И аккуратна так, что просто страх!
И не от бедности: мы вовсе не такие,
Чтоб хуже жить, чем все живут другие.
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.
Теперь наш дом затих, труды мне легче эти:
Ушёл служить в солдаты брат,
Сестрички нет уже на свете...
Немало с ней хлопот я приняла,
Но вновь всё перенести я с радостью б могла —
Так было мне дитя родное мило!

Фауст

О, если на тебя малютка походила,
Она, конечно, ангелом была!

Маргарита

Да. Я её вскормила, воспитала...
И как меня любить малютка стала!
Отца уж не было в живых, когда на свет
Она явилась; матушка ж, бедняжка,
Слегла в постель и захворала тяжко;
Мы думали, что уж надежды нет,
И времени прошло у нас немало,
Пока она поправилась и встала.
Где ж было ей самой кормить дитя?
И вот его взялась лелеять я,
Кормила крошку молоком с водою, —
Она совсем, совсем моя была
И на руках моих, по целым дням со мною,
Варахталась, ласкалась и росла.

Фауст

Чистейшим счастьем ты в то время обладала!

Маргарита

И горя тоже много я видала.
Со мною по ночам стояла колыбель
Рядком; дитя чуть двинется — я встану.
Беру из люльки и к себе в постель
Кладу или молоком кормить, бывало, стану;
А не молчит — должна опять вставать,
Чтоб проходить всю ночь да песни распевать.
А по утрам — бельё чуть свет встаю и мою;
Там время на базар, на кухню там пора —
И так-то целый день, сегодня, как вчера!
Да, сударь: иногда измучишься заботой!

Зато и сладко спишь, зато и ешь с охотой.

Проходят.

Марта

Холостяки, всегда вы таковы:
Чрезмерно к бедным женщинам суровы!

Мефистофель

О, мы всегда исправиться готовы,
Найдя такую женщину, как вы!

Марта

Признайтесь: есть у вас кто на примете?
Привязанность есть где-нибудь на свете?

Мефистофель

Пословица гласит: жена своя и кров
Дороже всех на свете нам даров.

Марта

Но до любви у вас не доходило дело?

Мефистофель

Я всюду и всегда любезно принят был.

Марта

Не то! Серьёзен ли был ваш сердечный пыл?

Мефистофель

Ну с дамами шутить — чрезмерно было б смело!

Марта

Ах, вы не поняли!

Мефистофель

Жалею всей душой!
Но очень понял я, как вы добры со мной.

Проходят.

Фауст

Так ты меня сейчас, мой ангелок, узнала,
Когда перед тобой в саду явился я?

Маргарита

Вы видели, что я потупилась сначала.

Фауст

И ты меня простишь, прекрасная моя,
Что я себе тогда позволил слишком много,
Когда к тебе я подошел дорогой?

Маргарита

Смутилась я: мне это в первый раз.
Насчет меня нигде не говорят дурного.
Уж не нашел ли он — я думала о вас —
Во мне бесстыдного чего-нибудь такого,
Что прямо так решился подойти,
Игру с такой девчонкой завести.
Но всё ж во мне, признаться, что-то было,
Что в вашу пользу сильно говорило.
И как же на себя сердита я была,
Что я на вас сердиться не могла!

Фауст

Мой друг!

Маргарита

Пустите-ка!

(Срывает астру и ошиповывает лепестки.)

Фауст

Что рвешь ты там? Букет?

Маргарита

Нет, пустяки — игра.

Фауст

Что?

Маргарита

Полно вам смеяться!

(Шепчет.)

Фауст

Что шепчешь ты?

Маргарита

(вполголоса)

Он любит — нет; он любит — нет!

Фауст

О ангел, как тобой не восхищаться!

Маргарита

(продолжает)

Он любит — нет; он любит — нет!

(Вырывая последний лепесток, радостно.)

Он любит! Да!

Фауст

О, пусть цветка ответ
Судьбы решением будет нам, родная!
Да, любит он! Поймешь ли, дорогая?

(Берёт её за обе руки.)

Маргарита

Я вся дрожу!

Фауст

О, не страшись, мой друг!
Пусть взор мой, пусть пожатье рук
Тебе расскажут просто и не ложно,
Что выразить словами невозможно!
Отдайся вся блаженству в этот час
И верь, что счастье наше бесконечно:
Его конец — отчаянье для нас!
Нет, нет конца! Блаженство вечно, вечно!

Маргарита жмёт ему руку, вырывается и убегает.
Фауст стоит несколько минут в задумчивости,
потом следует за нею.

Марта

(подходя)

Смеркается.

Мефистофель

Да, нам пора домой.

Марта

Я вас подольше б удержать хотела,
Но, знаете, уж город наш такой:
Как будто здесь у всех другого нет и дела,
Заботы будто нет у них другой,
Как только за соседями день целый
Подсматривать; и что ты тут ни делай —
Глядишь, пошла уж сплетня меж людей.
А наша парочка?

Мефистофель

Вдоль по саду пустилась,
Как пара мотыльков.

Марта

Она в него влюбилась.

Мефистофель

А он в неё. Таков уж ход вещей!

Сцена 13

БЕСЕДКА

Маргарита вбегает, становится за дверью,
прикладывает палец к губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита

Идёт!

Фауст

Меня ты дразнишь? Ах, плутовка!
Постой же: я тебя поймаю ловко.

(Целует её.)

Маргарита

(обнимая его и возвращая поцелуй)

Люблю тебя всем сердцем, милый мой!

Мефистофель стучится.

Фауст

(топая ногой)

Кто там?

Мефистофель

Приятель.

Фауст

Скот!

Мефистофель

Пора домой.

Марта входит.

Марта

Да, сударь, поздно уж.

Фауст

Позвольте ль из сада
Вас проводить?

Маргарита

А маменька? Меня
Так проберёт она за это!.. Нет, не надо!
Прощайте!

Фауст

Очень жаль, что должен я
Уйти так скоро, против ожиданья.
Прощайте же!

Марта

Адъё!

Маргарита

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита

Ах, боже мой, как он учён!

Чего не передумал он!

А я — краснею от стыда,

Молчу иль отвечаю: да...

Ребёнок я — он так умен!

И что во мне находит он?

(Уходит.)

Сцена 14

ЛЕС И ПЕЩЕРА

Фауст

(один)

Могучий дух, ты всё мне, всё доставил,
О чём просил я. Не напрасно мне
Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать её, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся её великолепию, —
Нет, мне дано в её святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий.
Ты показал мне ряд живых созданий,
Ты научил меня увидеть братьев
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган
И повергает ближние деревья,
Ломаясь с треском, богатырь-сосна,
И холм её паденью глухо вторит, —
В уединенье ты меня ведёшь,
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.
Когда же ясный месяц заблестит,
Меня сияньем кротким озаряя,
Ко мне слетают легкою толпою
С седой вершины влажного утёса
Серебряные тени старины,
И созерцанья строгий дух смягчают.
Для человека, вижу я теперь,
Нет совершенного. Среди блаженства,
Которым я возвышен был, как бог,
Ты спутника мне дал; теперь он мне

Необходим; и дерзкий и холодный,
Меня он унижает, и в ничто
Дары твои, смеясь, он обращает.
В груди моей безумную любовь
К прекраснейшему образу он будит;
Я, наслаждаясь, страсть свою тушу
И наслаждением снова страсть питаю.

Входит Мефистофель.

Мефистофель

Чем жизнь такая радостна для вас?
Не надоест вам всё в глуши слоняться?
Я понимаю — сделать это раз,
А там опять за новое приняться.

Фауст

Другое дело мог бы ты найти,
Чем в добрый час смущать меня бесплодно.

Мефистофель

Ну, ну! Не злись: ведь я могу уйти.
Уйду совсем, когда тебе угодно.
С тобою, грубым и безумным, жить —
Неважный дар послала мне судьбина.
Весь день изволь трудиться и служить,
И так и сяк старайся удружить —
Не угодишь ничем на господина.

Фауст

Ну вот, теперь упреки мне пошли!
Ты надоел, а я — хвали за это.

Мефистофель

А чем бы жил ты, жалкий сын земли,
Без помощи моей, не видя света?
Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?
Не будь меня, давно бы, без сомненья,
Здесь, на земле, ты дней своих не длил.
К чему же ты сюда, в леса и горы,
Как мрачный филин, обращаешь взоры?
Во влажном мху, под кровом темноты
Себе, как жаба, жизни ищешь ты.
Прекрасная манера веселиться!
Нет, все ещё педант в тебе гнездится.

Фауст

Поймёшь ли ты, что я в пустыне здесь
Чудесной силой оживаю весь?
Да, если б мог понять ты, то, конечно,
Как чёрт, ты мне б завидовал сердечно.

Мефистофель

Еще бы! Неземная благодать!
Всю ночь на мокром камне пролежать,
К земле и небу простирать блаженно
Объятья, раздувать себя надменно
До божества и в самый мозг земли
Впиваться мыслью, – полною стремленья;
Всё ощущать, что в мир внесли
Все шесть великих дней творенья;
Внезапно гордой силой воспылав,
Не знаю, чем-то пылко упиваться
И, всю вселенную объяв,
В любви блаженной расплываться,
О смертности своей забыв совсем,
И созерцанье гордое затем
Вдруг заключить... а чем-сказать мне стыдно!

(Делает неприличное движение.)

Фауст

Тьфу на тебя!

Мефистофель

Не нравится, как видно?
Как тут стыдливо не плеватьсЯ вам!
Ведь нравственным ушам всегда обидно
То, что приятно нравственным сердцам!
Глупец! Ему позволил я порою
Полгать себе, потешиться игрою,
Да вижу, что не выдержать ему.
Ты и теперь хуdeerшь и томишьсЯ;
Не нынче-завтра возвратишьсЯ
К мечтам и страху своему.
Довольно же! Возлюбленная страждет,
Сидит она печальна и мрачна;
Тебя, тебя увидеть жаждет,
В тебя она безумно влюблена!
Любовь твоя недавно бушевала,
Как речка, что бежит со снежных гор,
Бедняжку Гретхен страстью заливала,
И вдруг – иссякла речка! Что за вздор!
По мне, чем здесь в лесу царить уныло –
Не лучше ли тебе вернуться вновь
И бесконечную любовь
Вознаградить своей бедняжки милой?
День для неё едва идёт:
Глядит она в окно, следит за облаками,
Бегущими грядой над старыми домами;
«Будь божьей птичкой я!» – всё только и поёт,
И в полдень ждёт, и в полночь ждёт,
То равнодушной станет снова,
То вдруг всплакнёт, не молвя слова,
И вновь влюбилась.

Фауст

О, змея, змея!

Мефистофель

(про себя)

Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я!

Фауст

Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый!
Не называй красавицу мне вновь
И не буди к ней плотскую любовь
В душе моей, безумием объята!

Мефистофель

Что ж, ей ведь кажется, что от неё уйти
Решил ты навсегда; да так и есть почти.

Фауст

Где б ни был я, мне всюду остаётся
Она близка; везде она моя!
Завидую Христову телу я,
Когда она к нему устами прикоснётся.

Мефистофель

Так, милый мой! Не раз завидно было мне
При виде парочки на, розах, в сладком сне.

Фауст

Прочь, сводник!

Мефистофель

Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью.
Творец, мужчину с женщиной создав,
Сам отдал должное высокому призванью,
Сейчас же случай для того им дав.
Да полно же, оставь свой вид унылый!
Подумаешь, какое горе тут:
Ведь в комнату к красотке милой,
А не на казнь тебя зовут!

Фауст

В её объятьях рай небесный!
Пусть отдохну я на груди прелестной!
Её страдания чую я душой!
Беглец я жалкий, мне чужда отрада,
Пристанище мне чуждо и покой.
Бежал я по камням, как пена водопада,
Стремился жадно к бездне роковой;

А в стороне, меж тихими полями,
Под кровлей хижины, дитя, жила она,
Со всеми детскими мечтами
В свой тесный мир заключена.
Чего, злодей, искал я?
Иль недоволен был,
Что скалы дерзко рвал я
И вдребезги их бил?
Её и всю души её отраду
Я погубил и отдал в жертву аду!
Пусть будет то, что суждено судьбой.
Бес, помоги и сократи дни страха!
Пусть вместе, вместе в бездну праха
Она низвергнется со мной!

Мефистофель

Опять кипит! Опять пылает!
Ступай, утешь её, глупец!
Чудак, всему уж и конец
Он видит, чуть лишь нить теряет.
Кто вечно смел, хвалю того;
Ты ж, с чёртом столько дней прошедший, -
Ты что? Нет хуже ничего,
Как чёрт, в отчаянье пришедший!

Сцена 15

КОМНАТА ГРЕТХЕН

Гретхен
(одна за прялкой)

Покоя нет,
Душа скорбит:
Ничто его
Не возвратит.
Где нет его,
Там все мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущен, молчит;
Мой бедный дух
Сражен, разбит.
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
Лишь для него
В окно гляжу,
Лишь для него

Я выхожу.
Походка, стан,
Улыбка, взгляд,
Как талисман,
К себе манят.
Его речей
Волшебный звук,
Огонь очей,
Пожатые рук!
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
К чему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять
И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

Сцена 16

САД МАРТЫ

Маргарита и Фауст.

Маргарита

Так обещай же, Генрих, мне!

Фауст

Охотно.

Всё, что могу!

Маргарита

Скажи ты мне прямой:
Как дело обстоит с религией твоей?
Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст

Оставь, дитя! Мое узнала ты любовь;
За близких сердцу рад свою пролить я кровь;
Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита

Нет, мало этого: нам твердо верить надо.

Фауст

Да надо ли?

Маргарита

Ах, не найти мне слов,
Чтоб убедить тебя! Ты и святых даров
Не чтишь.

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Да, но без охоты
Принять их. В церкви не был уж давно ты,
На исповедь не ходишь уж давно.
Ты в бога веришь ли?

Фауст

Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю в бога?
Священников ты спросишь, мудрецов —
У них тебе ответ всегда готов;
Но весь ответ их, как рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита

Не веришь ты?

Фауст

Пойми же, ангел мой:
Назвать его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую в него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в него?
Он, вседержитель
И всехранитель,
Не обнимает ли весь мир —
Тебя, меня, себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это все
Тебе и в ум и в сердце
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо и незримо вокруг тебя?
Наполни же все сердце этим чувством
И, если в нем ты счастье ощутишь,
Зови его, как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, бог!
Нет имени ему! Всё — в чувстве!
А имя — только дым и звук,
Туман, который застилает небосвод.

Маргарита

Как это хорошо, мой друг!
Священник так же это объясняет,
Немножко лишь в других словах.

Фауст

Везде, мой друг, во всех местах
Сиянье неба восхваляет
Весь мир на разных языках, —
И мой не хуже их нимало.

Маргарита

Да, как послушаешь, сначала
Все будто так, но грех один:
В душе ты не христианин.

Фауст

Дитя моё!

Маргарита

Я ужас ощущаю,
Давно уже скорблю всем существом,
Когда тебя всегда я с ним встречаю.

Фауст

С кем это?

Маргарита

С кем повсюду ходишь ты.
Он ненавистен мне от сердца полноты!
Изо всего, что в жизни я видала,
Я не пугалась столько ничего,
Как гадкого лица его.

Фауст

Поверь мне, куколка, не страшен он нимало.

Маргарита

Его присутствие во мне волнует кровь.
Ко всем и ко всему питаю я любовь;
Но как тебя я жду и видеть жажду,
Так перед ним я тайным страхом стражду;
Притом мне кажется, что плут он и хитрец,
И если клевету — прости меня, творец!

Фауст

И чудакам, как он, ведь жить на свете нужно!

Маргарита

Нет, жить с таким я не могла бы дружно!
Он всякий раз, как явится сюда,
Глядит вокруг насмешливо всегда,
В глазах его таится что-то злое,
Как будто в мире все ему чужое;
Лежит печать на злом его челе,

Что никого-то он не любит на земле!
С тобой всегда я так довольна,
Мне так легко, тепло, привольно;
При нем же сердцем унываю я.

Фауст
Ах ты, вещунья милая моя!

Маргарита
И столько он мне ужаса внушил,
Что если к нам войти ему случится,
И ты как будто мне уже не мил.
При нем никак я не могу молиться;
И так тогда мне больно, милый мой!
И, верно, Генрих, то же и с тобой.

Фауст
Враждебна ты к нему!

Маргарита
Прощай — идти мне надо.

Фауст
Мой друг, когда же будет мне отрада
Часочек хоть с тобою отдохнуть,
Душа с душой и с грудью грудь?

Маргарита
Ах, я дверей бы запирать не стала,
Когда бы только я спала одна;
Но маменька... так чутко спит она.
И если б нас она застала,
Я с места, кажется, не встала бы живой!

Фауст
Мы все устроим, ангел мой!
Вот капли: действуют прекрасно!
В питье немножко ей подлей,
И сон слетит глубокий к ней.

Маргарита
Я для тебя на все согласна!
Конечно, здесь ведь яду нет?

Фауст
Могу ль я дать тебе такой совет?

Маргарита
Ты приковал какой-то чудной силой
Меня к себе: на все готова я;
И больше сделать, кажется, нельзя,
Чем для тебя я сделала, мой милый!

(Уходит.)

Мефистофель
(входя)

Мартышка! Где она?

Фауст

Шпионил ты опять?

Мефистофель

Да, кое-что я мог понять.
Вас, доктор, катехизису учили:
Надеюсь, вы урок на пользу получили.
Для девушек так интересно знать,
Кто чтит религию. Кто верит непритворно,
Тот и за нами, мол, пойдет покорно.

Фауст

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасенье ей, — она жалеет,
Как душу близкую, погибшего меня.

Мефистофель

Эх, ты! В тебе ведь только похоть бродит!
Тебя девчонка за нос водит!

Фауст

Прочь, порожденье грязи и огня!

Мефистофель

А в рожах ловко суть она находит!
При мне минутки не сидится ей:
Ум, замечая в рожице моей,
Она томится и скорбит безмерно,
Что если я не черт, то гений уж наверно.
Гм! Эта ночь!...

Фауст

Для тебя ль она?

Мефистофель

И я, мой друг, порадуюсь сполна.

Сцена 17

У КОЛОДЦА

Гретхен и Лизхен с кувшинами.

Лизхен

Ты о Варваре не слыхала?

Гретхен

Нет. Я ведь дома все сижу одна.

Лизхен

Мы знаем кое-что! Сивилла мне сказала.
Попалась наконец она!
Вперед не важничай!

Гретхен

А что?

Лизхен

Да дело скверно!
Что ест она и пьет — двух кормит: это верно.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Да, теперь награждена!
На шею парню вешалась она:
На все гулянья с ним ходила,
С ним танцевала и кутила;
Везде хотела первой быть,
Есть пирожки да вина пить,
Себя красавицей считала;
Дошла в бесстыдстве до того,
Что наконец уж от него
Открыто брать подарки стала!
Ласкала, нежила дружка —
Вот и осталась без цветка!

Гретхен

Бедняжка!

Лизхен

Ты еще жалеешь!
А мы? Как мать велит, бывало, прясть,—
Сидишь да ночью вниз сойти не смеешь,
Она же мигом к миленькому — шасть!
Там, на скамье иль в переулке темном,
Не скучно было в уголке укромном!
Теперь вот пусть свою убавит спесь
Да перед нами в церкви грех свой весь
В рубашке покаянной пусть расскажет!

Гретхен

Ее он замуж взять, наверно, не откажет.

Лизхен

Держи карман! Нет, парень не дурак:
Получше может заключить он брак.
Да он уж и удрал.

Гретхен

Он поступил нечестно.

Лизхен

Да хоть женись — не очень будет лестно.
Ей наши парни разорвут венок,
А мы насыплем сечки на порог!

(Уходит.)

Гретхен
(идя домой)

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Проступки я бранила строже всех;
Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне черным ни казался грех,
Я все его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:
А вот теперь и я грешна!
Но, боже, что меня смутило,
Так было сладостно, так мило!

Сцена 18

У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

В нише статуя Mater dolorosa 1;
перед нею вазы для цветов.
Гретхен ставит свежие цветы.

Гретхен

Скорбя, страдая,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!
С мечом в груди ты
На лик убитый
Христа глядишь, полна скорбей.
Отца зовешь ты,
И вздохи шлешь ты
Из глубины души своей.

Увы, кто знает,
Как изнывает
Вся грудь моя, тоски полна!
Как душа моя томится,
Как дрожит, куда стремится,—
Знаешь ты лишь, ты одна!
С людьми ли я — невольно
Мне больно, больно, больно,
Везде тоскую я!..
Одна ли горе прячу —
Я плачу, плачу, плачу,
И рвется грудь моя.
Цветы омыла эти
Слезами я, скорбя,
Когда я на рассвете
Рвала их для тебя.
Когда мне заблестели
Лучи зари в окно,
Сидела я в постели,
Рыдая уж давно.
Меня позором не убей!
Молю тебя я,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!

Сцена 19

НОЧЬ УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ГРЕТХЕН

Валентин, солдат, брат Гретхен.

Валентин

Сидишь, бывало, за столом
С друзьями; шум идет кругом;
Лишь о красотках и речей —
И каждый хвалится своей
Да пьет, красой ее кичась;
А я, спокойно подбочась,
При этой шумной похвальбе
Сажу да слушаю себе;
И вдруг, смеясь, крутя свой ус
И полный вверх стакан подняв,
Скажу: «У всякого свой вкус,
Не угодишь на каждый нрав;
Но мне назвать прошу я вас
Одну хоть девушку у нас,
Чтоб Гретхен стоила моей,
В подметки чтоб годилась ей!»
Тут шум пойдет, и звон, и гром.
«Он прав, он прав! — толпа кричит.—
Нет краше девушки кругом!»
Любой хвастун тут замолчит.

Теперь — рви волосы да злись,
Лезь на стену, хоть разорвись
От гнева: стали все кругом
Кивать, подмигивать глазком.
Язвить любой бездельник рад;
А я, как будто виноват,
Сижу, молчу. Чуть кто сболтнет,
Меня бросает в жар и пот.
Хоть разнесешь их всех, а все ж
Не скажешь им, что это ложь!
Кто там? Какой там чёрт ползёт?
Не двое ль их? Пришли за нею!
Постой же: пусть я околею,
Когда он с места жив уйдет!

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Вон в ризнице церковной под окном
Блестит огонь лампы: то затихнет,
Слабей, слабей, то снова ярко вспыхнет,
То вновь замрет — и мрак густой кругом,
В душе ж моей давно огонь не блещет.

Мефистофель

Что до меня, то грудь моя трепещет,
Как у кота, когда влезает он
На крышу, юной кошкою прельщен.
И мысли всё хорошие такие:
То похоть, то проказы воровские.
Все существо мое с восторгом ждёт
Чудеснейшей Вальпургиевой ночи.
Вот послезавтра к нам она придет;
В ту ночь недаром сна не знают очи.

Фауст

А этот клад, что видится вдали:
Поднимется ль он вверх из-под земли?

Мефистофель

Порадуйся, недолго ждать: оттуда
Ты котелок достанешь без труда.
Недавно я заглядывал туда:
Там талеров порядочная груда.

Фауст

Браслетов нет ли иль перстней
Моей красотке на веселье?

Мефистофель

Найдутся там и вещи поценней:
Жемчужное я видел ожерелье!

Фауст

Вот это хорошо! Мне больно к ней идти
И ничего с собой в подарок не нести.

Мефистофель

По мне, так чем же было б неприятно
Себя порой потешить и бесплатно?
Как ярки звезды! В блеске их лучей
Теперь я шутку выкину на диво:
Спою я песню нравственную ей,
Чтоб тем верней сманить красотку живо.

(Поет, аккомпанируя на гитаре.)

Не стой, не стой,
Не жди с тоской
У двери той,
Катринхен, пред денницей!
Не жди, не верь:
Войдешь теперь
Девницей в дверь,
А выйдешь не девницей!
Не верь словам!
Насытись сам,
Бедняжке там
«Прости, прощай!» — он скажет,
Скажи: «Постой,
Повеса мой,
Пока со мной
Кольцо тебя не свяжет!»

Валентин
(выходя)

Черт побери! Кого ты там
Смущаешь, крысолов проклятый?
Гитара к черту! К черту сам
Слетишь и ты, певец завзятый!

Мефистофель

Гитара сломана: ее не нужно нам!

Валентин

Теперь и череп пополам!

Мефистофель
(Фаусту)

Ну, доктор, я вас приглашаю!
Вперед, смелее! Не робей,
Валяй шпажкой своей,
Коли смелей — я отражаю.

Валентин

Так отражай же!

Мефистофель

Я к услугам весь!

Валентин

Еще!

Мефистофель

Могу!

Валентин

Сам чёрт дерется здесь!
Но что со мной! Рука уж ослабела

Мефистофель
(Фаусту)

Коли же!

Валентин
(падая)

Ох!

Мефистофель

Смирили дурака!
Теперь пора убраться нам приспела:
Тут будет шум и крик наверняка.
Хоть мне возня с полицией легка,
Но уголовный суд – иное дело!

Уходят.

Марта
(у окна)

Сюда скорей!

Гретхен
(у окна)

Сюда огня!

Марта

Здесь драка, спор! Здесь шум, возня!

Народ

Убит один, гляди!

Марта
(выходя)

А где убийца, где злодей?

Гретхен
(выходя)

Кто здесь?

Народ

Сын матери твоей.

Гретхен

Всевышний, пощади!

Валентин

Я умираю. Так легко сказать,
А умереть легко вдвойне.
Эй, бабы! Больше не к чему кричать —
Приблизьтесь и внимайте мне!

Все обступают его.

Ты, Гретхен, очень молода
И так глупа, что навсегда
Плохой избрала путь.
Могу при всех тебе сказать:
Когда могла такую стать,
Так уж открыто будь!

Гретхен

О боже! Брат мой, что такое?

Валентин

Оставь хоть бога ты в покое!
Что было, нам не воротить;
Уж, видно, так тому и быть.
Ты начала теперь с одним,
Потом другой придет за ним.
А как до дюжины дойдет,
К тебе весь город побредет.

Когда впервые грех рождается,
Себя таит он в первый миг:
Под кровом ночи рад он скрыться
И закрывает грозный лик;
Тогда убить его не поздно.
Но скоро, скоро грех растет,
Средь бела дня открыт идет;
Лицо его не меньше грозно,
Но чем лицо его страшней,
Тем яркий свет ему нужней.
Я знаю, срок настанет твой —
И честный гражданин любой,
Как перед язвой моровою,
Распутница, перед тобою
Отпрянет. От стыда горя,
В глаза открыто ты не взглянешь;
В цепочке ты франтить настанешь
И убежишь от алтаря!
Не будешь в танце красоваться
Ты в кружевном воротничке:
Меж нищих и калек скрываться
Ты будешь в темном уголке!
И если бог простит твой грех,
Ты на земле презренней всех!

Марта

Предайся лучше покаянью,
Чем удручать себя вам бранью!

Валентин

Когда б сломать я ребра мог

Тебе, бесстыжей сводне скверной,
Я знаю, что простил бы бог
Тогда грехи мои наверно!

Гретхен

О, муки ада! Брат мой, брат!

Валентин

Напрасны слезы, говорят!
Сестра, ты честь свою забыла,
Меня ты в сердце поразила, —
На божий суд идет твой брат
Без страха, честно, как солдат.

(Умирает.)

Сцена 20

СОБОР

Служба, пение, орган.
Гретхен в толпе народа;
позади нее Злой Дух.

Злой Дух

Не так ты, Гретхен, прежде,
С душой невинной,
Ходила к алтарю.
Молясь по книжке старой,
Ты лепетала,
Наполовину детским играм,
Наполовину богу
Душою предана!
О Гретхен!
Где голова твоя?
И на душе твоей
Какой тяжелый грех?
Ты молишься ль за мать свою? Она
Тобой для долгих-долгих мук усыплена!
Чья кровь у дома твоего?
Что у тебя под сердцем скрыто?
Не шевелится ль что-то там
И не тревожит ли тебя
Присутствием своим?

Гретхен

Увы, увы!
Как дум мне этих избежать,
Которые теснятся отовсюду

Ко мне и в душу проникают?

Хор

Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla

Звуки органа.

Злой Дух

Гнев неба над тобою!
Труба звучит;
Заколебались гробы;
Душа твоя
Из бездны праха
Для мук ужасных
Огня и ада,
Дрожа, встает!

Гретхен

О, если б мне уйти отсюда!
Мне грозный гром органа -
Дышать мешает,
Меня терзает это пенье
До глубины сердечной!

Хор

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, apparebit
Nil inultum remanebit.

Гретхен

Как душно мне!
Как эти арки, эти своды
Теснят меня!
Воздуха, воздуха больше!

Злой Дух

Беги! Но грех и стыд
Не будет скрыт.
Что? Воздуха? Света?
Горе тебе!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus,
Quum vix Justus sit securus?

Злой Дух

Свой лик пресветлый отвращают
Святые от тебя,
И руку протянуть тебе
Им, чистым, страшно!
Увы!

Хор

Quid sum miser tune dicturus?

Гретхен

Соседка, ваш флакон!..

(Падает в обморок.)

Сцена 21

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Местность в горах Гарца,
в окрестностях деревень Ширке и Эленд.
Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

Не чувствуешь нужды ты в помеле?
Теперь на дюжем рад бы я козле
Погарцевать, уставши от дороги.

Фауст

Меня еще покамест носят ноги:
Дубинкой путь стараюсь облегчать.
К чему дорогу сокращать?
То странствовать в извилистой долине,
То лезть с утеса на утес к вершине,
Откуда вниз ручей стремится в дол,—
Мне весело, и путь мой не тяжел.
Везде весна: береза зеленеет,
Позеленела даже и сосна;
Ужель на нас весной не повеет?

Мефистофель

Признаться, мне чужда весна!
Во мне зима царит: мне надо,
Чтоб снег, мороз был на пути моем.
В ущербе месяц; тусклою лампадой
Едва мерцает красным он лучом;
Неважный свет! Здесь каждый шаг нам может
Опасен быть: наткнешься прямо лбом
На камень или ствол. Постой-ка, нам поможет
Блуждающий огонек, мелькающий кругом!
Эй, ты, поди сюда и посвети, любезный!
К чему иначе свет твой бесполезный?
Веди-ка нас вперед средь этой тьмы.

Блуждающий огонек

Мне изменить придется, вам в угоду,
Мой легкий нрав и всю мою природу.
И вкривь и вкось блуждать привыкли мы.

Мефистофель

Эге! ты – человека подражатель?
Во имя черта, марш вперед, приятель,
Не то тебя задую я сейчас!

Блуждающий огонек

Я вижу, вы хозяин здесь; для вас
Все сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.
Но помните: гора от чар с ума сойдет,
И если вас огонь блуждающий ведет,
То вы к нему не будьте слишком строги!

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонек поют попеременно.

Фауст

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны.
О, веди нас прямо, ровно
Сквозь леса и сквозь туманы,
Чрез пустыню, меж горами!

Огонек

Вот деревья вдаль рядами
Сзади нас, шумя, несутся;
Гор вершины будто гнутся;
Скалы длинными носами
Захрапели перед нами.

Фауст

Под камнями, под кустами
Слышу я ручья шептанье:
Песня ль это иль журчанье?
Зов любви ли, звук ли смеха,
Счастья ль отклик – нам утеха,
Песнь надежд, любви мечтанья?
И всему свой отзыв эхо
Шлет, как старое преданье.

Мефистофель

С шумом, гулом мчатся бойко
Сыч и чибис, с ними сойка:
Все проснулись, всем гулянье!
А в кустах сидят лягушки –
Долгоножки, толстобрюшки.
Будто змеи, меж камнями
Вьются корни за корнями,
Западни для нас готовят,
И пугают нас, и ловят,
И, ожив, деревьев капы,
Как полипы, тянут лапы
Нам навстречу. И, несметны,
Мох и вереск наполняя,
Беспокойны, разноцветны,
Мыши носятся, шныряя;

И вокруг пред нами реет
Светляков толпа живая
И, с дороги нас сбивая,
Яркой свитой пламенеет.

Фауст

Но скажи: вперед мы шли ли
Иль на месте всё мы были?
Лес и горы заходили;
Скалы, сучья рожи злые
Строят нам; огни ночные
Засверкали, засветили.

Мефистофель

За меня держись сильнее:
Здесь с горы всего виднее
Будет нам, как царь Маммон
Заблестит со всех сторон.

Фауст

Как странно мутный свет мерцает
Внизу румяною зарей!
В глубокой бездне он сверкает
И льется слабою струей;
Здесь встал туман, там — пар безбрежный;
Сквозь дымку жар горит лучом;
Здесь свет струится нитью нежной,
Там брызжет огненным ключом;
То, охватив всю глубь долины,
Он в сотнях жил струится там,
То, заключен среди теснины,
Он одиноко блещет нам;
Там сыплет искры, их взметая,
Как золотой песок со дна,
А здесь — смотри — горит седая
Утеса старого стена!

Мефистофель

Ужель на праздник досточтимый
Маммон дворца б не осветил?
Ты, к счастью, всю картину охватил:
Уж мчится хор гостей неукротимый.

Фауст

Как грозен вихрь! В порыве бурных сил
Он в спину бьет могучими толчками.

Мефистофель

За ребра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел; в туман весь погруженный,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробужденный,
И ломаются колонны
Зеленого лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,

И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти, на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.

Слышишь крики — дальше, ближе?
Слышишь вопли — выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан вверху сидит:
К вершине ведьмам путь лежит
Средь гор и скал, с метлой, с козлом, —
И вонь и гром стоят кругом.

Голос

Старуха Баубо в стороне
Летит на матушке-свинье!

Хор

Хвала, кому хвала идет!
Вперед же, Баубо! Пусть ведет!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Чрез Ильзенштейн я шла:
Там я сову в гнезде нашла.
А та глаза себе таращит!

Голос

О, чтоб тебя нелегкая взяла!
Кой чёрт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Глядите-ка, рана какая

Хор ведьм

Нам всем дорога тяжела, —
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьет метла:
Дитя убила — лопнет мать.

В давке одна из ведьм ранит другую
и убивает младенца в её утробе.

Колдуны
(полухор)

Улиткой наши все ползут,
А бабы все вперед бегут.
Где зло, там женщина идет
Шагов на тысячу вперед.

Другая половина хора колдунов

Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает — и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

Голос
(сверху)

Вперед, вперед, вы, из озер!

Голос
(снизу)

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись — чисты хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора.

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется луна;
Темно повсюду с этих пор,
И мечет искры шумный хор.

Голос
(снизу)

Подождите! Тише, тише!

Голос
(сверху)

Кто кричит в скалистой нише?

Голос
(снизу)

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

Оба хора

На вилах мчись, свезет метла,
На жердь садись, седлай козла!
Пропал навеки тот — поверь, —
Кто не поднимется теперь.

Полуведьма
(внизу)

Ташусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А все утнаться не могла.

Хор ведьм

Мазь ведьме бодрость придает,
Тряпье — за парус нам сойдет.
Корыто — лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле,
И чащу леса всю собой
Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются.)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!
Ко мне, не то нас растолкают!
Да где ж ты?

Фауст
(издали)

Здесь!

Мефистофель

Туда уж увлечен?
В хозяйские права вступить я принужден.
Дорогу! — Черт идет! Дорогу, чернь, живее!
Я здесь, брат доктор! Ухватись скорее!
Пойдем в сторонку; эта толкотня
Невыносима даже для меня.
Вон там какой-то странный свет мелькает
И в те кусты невольно привлекает.
Нырнем туда, бока свои храня.

Фауст

Противоречий дух, не сам ли ты старался
Меня увлечь сюда? Уж слишком ты умен!
В Вальпургиеву ночь пришел на Брокен он,
И что же? — под кусты запрягаться собрался.

Мефистофель

Одни не будем мы и там;
Смотри: огни, пестрея, загорелись!
Веселым клубом гости там расселись.

Фауст

Все ж наверху бы лучше было нам.
На злое дело вся толпа стремится;
Взгляни: уж дым столбом пошел у них.
Немало здесь загадок разрешится.

Мефистофель

Немало и возникнет их.
Пусть свет большой шумит, бушует,
Тебя подальше утащу я.
Везде бывает так — сомненья в этом нет, —
Что свет большой рождает малый свет.
Взгляни: разделась ведьма молодая,
А старая накидочку взяла.
Будь вежлив к ним: услуга мне большая
Труд не велик, забава не мала.
Чу, музыка играет! Вот досада!
Проклятый скрип! Но покориться надо.
Вперёд, вперёд! С тобою я пойду,
Вступлю в их круг, тебя в него введу
И познакомлю с новыми гостями.
Что скажешь, друг? Равнина здесь тесна ль?
Взгляни: конца не видно в эту даль!
Здесь тысячи огней горят рядами;
Болтают, пляшут, варят, любят, пьют, —
Чего же лучше? Чем же худо тут?

Фауст

Как мы войдем? Намерен притвориться
Ты колдуном или чертом к ним явиться?

Мефистофель

Инкогнито я мог бы предпочесть,
Но всяк свой орден в праздник надевает.
Меня «подвязка» хоть не украшает,
Зато копыту здесь большая честь.
Смотри: ползет улитка; протянула
Она рога свои навстречу нам.
Пронюхала, кто я такой, смекнула!
Не скрыться здесь, хоть и хотел бы сам.
Мы от огня к огню пойдем повсюду;
Ты будешь женихом, я — сватом буду.

(Подходит к нескольким сидящим у тлеющих углей.)

Что, господа, сидите в стороне?
Вы лучше время провели бы
Средь молодежи в толкотне;
А так сидеть и дома вы могли бы!

Генерал

Кто может верить нациям безопасно?
Я делал им добро — и что ж?
Толпа — как женщина, и вечно
У ней в почете только молодежь.

Министр

Народ теперь о правде позабыл,
Былое времечко умчалось.
Тот век, когда пред нами все склонялось,
Век золотой, поверьте, был.

Parvenu

И мы не глупы были ведь небось!
Мы всем по-своему вертели,
И вдруг пошло всё вкривь и вкось,

Когда свой труд упрочить мы хотели.

Автор

Кто книгу с мыслью умной и благой
Теперь у нас читает, в самом деле?
Нет, молодежь до дерзости такой
Дошла теперь, как никогда доселе!

Мефистофель

(на миг являясь дряхлым стариком)

Народ созрел, и близок страшный суд;
В последний раз на Брокен я взбираюсь...

Так мутно дни мои текут,
Что и весь мир к концу идет, ручаюсь!

Ведьма-ветошница

Не проходите, господа!
Удобный случай уловите,
Мои товары посмотрите:
Я много их снесла сюда;
Мой магазин — пребогатеиший,
Ему на свете равных нет.
Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред:
Здесь нету шпаги, кровью не облитой;
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Когда-нибудь напиток ядовитый;
Убора нет, который не прельщал
Невинных дев, и каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал.

Мефистофель

Эх, тетенька, ты плохо постигаешь
Дух времени: что было, то прошло.
Ты новостей зачем не предлагаешь?
Нас новое скорей бы привлекло.

Фауст

Однако здесь совсем остолбенеешь:
Вот так базар! Тут оторопь берет.

Мефистофель

Стремится кверху весь водоворот:
Ты думаешь, что сам толкать умеешь,
Глядишь — тебя ж толкают все вперед.

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?
Всмотрись: Лилит.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена

Адама. Берегись косы ее касаться:
Коса — ее единственный убор.
Кого она коснется, тот с тех пор
Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Фауст

Вон там старуха с молодой присела.
Умаялись — им пляска надоела.

Мефистофель

Ну нет, сегодня отдых здесь плохой.
Вот пляшут вновь: пойдем и мы с тобой!

Фауст

(танцуя с молодой)

Прекрасный сон я раз видал:
Я перед яблоней стоял;
Вверху два яблочка на ней;
Я влез на яблоню скорей.

Красавица

Всегда вам яблочки нужны:
В раю вы ими прельщены.
Я рада, что в моем саду
Я тоже яблочки найду!

Мефистофель

(танцуя со старухой)

Встревожен был я диким сном:
Я видел дерево с дуплом,
В дупле и сыро и темно,
Но мне понравилось оно.

Старуха

Копыта рыцарь, я для вас
Готова всем служить сейчас:
Дупло охотно я отдам,
Когда оно не страшно вам.

Проктофантасмист

Народ проклятый! Как вы это смели?
Не ясно ль вам доказано давно,
Что духам ног телесных не дано?
А вы плясать, как люди, захотели!

Красавица

(танцуя)

А он зачем пришел на бал?

Фауст

(танцуя)

Э, где он только не бывал!

Другие пляшут — он их осуждает;
Когда ж на каждый шаг рацей он не найдет,
То этот шаг он просто отрицает.
Всего больней ему, что мы идем вперед;
Вот если б вы на месте все кружились,
Как он на старой мельнице своей,
Возликовал бы он душою всей,
Особенно, когда б ему вы поклонились.

Проктофантасмист

Вы здесь ещё? Нет, вынести нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.
Но эти черти к поученьям глухи.
Мы так умны, — а в Тегеле есть духи!
Как долго я ни просвещал людей,
А толку нет! Неслыханно, ей-ей!

Красавица

Когда же он надоедать нам бросит?

Проктофантасмист

Вам всем в лицо свой приговор я шлю!
Я деспотизма духов не терплю:
Мой дух его не переносит,

Пляска продолжается.

Сегодня мне ничто не удастся,
Но продолжать я путь готов,
И, может быть, в конце концов
Поэтов и чертей мне победить придется.

Мефистофель

Постой, вот он сейчас увязнет в луже той,
Где успокоиться от всех трудов он может;
А как пиявка там крестец ему погложет,
Забудет духов он и дух испустит свой.

(Фаусту, который прекращает танец.)

А где ж, скажи, красавица твоя?
Она, танцуя, так приятно пела.

Фауст

Во время пенья вдруг увидел я,
Как с губ у ней мышь красная слетела.

Мефистофель

И только? Строго ж ты, мой друг, на все глядишь!
Благодари судьбу — не серая хоть мышь.
Ведь в час любви до этого нет дела.

Фауст

Еще я вижу...

Мефистофель

Что?

Фауст

Вдали передо мной
Встал образ девы бледной и прелестной.
Она ступает медленной стопой,
Как будто цепью скованная тесной.

Признаться, в ней, когда гляжу,
Я сходство с милой Гретхен нахожу.

Мефистофель

Оставь её: бездушна дева эта,
Всего лишь тень, бегущая рассвета.
С ней встреча — смерть, не счастье, не любовь,
При встрече с ней вмиг стынет в жилах кровь
И человек, как камень, замирает.
Миф о Медузе,— кто его не знает?

Фауст

Глаза ее недвижно вдаль глядят,
Как у усопшего, когда их не закрыла
Рука родная. Это Гретхен взгляд.
Да, это тело, что меня прельстило!

Мефистофель

Ведь это колдовство! Обман тебя влечёт:
Красавицу свою в ней каждый узнает.

Фауст

Какою негой, мучением каким
Сияет этот взор! Расстаться трудно с ним!
Как странно под ее головкою прекрасной
На шее полоса змеится нитью красной,
Не шире, чем бывает острый нож!

Мефистофель

Давно всё это знаю я: ну что ж?
Под мышку голову берёт она порою,
С тех пор как ей срубил её Персей.
Ты все, как прежде, носишься с мечтой.
Вперёд, на холм, за мною поскорей!
Он весь покрыт весёлою толпою:
Как в Пратере кипит веселье тут!
Уж не театр ли? Мне сдаётся,
Что скоро здесь спектакль начнется.
Что здесь у вас?

Servibilis

Сейчас начнут
Последнее, седьмое, представление —
Всегда уж столько принято давать.
Любителя на сцене сочиненье,
Любители здесь будут и играть.
Я уйду — прошу в том извиненья:
Я сам любитель — занавес поднять.

Мефистофель

На Блоксберге такие представленья
Как раз у места, без сомненья.

В настоящем издании исключена интермедия к «Вальпургиевой ночи» – «Золотая свадьба Оберона и Титании» (Сцена 22), которая составлена из эпиграмм, сначала предназначавшихся для журнала, издававшегося Фр. Шиллером. С основным содержанием трагедии эта интермедия не связана.

Сцена 23

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ

Фауст и Мефистофель.

Фауст

В одиночестве! В отчаянье! В страданиях долго
блуждала она по земле – и вот теперь заключена,
заключена в темницу на ужасные мучения, как преступница, –
она, это несчастное, милое создание! Вот до чего дошло!
И ты, изменник, недостойный дух, смел скрывать все это от меня!
Стой же, стой теперь и вращай яростно своими сатанинскими очами!
Стой и – терзай меня невыносимым своим присутствием! В плену!
В не выразимом мучении! Предана власти духов и бесчувственно
осуждающего человечества! И ты стараешься развлечь меня
отвратительными удовольствиями, скрываешь от меня ее растущее горе,
оставляешь ее гибнуть без помощи!

Мефистофель

Она не первая.

Фауст

Пес! Отвратительное чудовище! О дух бесконечный!
Преврати его, преврати червя этого в его собачий образ,
который он так часто принимал ночью, бегая предо
мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь
на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его
в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался
передо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его
отверженного. Не первая! О муки, муки, невыносимые
для души человека! И не одно такое создание погибло
в бездне горя и несчастья! И эта первая недостаточно
искупила пред очами всепрощающего все грехи прочих
в своем ужасном, смертном горе! Мозг мой и мое сердце

терзаются, когда я смотрю на одну эту страдальцу,
а ты издеваешься хладнокровно над судьбою тысяч существ!

Мефистофель

Да, теперь мы снова приближаемся к границам нашего остроумия, туда, где человек теряет управление своим рассудком. К чему же ты вступаешь в общение с нами, когда не в силах поддержать его? Хочешь летать – и боишься, что голова закружится? Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Фауст

О, не скаль же так на меня свои прожорливые зубы:
это отвратительно! О великий, чудесный дух, удостоивший
меня видеть лицо свое! Ты знаешь сердце мое, душу мою:
к чему же было приковывать меня к этому постыдному спутнику,
который во зле видит свою жизнь, а в убийстве – наслаждение!

Мефистофель

Скоро ты кончишь?

Фауст

Спаси её или горе тебе! Тягчайшее проклятие на голову твою
на тысячи лет!

Мефистофель

Не в моих силах разрывать узы мстителя и снимать
его затворы. Спаси ее! Но кто, скажи, ввергнул её
в бездну погибели: я или ты?

Фауст дико озирается кругом.

За громы схватиться хочешь? Счастье, что не вам Даны они,
жалким смертным! Сокрушить непокорного – вот известный прием
тиранов, к которому они прибегают, когда их поставят в тупик.

Фауст

Веди меня туда! Она должна быть свободна.

Мефистофель

А опасность, которой ты сам подвергаешься? Знай,
что в городе ты оставил следы твоего кровавого греха.
На месте убийства прячут мстительные духи и ждут возвращения
убийцы.

Фауст

Что ещё предстоит мне от тебя? Смерть и проклятие
всей вселенной на тебя чудовище! Веди меня, говорят
тебе, и освободи её!

Мефистофель

Изволь, я сведу тебя. Слушай же, что я могу сделать, –
ведь не все же силы земли и неба в моей власти.
Я могу помрачить ум тюремщика, а ты завладей ключами и
выведи её человеческою рукою. Я буду на страже:

волшебные кони, которые умчат вас, будут готовы.
Вот всё, что я могу.

Фауст

Туда — и сейчас же!

Сцена 24

НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ

Фауст и Мефистофель мчатся на вороных конях.

Фауст

Зачем там слетелись у плахи они?

Мефистофель

Не знаю, но вижу, там что-то творят.

Фауст

Взлетают, кружатся, спускаются вниз.

Мефистофель

То ведьмы.

Фауст

Свершают какой-то обряд.

Мефистофель

Пускай их колдуют! За мною, вперед!

Сцена 25

ТЮРЬМА

Фауст со связкой ключей и лампой

перед железной дверью.

Фауст

Вся скорбь людей скопилась надо мною:
Давно мне чуждым страхом я объят;
Вот здесь её, за влажною стеною,
Невинную, оковы тяготят.

Что ж медлишь ты, войти не смея?
Боишься встретить милый взгляд?
Твой страх – ей смерть! Вперёд скорее!

(Хватается за замок.)

Песня внутри

Мать, распутница мать,
Погубила меня;
Мой отец, негодай,
Изглодал всю меня;
А сестричка моя
Мои кости нашла,
Тайно в поле снесла.
Резвой птичкою я
Мчусь в чужие края!

Фауст

(отворяя дверь)

Не чувствует она, что милый здесь стоит!
Лишь цепь на ней гремит, солома шелестит.

(Входит.)

Маргарита

(прячась на кровати)

Идут! Настал час смертный мой!

Фауст

(тихо)

Молчи, молчи: свободна будешь!

Маргарита

(бросаясь перед ним на колени)

Кто б ни был, сжалься надо мной!

Фауст

Потише: стражу ты разбудишь!

(Начинает разбивать цепи.)

Маргарита

(на коленях)

Кто власть тебе такую дал,
Палач, над бедной надо мною?
Меня будить ты в полночь стал...
О, сжалься и оставь живую
Хоть до утра, – казни тогда!

Я молода, так молода —
И вот завтра умираю!

(Встает.)

Я хороша была — за то и погибаю!
Был близок друг, теперь далёк,
Цветы увяли, сорван мой венок...
О, не хватай меня ты, умоляю!
Тебе я зла не делала, поверь:
Мы в первый раз встречаемся теперь.
Палач, палач, услышь мои моленья!

Фауст

Переживу ль все эти я мученья!

Маргарита

Палач, твоя теперь я, вся твоя!
Свою бы дочь я только накормила:
Всю ночь её в слезах ласкала я...
Её украли, чтобы я тужила,
А говорят, что я её убила.
Я никогда не буду весела:
Ведь про меня и песня ходит злая...
Такая в сказке, правда, мать была,
Но разве я такая?

Фауст

(становясь на колени)

Возлюбленный у ног твоих лежит;
Он от цепей тебя освободит.

Маргарита

(падая рядом с ним на колени)

Скорей на колени!
Смотри, у ступени,
У двери зияет
Весь ад и пылает;
Злой дух там стоит,
Шумит и гремит.
Дрожу от испуга!

Фауст

(громко)

Гретхен! Гретхен!

Маргарита

(прислушиваясь)

Это голос друга!

(Вскакивает. Цепи падают.)

Я слышу, он зовёт меня!
Свободна я, свободна я!
К нему помчусь я, изнывая,
К нему прильну я, отдыхая!
Он звал меня: «Гретхен!» У двери стоял он,
Сквозь крики бесовские громко взывал он;

Сквозь хохот, и грохот, и яростный вой
Я слышала голос знакомый, родной.

Фауст

Я здесь!

Маргарита

Ты здесь? О, повторить нельзя ль?

(Обнимая его.)

Ты здесь, ты здесь? Где вся моя печаль,
Где страх тюрьмы? Ты цепи разбиваешь!
Ты здесь: пришел и из тюрьмы спасаешь!
Я спасена! А вот и улица опять,
Где в первый раз тебя пришлось мне повстречать.
А вот и сад я увидала,
Где с Мартою тебя я поджидала.

Фауст
(увлекая её)

Идём, идём!

Маргарита

О милый, подожди!

(Ласкается к нему.)

Так любо мне с тобой!

Фауст

Выходи!

Спеши — не то ты горько пожалеешь!

Маргарита

Иль целовать ты больше не умеешь?
Ты лишь на миг со мной в разлуке был
И целовать меня уж позабыл!
О, отчего теперь перед тобой дрожу я,
Когда ещё вчера в тебе, в твоих словах
Я находила рай, как в ясных небесах,
И ты душил меня в объятиях, целуя?
Целуй, целуй скорей меня!
Не хочешь — поцелую я
Тебя сама!

(Обнимает его.)

Увы, остыла
Твоя любовь; твои уста
Так стали холодны! Твоих объятий сила
Исчезла... То ли прежде было?
О, горе, горе мне! Иль я уже не та?

(Отворачивается от него.)

Фауст

За мной, за мной! Опомнись, дорогая:
Я твой всегда от сердца полноты!
Иди — молю лишь об одном тебя я!

Маргарита
(оборачиваясь к нему)

Так это ты? Наверно это ты?

Фауст

Я, я! Идем!

Маргарита

И ты освобождаешь
Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?

Фауст

Уж стало рассветать!

Маргарита

Ах! я свою убила мать,
Свое дитя убила я!
Ребёнок, дочь моя, твоя...
Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Её скорее: посмотри —
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч,
Вложи, чтоб больше не извлечь!

Фауст

Что было — вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.

Маргарита

О нет, живи, живи, мой милый!
Послушай, вырой три могилы...
С зарёй придётся умирать...
На первом месте будет мать,
С ней рядом брат мой будет спать,
А я — поодаль, но немного,
Немного, милый, ради бога!
Ребёнка ж положи ты на груди моей:
Кому ж, как не ему, лежать теперь со мною?
А помнишь, милый друг, как много мы с тобою
Когда-то провели блаженно-чудных дней!
Теперь мне обнимать уж больше не придется
Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдаётся,
Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнёшь.
А всё же это ты, всё так же добр, хорош!

Фауст

Коль любишь ты меня, за мною ты пойдёшь!

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю!

Маргарита

Что ж, когда могилу там
Найду и с нею смерть, — пойдём дорогой тою
К загробной тишине, к безмолвному покою;
Но дальше — ни на шаг... Идёшь ты, милый мой?
О, если бы и я могла идти с тобой!

Фауст

Ты можешь, если б только захотела!

Маргарита

Нет, мне нельзя! Надежда улетела!
Зачем бежать? Меня там стража ждёт...
Жить в нищете так тягостно и больно!
А совесть? Как не вспомнить всё невольно!
Так горько мне идти в чужой народ...
Да и поймут скоро нас, я знаю!

Фауст

Я остаюсь!

Маргарита

Спеши же, заклинаю!
Ступай всё вниз, всё вниз,
К ручью спустись,
Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьём.
Она жива. Хватай,
Хватай её, спасая!

Фауст

Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг — и ты на воле!

Маргарита

Нам только бы гору скорей миновать:
На голом там камне сидит моя мать, —
По жилам мороз пробегает...
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.
Недвижны глаза; голова тяжела...

Не встать ей: увы! она долго спала, —
Уснула, чтоб мы без неё наслаждались...
Дни счастья минули; куда вы умчались?

Фауст

Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я —
Так силой с собою тебя увлеку я!

Маргарита

К чему насилье? О, оставь, молю!
Не жми так крепко руку ты мою —
И без того покорною была я.

Фауст

Уж скоро день! Опомнись, дорогая!

Маргарита

День? Скоро день? То день последний мой,
А мог бы стать днём свадьбы нам с тобой!
Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,
Что был ты у меня. Венок мой разорвали, —
Увы, беда стряслася надо мной!
Постой, ещё мы встретимся с тобой, —
Не в хороводе только, нет, едва ли!
Безмолвно дыхание своё затая,
Теснится толпа; их так много:
Вся площадь полна, вся дорога...
Чу, колокол слышится... Вот уж судья
Сломал свою палочку... Разом схватили,
Связали, на плаху меня потащили!
И каждому страшно: пугается он,
Как будто топор и над ним занесен...
Вокруг тишина, как под крышкою гроба!

Фауст

О, если б не был я рожден!

Мефистофель
(в дверях)

За мной, иль вы погибли оба!
Скорей, восток уж озарён!
Оставьте ваши вздохи, ахи!
Дрожат уж кони, жмутся в страхе.

Маргарита

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нем!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Фауст

Ты жить должна! Скорее!

Маргарита

Суд божий, предаюсь тебе я!

Мефистофель

За мной, иль с ней тебя покину я!

Маргарита

Спаси меня, господь! О боже, я твоя!
Вы, ангелы, с небес ко мне слетите,
Меня крылами осените!
Ты, Генрих, страшен мне!

Мефистофель

Она

Навек погибла!

Голос свыше

Спасена!

Мефистофель
(Фаусту)

За мной скорее!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос Маргариты
(из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих!

*** ЧАСТЬ ВТОРАЯ ***

Действие первое

В настоящем издании из второй части «Фауста» исключен ряд сцен.

ЖИВОПИСНАЯ МЕСТНОСТЬ.

Фауст лежит, утомленный, на цветущем лугу, в беспокойном сне,
Сумерки. Над Фаустом парит хор прелестных малюток-духов.
Пение, сопровождаемое звуками эоловых арф.

Ариэль

В дни, когда весна сияет,
Дождь цветов повсюду льет,
Поле в зелень одевает,
Смертным радости несет, —
Крошек-эльфов дух великий
Всем спешит смягчить печаль:
Свят ли он иль грешник дикий,
Несчастливца эльфам жаль.
Вы, что сюда слетелись в рой свободный,
Исполните долг эльфов благородный:
Смирите в нем свирепый пыл борьбы,
Смягчите боль жестокую упрека,
Изгладьте память ужасов судьбы.
В безмолвии ночном четыре срока —
Не медлите ж! Слетаясь со всех сторон,
Его склоните нежно к изголовью, —
Росою Леты брызните с любовью, —
Усталые расправит члены сон,
И день он встретит бодр и укреплен.
Итак, скорее подвиг свой начните:
К святому свету вновь его верните!

Хор эльфов

(поодиночке, по два и по несколько,
чередуюсь и соединяясь)

(Serenade)

Теплый воздух безмятежен,
Тихо в зелени полян,
Сладок запах, и безбрежен
Легкий вечера туман;
Нашепчите ж мир нощлега,
Детским отдыхом маня,
И очам усталым нега
Пусть закроет двери дня!

(Notturmo)

Ночь восходит, рассыпая
Сотни звезд по небесам;
Рой светил горит, мерцая,
Блещет здесь, сияет там;
Спят озер зеркальных воды;
Чисто небо; ночь ясна, —
И над тихим сном природы
Пышно царствует луна.

(Mattutino)

Пусть текут часы забвенья,
Грусть и радость устрани;
Близко время исцеленья, —
Верь же вновь сиянью дня!

По долине меж холмами
Тихо в зелени дерев,
И серебристыми волнами
Нива зыблет свой посев.

(Re veil)

Достижимы все стремленья;
Посмотри: заря ясна!
Слабы цепи усыпленья, —
Сбрось же, сбрось оковы сна!
Меж медлительной толпою
Будь творцом отважных дел!
Всемогущ, кто чист душою,
Восприимчив, быстр и смел.

Сильный шум возвещает восход солнца.

Ариэль

Чу! Шумят, бушуют Оры!
Шум их слышат духов хоры;
Новый день увидят взоры.
Чу! Скрипят ворота неба!
Чу! Гремят колеса Феба!
Сколько шуму вносит свет!
Трубный звук гудит и мчится,
Слепнут очи, слух дивится,
Лишь для смертных шума нет!
Поскорей к цветам спешите,
Глубже, глубже в них нырните;
Скройтесь в листьях, в щели скал,
Чтоб вас шум не оглушал!

Фауст

Опять ты, жизнь, живой струёю льёшься,
Приветствуешь вновь утро золотое!
Земля, ты вечно дивной остаёшься:
И в эту ночь ты в сладостном покое
Дышала, мне готовя наслажденье,
Внушая мне желанье неземное
И к жизни высшей бодрое стремленье.
Проснулся мир — и в роще воспеваает
Хор стоголосый жизни пробужденье.
Туман долины флёром одевает,
Но озаряет небо предо мною
И глубь долин. Вот ветка выступает,
Не скрытая таинственной мглой;
За цветом цвет является, ликуя,
И блещет лист трепещущей росой.
О чудный вид! Здесь, как в раю, сижу я!

А там, вверху, заглялись гор вершины,
Зарделись, час веселый торжествуя.
Вы прежде всех узрели, исполины,
Тот свет, который нам теперь сияет!
Но вот холмы и тихие долины
Веселый луч повсюду озаряет,
И ниже все светлеют очертанья.
Вот солнца диск! Увы, он ослепляет!
Я отвернусь: не вынести сиянья.

Не так ли в нас высокие стремленья —

Лелеют часто гордые желанья
И раскрывают двери исполненья, —
Но сразу мы в испуге отступаем,
Огнем объаты и полны смущенья:
Мы светоч жизни лишь зажечь желаем,
А нас объемлет огненное море.
Любовь тут? Гнев ли? Душно; мы страдаем;
Нам любо, больно в огненном просторе;
Но ищем мы земли — и пред собою
Завесу снова опускаем в горе.

К тебе я, солнце, обращусь спиною:
На водопад сверкающий, могучий
Теперь смотрю я с радостью живою;
Стремится он, дробящийся, гремучий,
На тысячи потоков разливаясь,
Бросая к небу брызги светлой тучей.
И между брызг как дивно, изгибаясь,
Блестает пышной радуга дугою,
То вся видна, то вновь во мгле теряясь,
И всюду брызжет свежеею росой!
Всю нашу жизнь она воспроизводит:
Всмотрись в нее — и ты поймешь душою,
Что жизнь на отблеск радужный походит.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

Тронный зал. Государственный совет. Трубы.
Входит император с блестящей свитой и садится
на трон. Справа от него становится астролог.

Император

Привет вам, други! Весь вполне
Вокруг меня мой двор собрался.
Мудрец со мной; куда ж девался
Дурак, мой шут, скажите мне?

Юнкер

За вашим шлейфом он влачился,
Упал при входе и разбился.
Толстяк был поднят, унесён:
Не знаю — пьян иль умер он.

Другой юнкер

За ним другой — откуда взялся,
Не знаю — быстро протолкался.
Одет был очень пышно он,
Но безобразен и смешон.
Уж он пробрался до чертога,
Но алебарды у порога

Пред ним скрестила стража тут.
Да вот и он, наш смелый шут!

Мефистофель
(входя и склоняясь перед троном)

Что ненавистно — и отрадно?
Что всяк и звать и гнать готов?
Что все ругают беспощадно,
Чтоб защищать в конце концов?
Кого ты звать не должен смело?
Чье имя всех к себе влекло?
Что к трону путь найти сумело?
Что гнать само себя могло?

Император

Довольно, шут, слова плести лукаво;
Твои загадки здесь некстати, право;
Загадки любы этим господам:
Им разгадай их; это будет нам
Приятней. Старый шут покинул сцену;
Пожалуй, стань сюда, ему на смену.

Мефистофель становится по левую сторону трона.

Говор толпы

Вот шут другой — к другой беде!
Откуда он? Как он вошел?
Приелся прежний. Прежний где?
Тот бочка был, а этот — кол.

Император

Итак, о други дорогие,
Привет! Сошлись передо мной.
Вы под счастливую звездой:
Сулит нам небо радости большие.
Хотели мы взглянуть на божий свет
Повеселей, от дел освободиться
И маскарадом пышным насладиться.
Помех, казалось, для веселья нет,—
К чему ж сошлись на скучный мы совет?
Сказали вы: «Так надо!» Покоряюсь —
И вот пред вами я теперь являюсь.

Канцлер

Как лик святых сияньем окружён,
Так добродетель высшая венчает
Чело владыки: ею обладает
Лишь он один, и всем он одарён;
Все, что народу нужно, любо, мило,
Нам божество в лице его явило.
Увы! К чему рассудка полнота,
Десницы щедрость, сердца доброта,
Когда кругом все стонет и страдает,
Одна беда другую порождает?
Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду превратилось.

Наглец присваивает жён,
Стада, светильник, крест церковный;
Хвалясь добычею греховой,
Живет без наказания он.
Истцы стоят в судебном зале,
Судья в высоком кресле ждёт;
Но вот преступники восстали —
И наглый заговор растёт.
За тех, кто истинно греховен,
Стоит сообщников семья —
И вот невинному «виновен»
Твердит обманутый судья.
И так готово все разбиться:
Все государство гибель ждёт.
Где ж чувству чистому развиться,
Что к справедливости ведёт?
Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть:
Судья, свою утратив власть,
Примкнет в конце концов к злодеям.
Рассказ мой мрачен, но, поверь,
Еще мрачнее жизнь теперь.

Пауза.

И нам нельзя откладывать решения!
Средь этой бездны зла и разрушенья
И даже сан небезопасен твой.

Военачальник

Все нынче буйны, удержу не знают,
Теснят друг друга, грабят, убивают,
Не слушают команды никакой.
Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в каменном гнезде
Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде.
Наёмные роптать солдаты стали:
Упорно платы требуют у нас,
И если б мы им так не задолжали,
Они бы нас покинули сейчас.
Чего б себе они ни запросили —
Не дать попробуй: будешь сам не рад.
Мы защищать им царство поручили —
Они ж страну разграбить норовят.
Полцарства гибнет; если их оставят
Так буйствовать — пропала вся страна!
Хоть короли кой-где ещё и правят,
Но никому опасность не ясна.

Казначей

К союзникам толкнуться — мало прока;
Обещанных субсидий нет притока:
Казна у нас — пустой водопровод!
В твоих обширных, государь, владеньях,
Какие нынче господа в именьях?
Куда ни глянь, везде живет не тот,
Кто прежде жил; всяк нынче независим;
Мы смотрим, чтоб по вкусу мы пришились им,
А подчинить ни в чем не можем их.
Мы столько прав гражданских надавали,

Что не осталось прав для нас самих;
От разных партий, как бы их ни звали,
Поддержки тоже нет на этот раз.
Хвала и брань бесплодны обе стали,
Бессильна их любовь и злость для нас.
Ни гибеллинов нет, ни гвельфов нет и следу:
Все спрятались – потребен отдых им.
Кто нынче станет помогать соседу?
Все делом заняты своим;
У золота все двери на запоре, –
Всяк для себя лишь копит: вот в чём горе!
А наш сундук – увы, нет денег в нём!

Кастелян

Беда и у меня: огромны
Издержки наши; как ни экономны,
А тратим мы всё больше с каждым днём.
Для поваров, как прежде, нет стеснений:
Бараны, зайцы, кабаны, олени
У них еще в порядке, как всегда;
Индейки, гуси, утки и цыплята –
Доход наш верный: шлют их торовато.
Все это есть; в вине одном нужда:
Где прежде горы полных бочек были
И лучших сборов лучший цвет хранили –
Все до последней капли истребили
Попойки вечные сиятельных господ.
Для них открыл и магистрат подвалы:
И вот звенят их чаши и бокалы;
Все под столом лежат, и пьянство всё растёт.
Я счёт веду: платить за всё ведь надо;
И ростовщик нам не даёт пощады.
По векселям он вечно заберёт
Изрядный куш на много лет вперёд.
Давно у нас уж свиньи не жирели,
Заложен каждый пуховик с постели,
И в долг мы каждый подаём обед.

Император

(после некоторого размышления, Мефистофелю)

Ты тоже, шут, немало знаешь бед?

Мефистофель

Я? Никогда! Я вижу блеск чудесный,
Тебя и пышный двор. Сомненья неуместны,
Где нерушимо сам монарх царит,
Врагов своих могуществом разит,
Где светлый ум, и доброй воли сила,
И мощный труд царят на благо нам, –
Как может зло и мрак явиться там,
Где блещут эти чудные светила?

Говор толпы

Мошенник, плут! Умен, хитер!
Он лжёт бесстыдно! С этих пор
Я знаю, что нам предстоит.
А что? Проект он сочинит.

Мефистофель

Везде своя нужда: таков уж белый свет!
Здесь – то, другое – там. У нас вот денег нет;
Здесь, на полу, кто находить их будет,
Но мудрость их из-под земли добудет.
Войдите в тьму пещер глубоких: там
В кусках, в монетах золото сверкает;
А кто его из бездны извлекает?
Дух выпренный, природой данный нам,

Канцлер

Природа, дух – таких речей не знают
У христиан; за это ведь сжигают
Безбожников: такая речь вредна!
Природа–грех, а дух есть сатана:
Они лелеют в нас сомнение,
Любимое сил адских порождение.
Нет, здесь не то! Два рода лишь людей
Имеет государь в империи своей:
То божьих алтарей служители святые
И рыцари. Они хранят нас в бури злые;
Лишь в них себе опору трон найдет.
За то им земли государь дает.
Пустой толпы безумные затеи
Противостать пытаются порой,
Еретики и злые чародеи
Мутят страну и потрясают строй.
Шуту они любезны свыше меры:
Душе преступной всех они милей.
И смеешь дерзкой шуткою своей
Ты омрачать возвышенные сферы!

Мефистофель

О, как ученый муж замечен в вас сейчас!
Что осязать нельзя–то далеко для вас;
Что в руки взять нельзя – того для вас и нет,
С чем не согласны вы – то ложь одна и бред,
Что вы не взвесили – за вздор считать должны,
Что не чеканили – в том будто нет цены.

Император

К чему ты эту проповедь читаешь?
Мне надоело это: перестань!
Здесь денег нет, – скорей же их достань;
Словами ж ты беды не уменьшаешь.

Мефистофель

Достану больше я, чем кажется вам всем;
Всё это хоть легко, но трудно вместе с тем.
Клад не далек, но чтобы докопаться,
Искусство нужно и умение взяться.
В тот давний век, как массы дикарей
Губили жадно царства и людей,
Напора орд их человек пугался
И укрывать сокровища старался.
То было в мощный Рима век, давно;
Но и теперь немало так зарыто,
И все, что там лежит, в земле сокрыто,
Правительству принадлежать должно.

Казначей

Да, хоть дурак, а рассудил он здраво!
Конечно, это государя право!

Канцлер

Вам ставит дьявол золотой капкан:
В преступный вас желает ввести обман.

Кастелян

Чтоб провиант был у меня в запасе,
Я на обман даю своё согласие.

Военачальник

Дурак умён: всем благ наобещал!
Солдат не спросит, где он деньги взял.

Мефистофель

Иль я вам лгу? Что ж сомневаться много?
Вот вам мудрец: спросите астролога;
Как дважды два, он знает день и час.
Скажи, что видно в небесах для нас?

Говор толпы

Плуты! Союз уж заключён:
Шут и авгур взошли на трон.
Вся песня та ж — сюжет избит.
Глупец велит — мудрец гласит.

Астролог

(повторяя громко тихий подсказ Мефистофеля)

Как золото, нам Солнце свет свой льёт;
Меркурий, вестник радостный, несёт
Любовь и милость; благосклонный нам
Бросает взор Венера по утрам
И вечерам; Луны капризен вид;
Марс хоть бессилен, гибелью грозит;
Юпитер всех ясней всегда сиял;
Сатурн велик, а кажется нам мал.
Хоть, как металл, он низко оценён,
Но — если взвесить — полновесен он.
Да, коль сойдутся Солнца лик с Луной,
Сребро со златом, — это знак благой!
Все явится, что б пожелать ты мог:
Дворцы, сады, балы, румянец щёк;
Учёный муж доставит это вам,
Исполнив то, что невозможно нам.

Император

Всю речь вдвойне как будто слышу я,
Однако трудно убедить меня.

Говор толпы

Что мелет он
На старый тон?
Врёт звездочёт!

Алхимик врёт!
Сто раз слышал!
Напрасно ждал!
Опять и тут
Обманет плут!

Мефистофель

Находке верить ли, не знает
Никто из них; дивятся все:
Один альравнов вспоминает,
Другой о чёрном бредит псе.
Тот трусит, тот смеяться хочет;
Но образумьтесь, верьте мне:
Когда в подошве защекочет
У вас иль зазнобит в спине,
То знайте, что на вас влияет
Природа силою своей:
Струя живая возникает
Из глубочайших областей.
Когда мороз знобит вам тело
И не сидится что-то вам,
Вы в землю вкапывайтесь смело
И тотчас клад найдёте там.

Говор толпы

Ух, тяжко! Что-то беспокоит
Меня. Рука, озябнув, ноет.
Мне что-то палец заломило.
А у меня в спине заныло.
По этим признакам, под нами
Лежат сокровища пудами.

Император

Ну, к делу ж! Так ты не уйдёшь отсюда!
Правдивость слов своих нам докажи
И нам места сокровищ укажи.
Свой меч и скипетр я сложу покуда
И к делу сам немедля приступлю.
Когда не лжёшь, осуществлю я чудо,
А если лжёшь, тебя я в ад сошлю.

Мефистофель

Туда-то я дорогу твёрдо знаю.
Конечно, я всего не сосчитаю.
Что там лежит, на свет не выходя.
Пример: крестьянин, землю бороздя,
Златой сосуд порой зацепит плугом;
Порой селитры ищет он простой –
И видит слитки золота. С испугом
И радостью он бедною рукой
Старинные нам открывает своды.
Туда-то, в эти галереи, ходы,
В подземный мир, с киркой проникнуть рад
Искусный муж, преследуя свой клад.
В тех погребках сокровищ чудных груды:
Тарелки, чаши, золотые блюда
Везде рядами пышными стоят;
Что ни бокал – рубинами сверкает;
А из него испить кто пожелает,
Найдет в бочонке старое вино;

А обручи на бочке той старинной –
Поверите ль? – скрепляет камень винный.
А дерево истлело уж давно.
И чем та область мрака не богата!
Да, не одних каменьев там и злата
Довольно – есть и вин большой запас.
Но лишь мудрец их вынесет оттуда;
При свете видеть это всё не чудо.
А мрак всё тайной делает для нас.

Император

К чему нам мрак, к чему нам тайны эти?
Что драгоценно – покажи при свете:
Кто плутовство во мраке уличит?
«Все кошки ночью серы», – говорит
Пословица. Даю приказ тебе я
Доставить те сокровища скорее!

Мефистофель

Так сам возьми лопату, бур и лом,
И возвеличен будешь ты трудом,
Причем душою снова ты воспрянешь.
Златой телец предстанет вновь тогда –
И всех, себя и близких, без труда
Вновь украшать алмазами ты станешь,
А камни те, играя и горя,
И красоту возвысят и царя.

Император

Смелей за труд! Скорей за исполнение!

Астролог
(как выше)

Умерь, монарх, могучее стремление:
Сперва окончить праздник свой решишь!
За много дел ты сразу не берись:
Ведь заслужить сперва должны мы сами
Дары земли достойными делами.
Добра кто хочет, должен добрым быть;
Кто жаждет благ, тот должен дух смирить;
Кто алчет вин, тот у тисков трудися;
Кто ждет чудес, тот верой утвердися.

Император

Прекрасно! Пустим празднества мы в ход,
А там – пускай суровый пост придёт.
Итак, повеселей во что бы то ни стало
Отпразднуем теперь мы время карнавала!

Трубы. Все уходят.

Мефистофель

Глупцы! Судьба своих даров,
Заслуг не видя, не истратит!
Имей вы камень мудрецов –
Для камня мудреца не хватит.

Здесь чего-то опущено к вящему моему сожалению.

РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ

Слабое освещение.
Император и придворные.

Герольд

Мой старый долг исполнить — представление
Вам возвестить на предстоящий час —
Препятствует мне смутное волнение —
Влиянье духов; тщетно в этот раз
Чудесному, что ожидает вас,
Старался бы найти я объяснение.
Готовы кресла, стулья всем даны;
Сидит сам император у стены,
Роскошными картинами покрытой
Великих битв эпохи знаменитой;
А позади стоят ряды скамей;
Влюбленная воссела, с томным взглядом,
На милое местечко с милым рядом;
Уселись все как следует и ждут.
Готово всё: пусть духи к нам идут!

Трубы.

Астролог

Начнись же, драма, как монарх велит;
Стена, раздвинься: дай на сцену вид!
Препятствий нет: здесь всё послушно чарам!
И вот ковер, как скрученный пожаром,
Взвивается; раздвинулась стена,
И сцена нам глубокая открылась;
Волшебным светом зала озарилась —
На авансцену я всхожу.

Мефистофель
(показываясь в суфлерской будке)

Должна
Здесь роль моя удалась, нет сомненья:
В подсказках чёрт — искусник без сравненья.

(Астрологу.)

Ты постигаешь звёзды и луну,—

Так всё поймёшь, что я тебе шепну.

Астролог

Вот силою чудесной перед нами
Явился древний храм. Он, как Атлант —
Державший небо на плечах гигант, —
Велик, массивен; длинными рядами
Стоят колонны крепкие: на них,
Пожалуй, можно возложить хоть гору.
Большому зданью прочную опору
Могла бы пара дать колонн таких.

Архитектор

Вот в чём античность! Это мне не любо:
По мне, всё это тяжело и грубо.
Что дико, то за благородство чтут,
Великим — неуклюжее зовут!
Столбов и арок узких сочетанья
Мне более по вкусу бы пришлись:
Свод стрельчатый дух устремляет ввысь.
Такие нам всего приятней зданья!

Астролог

Почтите данный звёздами нам час!
Рассудок пусть нам душу не стесняет:
Пусть свой полёт волшебный исполняет
Фантазия, собой пленяя нас!
Пусть видит глаз, что дух желал без меры:
Всё это невозможно, и как раз
Поэтому оно достойно веры!

Фауст поднимается на сцену с другой стороны.

Смотрите: вот явился наконец
Он, муж чудесный, в жреческое платье
Одетый; на челе его венец;
Он смелое исполнит предприятие!
Треножник с ним из бездны восстаёт, —
Я фимиама чувствую куренье...
Благословить великое творенье
Уж он готов, — теперь нас счастье ждёт!

Фауст
(величественно)

Вас, беспредельных, призываю ныне,
Вас, Матери, царящие в пустыне
И всё ж не одинокие! Вкруг вас,
Без жизни, лики жизни бесконечно
Парят и реют; всё, что было раз,
Там движется, там есть и будет вечно!
Послушен вам созданий каждый шаг;
Их делите вы в дивном полномочье
Меж дня шатром и темным сводом ночи;
Одни живут средь жизни милых благ,
Других отважный вызывает маг;
Уверенно и щедро мир чудесный
Умеет он призвать пред взор телесный.

Астролог

Ключом блестящим тронул он слегка
Треножник – вмиг покрыли облака
Всю сцену; ходят, носятся, клубятся,
Сливаются, расходятся, дwoятся:
То духов рой. Как их игра чудна!
В движение этом музыка слышна:
Воздушных звуков смесь и переливы
Мелодией звучат, легки и живы,
Звучит тригглиф, звучат колонны, свод,
И дивный храм как будто весь поет.
Туман расплылся. Мерными шагами
Вот юноша в пленительной красе
Выходит... Я умолкну: видят все,
Что здесь Парис прекрасный перед нами!

Первая дама

О, блеск цветущей силы молодой!

Вторая дама

Румян, как персик, свеж, хорош собой!

Третья дама

Изящный ротик, пухленькие губы!

Рыцарь

Пастух как есть, не принц из высшей сферы!
Чужды ему придворные манеры!

Другой рыцарь

Да, он красив, когда он обнажён;
Я б посмотрел, каков-то в латах он!

Камергер

Он уж лежит! Невежливый какой!

Дама

Бранить – мужчин излюбленное дело!

Камергер

При государе так развлечься смело!

Дама

Ведь он один, по пьесе!

Камергер

И она
Здесь вежливой, приличной быть должна.

Дама

Он тихо засыпает.

Камергер

Натурально
Храпеть начнёт: ведь это так реально!

Появляется Елена.

Мефистофель

Так вот она! Спокоен я вполне:
Хоть недурна, но вовсе не по мне.

Астролог

На этот раз — сказать я должен честно —
Мой слаб язык. О, как она прелестна!
Красавицу и пламенная речь
Не описала б! Много воспевали
Красу ее, и перед ней едва ли
Способен кто спокойствие сберечь!
Блаженны те, кто ею обладали!

Фауст

Своими ли глазами вижу я
Тебя, источник красоты волшебный?
Твоя ли жизни полная струя
Влилась мне в душу, как поток целебный?
Мой страшный поиск дивный плод мне дал:
Весь мир мне был ничтожен, непонятен;
Теперь, когда твоим жрецом я стал,
Впервые он мне дорог, благодатен,
Незыблем, прочен! Лучше пусть лишусь
Дыханья жизни, чем теперь решусь
С тобой расстаться? Образ тот туманный,
Что мне в волшебном зеркале сиял, —
Был только отблеск твой непостоянный,
О красоты роскошный идеал!
Тебе всю жизнь, все силы мощной воли,
Мольбу и страсть безумную мою,
Мою любовь и нежность отдаю!

Мефистофель
(из суфлерской будки)

Опомнись же, не выходи из роли!

Пожилая дама

Большого роста, дивно сложена,
Лишь голова мала несоразмерно.

Молодая дама

Зато нога: смотрите, как крупна!

Дипломат

Видал принцесс я много: беспримерно
Она прекрасна, с головы до ног!
Её ни с кем сравнить бы я не мог.

Придворный

Вот с хитростью лукавой тихо, мерно
Идет к красавцу спящему она.

Дама

Как с ним она сравнительно дурна!

Поэт

Он озарён сиянием богини!

Дама

Эндимион с Луной – как на картине!

Поэт

Вот подошла к нему богиня... вот
Склоняется, его дыхание пьёт...
Чу! Поцелуй! Счастливец! Как завидно!

Дуэнья

Пред всеми! Ах, как это ей не стыдно!

Фауст

Ужасный знак любви!

Мефистофель

Да замолчи!
Дай призраку свободу, не кричи!

Придворный

Проснулся он; она отходит... стала...

Дама

Глядит назад: я так и ожидала!

Ученый

Я вижу всё; но точно ли она
Елена, в том есть для меня сомнение:
Ведь видимость нас вводит в заблуждение;
Чтоб убедиться, книга мне нужна.
«Она была мила всем старцам в Трое», –
Сказал Гомер. Явление такое
И здесь могу заметить я вполне:
Я сед, а все ж она мила и мне.

Астролог

Уж он не мальчик: смелою рукою
Берёт её; противиться герою
Она не в силах; вот он наконец
Её уносит...

Фауст

Дерзостный глупец,
Назад! Не слышишь? Говорю тебе я!

Мефистофель

(из суфлерской будки)

Твоя ж ведь это глупая затея!

Астролог

И так ход пьесы нам указывает весь,
Что похищение Елены будет здесь.

Фауст

Как похищение? Но разве, силы полный,
Я возле не стою, отважен и могуч?
Я разве не держу в руке волшебный ключ,
Который вел меня сквозь мрак, туман и волны,
Сквозь ужасы пустынь? И вот вернулся я, —
Здесь вновь действительность и твёрдая земля,
Здесь смело с духами мой дух бороться будет
И в двух мирах себе двойную власть добудет!
Прекрасная была когда-то далека,
Недостижима мне — теперь она близка.
За дело же смелей! Мне дивный ключ поможет;
Спасу её — тогда она моя вдвойне.
Вас, Матери, зову: вы помогите мне!
Кто дивную узнал, жить без неё не может!

Астролог

Что хочешь сделать ты? Опомнись, Фауст!

С силой

Хватает он её... Темнеет образ милый...
Вот, вот — он юноши касается ключом...
Беда! Пропали мы, сейчас сразит нас гром!

Громовый взрыв. Фауст падает. Духи исчезают в тумане.

Мефистофель

(унося Фауста на плечах)

Ну, вот вам и спектакль! Эх, право, предосадно!
Связаться с дураком и сатане накладно!

Мрак. Смятение.

Действие второе

ПРЕЖНИЙ КАБИНЕТ ФАУСТА

Мефистофель выходит из-за занавески.
Когда он ее приподнимает и оглядывается назад,
там виден Фауст, распростёртый на старинной,
прадедовской кровати.

Мефистофель

Лежи, несчастный! Вновь опутан ты
Любовной крепкой цепью не на шутку!
Кого Елена силой красоты
Сразила, тот надолго чужд рассудку.

(Осматривается.)

Взгляну ли вверх или вниз, сюда ли, туда ли —
Осталось всё, как было, здесь и там;
Цветные стекла лишь мутнее стали
Да паутины больше по углам;
В чернильнице лишь высохли чернила,
Бумага цвет свой в желтый изменила,
Но в общем всё имеет прежний вид:
На месте даже и перо лежит,
Которым Фауст, душу продавая,
Дал дьяволу свою расписку в том;
Вот даже крови капелька на нём
Ещё видна, что выманил тогда я!
Перо такое не даётся даром,
Оно приносит радость антикварам.
Вот старый плащ на вешалке старинной,
В котором так напыщенно и чинно
Я городил мальчишке разный вздор,
Который, может быть, долбит он до сих пор.
Опять не прочь я под твоей личиной,
Наряд сурово-теплый, роль сыграть
И, как доцент надутый, смело врать
С серьезною, непогрешимой миной:
Учёным людям это всем дано,
А чёрт ту роль уж не играл давно.

(Снимает меховой плащ со стены и встряхивает его,
причем оттуда вылетают цикады, жуки и разные
букашки.)

Хор насекомых

Здорово, здорово,
Патрон дорогой!
Летим мы, жужжим мы,
Знакомы с тобой!
В тиши понемножку
Плодил ты нас, друг,—
И тысячи ныне
Танцуют вокруг!
Коварство таится
В груди у людей:
В одежде их вошек
Откроешь скорей...

Мефистофель

Тварь новая! Как я ей рад сердечно!
Да, только сей, так и пожнёшь, конечно!
Ещё встряхну хламиду — здесь и там
Вновь вылетают из неё букашки;
Летят туда, сюда, по всем углам
Попрятаться спешат мои милашки!
В коробки, что стоят давно в пыли,
В пергамент побуревший заползли,
В разбитую старинную посуду,

В глазные дыры черепа — повсюду!
Да, где хранится этот жалкий хлам,
Там как не быть сверчкам да червякам!

(Надевает плащ.)

Ну что ж, покрой ещё разок мне плечи,—
Пусть стану я учителем опять!
Но что мне в званье без почётной встречи?
Кто есть здесь, чтоб почтение мне воздать?

(Тянет за звонок, который издает резкий,
пронзительный звон. От этого звона
содрогаются стены и распахиваются двери.)

Фамулус

(идет колеблющимися шагами
по длинному темному коридору)

Звуки страшные несутся,
Стены, лестницы трясутся!
В пестрых стеклах свет трепещет,
Словно молния там блещет!
Пол дрожит и гнутся доски,
Сверху целый дождь извёстки!
Двери с крепкими замками
Отворились чудом сами!
Там — о, ужас! — исполином,
В платье Фауста старинном,
Кто-то встал... глядит, кивает!
Страх колена мне сгибает...
Ждать ли? В бегство ль обратиться?
Боже, что со мной случится?

Мефистофель
(кивая ему)

Войдите! Вас зовут ведь Nicodemus?

Фамулус

Да, господин, я так зовусь! Oremus!

Мефистофель

Ну, это вздор!

Фамулус

Как рад я, что меня
Вы знаете!

Мефистофель

О да, вас помню я!
Вы всё студент, хотя и поседелый,
Обросший мхом! Так точно век свой целый
Учёный муж корпит, своим трудом
Весь поглощён,— не может он иначе!
Так понемножку карточный свой дом
Он создает; да еще притом,
Хотя б владел великим он умом,
Он до конца не справится с задачей.

Но ваш учитель — вот кто молодец!
Почтенный доктор Вагнер, всем известный,
В ученом мире первый он мудрец,
Авторитет имеет повсеместный.
Один в себе вместил все знания он
И ежедневно мудрость умножает.
Зато его, сойдясь со всех сторон,
Рой жаждущих познания окружает.
Он с кафедры один свет яркий льёт;
Как Петр святой, ключами он владеет.
Что в небесах, что на земле живёт —
Всё знает он, всё объяснить умеет.
Всех мудрецов он славу посрамил,
Сияет он, блестит необычайно,
Он то открыл, что для других есть тайна,
И даже имя Фауста затмил!

Фамулуc

Почтенный муж, прошу я извиненья,
Что возразить решусь на ваши мненья.
В нем, право, нет о том и помышленья:
Он скромностью всегда был одарён.
Куда исчез, где находится может
Великий муж, ума он не приложит:
Всё только ждёт, чтоб воротился он,
И молится об этом возвращенье,
Как о едином светлом утешенье;
И комната осталась взаперти,
С тех пор как Фауст вдруг исчез внезапно,
И ждёт владельца прежнего; сохранно
В ней всё — я сам едва посмел войти.
Но что за час чудесной перемены
Несут нам звезды? Даже сами стены
Как будто в страхе: лопнули замки,
Дверные расшатались косяки,
А то и вы сюда бы не попали.

Мефистофель

Но где же сам учитель ваш? Нельзя ли
Пройти к нему? Быть может, он бы мог
Прийти сюда?

Фамулуc

Боюсь я: слишком строг
Его запрет; великим занят делом,
В немой тиши, по месяцам он целым
В своей рабочей комнате сидит.
Из всех ученых был он самым чистым,
А ныне смотрит сущим трубочистом.
Совсем теперь чумазым он глядит:
Глаза его распухли, покраснели
От раздуванья жаркого огня,
А нос, и лоб, и уши почернели;
Щипцами да ретортами звеня,
Он ждёт открытия день ото дня.

Мефистофель

Ужель он мне откажет, станет спорить?
Его удачу я бы мог ускорить.

Фамулус уходит.
Мефистофель с важностью усаживается.

Едва успел усесться я — и вот
Уж новый гость, знакомый мне, идёт;
Но этот — молодого поколенья
И будет страшно дерзок, без сомненья.

Бакалавр
(шумно приближаясь по коридору)

Двери настезь! Наконец-то
Есть теперь надежде место,
Что людская грудь живая
Здесь не будет, изнывая,
Чахнуть, гибнуть в этой гнили,
Точно заживо в могиле!

Эти стены и строенья
Накренились, ждут паденья;
Прочь уйти, а то, пожалуй,
Быть здесь страшному обвалу.
Несмотря на всю отвагу,
Дальше я туда ни шагу!

Что-то я теперь узнаю?
Здесь как раз — припоминаю —
Первокурсником невинным
Я внимал урокам длинным,
Бородатым веря слепо,
Вздору радуясь нелепо.

Что из книг старинных брали
И что знали — всё мне ввали,
Ничему не веря сами,
Жизнь лишь портя пустяками
И себе и мне. Однако —
Кто там в дымке полумрака?

Что я вижу? В том же длинном
Меховом плаще старинном
Он сидит, всё тот же самый,
Как расстались с ним тогда мы.
Он тогда хитер был, ловок,
Я ж не мог понять уловок;
Ну, теперь иное дело:
На него обрушусь смело!

Почтенный! Если волны мутной Леты
Не все ещё понятия и предметы
Из вашей хмурой лысой головы
Умчали, не припомните ли вы
Ученика? Но ныне мыслью вольной
Он перерос лозу науки школьной;
Вы тот же всё, каким я видел вас,
Но я совсем другой на этот раз.

Мефистофель

Я вас ценил и в прежнем вашем виде.
Я рад, что вас мой звон сюда привлёк.
В простой личинке, в нежной хризалиде
Уж будущий таится мотылек.
Вы в кружевном воротничке ходили
И в локонах кудрявых: как дитя,

Вы в том себе забаву находили;
Косы ж, насколько в силах вспомнить я,
Вы не носили. Ныне же, без лоска,
У вас простая шведская причёска;
Резолютивен ваш отважный вид,
Но абсолютность всё же вам вредит.

Бакалавр

Здесь то же место, ментор мой; но знайте,
Что время ныне стало уж не тем.
Двусмысленных речей не расточайте:
Ведь мы в других условиях совсем.
Легко юнца вам было озадачить,
Над мальчиком наивным свой язык
Потешить: труд был очень невелик;
Теперь никто не смеет нас дурачить.

Мефистофель

Когда всю правду скажем мы юнцу,
Не угодим беспёрому птенцу;
Впоследствии ж, когда промчатся годы,
На шкуре собственной узнает он невзгоды
И мнит, что сам он до всего дошел,
И говорит: учитель был осел.

Бакалавр

А может быть, и плут! Вы мне скажите
И хоть один пример мне укажите:
Какой учитель только правду нам
В лицо открыто скажет, смел и прям?
Один прибавит, а другой убавит,
Тот с важностью, тот в шутках всё представит,
А дети – верь подобранным словам.

Мефистофель

Что ж, время есть всему: не так давно вы
Еще учились, ныне – вижу сам –
Вы и других учить уже готовы.
Прошло немного месяцев и лет –
И опытом изведали вы свет.

Бакалавр

Ах, этот опыт! Дым, туман бесплодный;
Его ведь превосходит дух свободный!
Сознайтесь: то, что знали до сих пор,
Не стоило и знать совсем?

Мефистофель
(помолчав)

Пожалуй,
Я сам давно так думаю. Отсталый
Я был глупец и верил в пошлый вздор.

Бакалавр

Вот этому я рад: в вас ум я замечаю.
Впервые старика неглупого встречаю!

Мефистофель

Искал я клада не жалея рук,
А вырыл кучу мусора простого.

Бакалавр

И ваша плешь — сознайтесь, милый друг, —
Ничем не лучше черепа пустого?

Мефистофель
(ласково)

Ты, верно, сам, дружок, не признаёшь,
Как груб ты.

Бакалавр
Вежлива у немцев только ложь!

Мефистофель

(сидя в кресле на колесиках,
все время подвигался на авансцену
и теперь обращается к партеру)

Здесь, наверху, житья нет никакого:
Ни воздуха, ни света не дают.
Авось меж вами я найду приют?

Бакалавр

Я нахожу весьма претенциозным,
Что люди, пережив известный срок,
Хотят быть чем-то, хоть ничем серьёзным
Уже не могут быть: их век истёк!
Ведь жизнь горит в крови, а в ком кипучей,
Чем в юноше, кровь свежая течёт?
Живая кровь в нём силою могучей
Жизнь новую из жизни создаёт.
Всё движется, всё в деле оживает;
Кто слаб, тот гибнет, сильный — успевает.
Пока полмира покорили мы,
А вы как жили, старые умы?
Вы думали, судили, размышляли,
Да грезили, да планы составляли
И сочинили только планов тьмы.
Да, старость — просто злая лихорадка,
Бессилие, болезненный озноб!
Как человеку стукнет три десятка,
Его клади сейчас хоть прямо в гроб.
Вас убивать бы, как пора приспела!

Мефистофель

На это чёрт согласен будет смело.

Бакалавр

Что чёрт? Лишь захочу — и чёрта нет!

Мефистофель
(про себя)

Тебе подставит ножку он, мой свет!

Бакалавр

Да, вот призванье юности святое!
Мир не существовал, пока он мной
Не создан был; я солнце золотое
Призвал восстать из зыби водяной;
С тех пор как я живу, стал месяц ясный
Вокруг земли свершать свой бег прекрасный;
Сиянье дня мой озаряет путь,
Навстречу мне цветёт земная грудь;
На зов мой, с первой ночи мирозданья,
Явились звёзды в блеске их сиянья!
Не я ли уничтожил мысли гнёт,
Сорвал тиски филистерства, свободный,
Я голос духа слушаю природный,
Иду, куда свет внутренний влечёт,
Иду, восторга полный! Предо мною
Свет впереди, мрак – за моей спиной!

(Уходит.)

Мефистофель

Иди себе, гордись, оригинал,
И торжествуй в своём восторге шумном!
Что, если бы он истину сознал:
Кто и о чём, нелепом или умном,
Помыслить может, что ни у кого
В мозгу не появлялось до него?
Но это всё нас в ужас не приводит:
Пройдут год, два – изменится оно;
Как ни нелепо наше сусло бродит,
В конце концов является вино.

(К молодым зрителям в партере, которые не аплодируют.)

Вы не хотите мне внимать?
Не стану, дети, спорить с вами:
Чёрт стар, и чтоб его понять,
Должны состариться вы сами.

Действие третье

МЕСТНОСТЬ ПЕРЕД ДВОРЦОМ

МЕНЕЛИА В СПАРТЕ

Входит Елена в сопровождении хора пленных троянок
с Панталис, предводительницей хора, во главе.

Елена

Хвалой одних, хулой других прославлена,

Являюсь я, Елена, прямо с берега,
Где вышли мы на сушу, и теперь ещё
Морской живою зыбью опьянённая,
Которая с равнин далекой Фригии
Несла нас на хребтах высоких, пенистых
В родные наши бухты Эвра силою
И милостью великой Посейдоновой.
А там, внизу, царь Менелай с храбрейшими
Из воинов свое прибытие празднует.
Прими ж меня приветливо, высокий дом!
Воздвиг тебя, на родину вернувшись,
Отец мой Тиндарей у склона славного
Холма Паллады; здесь я детство видела.
Привет вам, двери меднокованные!
Когда-то вы навстречу распахнулись
Гостям – и вот, один из многих выбранный,
В вас Менелай явился женихом моим.
Откройте их! Спешу теперь исполнить я
Приказ царя, как долг велит супружеский.
Одна войду я! Сзади пусть останется
Всё то, что вокруг меня кипело бурей
По воле рока. С той поры как вышла я
Отсель во храм Цитеры, беззаботная,
Чтоб долг священный свой свершить, и схвачена
Была фригийским дерзким похитителем, –
Да с той поры, увы, свершилось многое,
О чём так любят люди все рассказывать
И что услышать тягостно несчастному,
О ком молва, разросшись, стала сказкою.

Хор

Ужель презришь, царица цариц,
Свой дар почетный, благо из благ?
Славнейшим ты счастьем владеешь одна:
Из всех величайшею славой красы.
Герою предшествует имени гром,
Затем он и горд;
Но даже упрямец склоняет чело
Пред всепокоряющей силой красы.

Елена

Довольно! Царь, супруг мой, вместе плыл со мной
И к городу вперёд теперь послал меня;
Но что в душе замыслил он – не знаю я.
Супруга ль я, царица ли по-прежнему
Иль жертвою паду я гнева царского
И злой судьбы, терзавшей долго эллинов?
Добыча я, но пленница ль – не ведаю.
На корабле смотрел супруг невесело;
Он на меня лишь изредка поглядывал
И слова мне приветного не вымолвил,
Как будто мне недоброе готовил он;
Когда ж, войдя Эвроты в устья тихие,
Земли родной лабды его коснулись,
Промолвил он, как будто богом движимый:
«На брег морской отсюда выйдут воины;
Устроить их на время тут останусь я,
А ты ступай по берегу священному,
По берегу Эвроты плодородного.
По низменной равнине направляй коней
В долину ту, горами окруженную,
Где прежде было поле плодоносное,

А ныне Спарта, город мой, красуется.
Прибыв туда, поди в высокий царский дом
И там сberi служанок, мной оставленных
С хозяйкою, разумной старой ключницей.
И пусть тебе покажут все сокровища,
Которые отцом моим накоплены
И мной в войне и мире увеличены.
Конечно, ты увидишь всё в доме моём
В порядке, ибо должен царь, придя назад,
Имущество найти своё нетронутым,
На том же месте, где его оставил он:
Не смеет раб менять того, что сделал царь».

Хор

О, пусть богатства сладостный вид
Твои утешит очи и грудь!
Златые запястья и блеск диадем
Покоятся гордо в надменной красе;
Но стоит, царица, тебе захотеть —
И всё налицо;
И вступит, о диво, в неслыханный спор
С алмазом и златом твоя красота.

Елена

И дальше так сказал мне повелитель мой:
«Когда же там в порядке всё осмотришь ты,
Треножников возьми ты сколько надобно,
Сосуды все священные, которые
Нужны жрецу, когда обряд свершает он:
Котлы и чаши, также блюдо круглое;
Воды налей ты из ключа священного
В высокие кувшины; приготовь ещё
Ты дров сухих из дерева горячего
И острый нож, старательно отточенный.
О прочем же сама должна подумать ты».
Так он сказал и в путь затем послал меня.
Но что хотел он в жертву принести богам
Из всех земных созданий, не сказал он мне,
Здесь тайна есть; но больше не забочусь я:
Известно всё бессмертным лишь, которые
Свершают то, что в сердце их задумано...
О будь, что будет! Ныне же прилично мне
Немедленно войти отсюда в царский дом,
Желанный, милый, мной почти потерянный
И вновь мне данный, как — сама не знаю я.
Не так легко взойти мне на ступени те,
Где в детстве я, бывало, резво прыгала.

(Входит в дом.)

Хор

Сестры любезные,
Бедные пленницы,
Бросим свои мы печали!
Вместе с Еленой,
Вместе с царицею
Счастливы будьте, которая
Поздно, но твердой стопой зато
Радостно снова является
Ныне в родную обитель.

Панталис
(как предводительница хора)

Покиньте, сёстры, песни путь, столь радостный, -
К дверям высоким взор вы обратите свой!
Что вижу я, о сёстры! Возвращается
Назад царица к нам стопами быстрыми.
Что было там, царица? Что могло тебе
В дому твоём попасться не приветное,
А страшное? Я вижу - что-то было там;
Я вижу недовольство на челе твоём,
И гневное я вижу изумление.

Елена
(возбужденная, оставив двери открытыми)

Несвойствен страх обычный Зевса дочери;
Пустой испуг не тронет сердца гордого;
Но ужас, мрачный ужас, Ночью древнею
Рожденный искони, во многих образах,
Как в бездне горной пламенное облако,
Являясь нам, смущает и героя грудь.
Так и сегодня жители стигийские,
Ужасные, при входе мне явились,
И я с порога милого, желанного
Должна была бежать, как гость непрошенный.
Но нет, на свет я вышла ныне: далее
Прогнать меня нельзя вам, силы мрачные,
Кто б вы ни были! Дом же освящу я свой,
И, чистый вновь, меня с приветом примет он.

Панталис

Что было там с тобой, жена высокая,
Открой рабыням ты своим почтительным.

Елена

Что было там, вы сами видеть можете,
Коль ночь ещё в свои пучины тайные
Не поглотила вновь того чудовища.
Но чтоб вы знали, все я вам поведаю:
Вступая в глубь родного дома радостно,
Чтоб долг свершить скорее свой супружеский,
Дивилась я безмолвию глубокому.
Ни звук шагов не слышался ушам моим,
Ни вид работы спешной не пленял очей;
Служанки не встречались мне, ни ключница,
Приветливо гостей всегда встречавшие.
Когда ж потом я к очагу приблизилась,
На груди пепла теплого сидела там
Огромная старуха, вся закутана,
Не спящая, но в думы погруженная.
Зову её к работе повелительно,
Подумавши, что ключницу я встретила,
Которую оставил царь хозяйкою.
Закутавшись, молчит она, недвижима!
Моим угрозам наконец ответствуя,
Она рукою машет, чтоб ушла я прочь.
Я, в гнев отвернувшись, спешу от ней
По горнице, пройти в казнохранилище;
Но чудище, поднявшись стремительно,
Становится, дорогу заграждая мне,
Как госпожа, огромная и тощая,

С кроваво-мутным взором, видом странная,
Ужасная и взору и душе людской.
Но нет, никак нельзя словами бедными
Вам описать ужасное видение.
Вот, вот она на свет выходит дерзостно!
Но здесь мы господа, пока придет наш царь.
Могучий Феб, бессмертный друг прекрасного,
Сразит создание мрака иль прогонит прочь.

Форкиада показывается в дверях.

Хор

Кто ты из страшных
Форкиса дочерей?
Ибо, как вижу я,
Ты из их рода.
Верно, одна ты из мрачных чудищ,
Око одно лишь и зуб один
Вместе имеющих страшных Грай,
Нас посетившая ныне?
Смеешь ты, чудо,
Рядом с красою
Взору глубокому
Феба явиться?

Форкиада

Вы, наглые, пришли сюда из чуждых стран,
Надменные и журавлям подобные,
Которые несутся над главой у нас,
Охриплым криком воздух наполняя весь.
Смотрю на вас – и кажется, что рой цикад
Крикливых скачет по полю зеленому.
Добро чужое жрете вы, снедаете
Добытое трудом благополучие:
Вы – воинов добыча, меновой товар!

Елена

В присутствии хозяйки кто слугу бранит,
Тот дерзостно права её себе берёт.
Одна – хозяйка может дать достойному
Награду иль наказывать преступного.
Довольна ими я была всё время то,
Пока святая сила илионская
Боролася – и пала и легла; потом
Со мной они делили горе странствия,
Когда все только о себе заботятся.
Мне нужно знать не кто мой раб – как служит он.
Итак, молчи и больше их не смей бранить!
Коль ты, хозяйки должность исправлявшая,
Исправно всё хранила, то хвала тебе.
Пришла сама хозяйка – уступи же ей,
Чтоб не было взысканья вместо всех похвал.

Форкиада

Слуге грозить – есть право несомненное,
Которое супругою властителя
За много лет супружества заслужено;
И если вновь сюда, на место старое
Царицы и хозяйки, ты пришла опять,
Возьми бразды правления свободные,

Владей отныне нами и богатствами;
Но защити меня, старуху, ты от них,
Которые пред лебедем красы твоей
Крикливыми гусями только кажутся.

Панталис

С красой рядом как противно мрачное!

Форкиада

С рассудком рядом глупость отвратительна.

Панталис

Зажму твой рот, когда скажу я, кто ты есть.

Форкиада

Так назови себя — и все разгадано.

Елена

Время дерзостного спора вы должны вознаградить:
Быстро жертвенник поставьте, как супруг мой повелел.

Форкиада

Уж готово всё: треножник, чаши, кубки, острый нож,
И кропленья, и куренья — лишь на жертву укажи.

Елена

Царь о жертве не сказал мне.

Форкиада

Не сказал? О, горе вам!

Елена

Что за горе, мне поведай!

Форкиада

О царица, жертва — ты.

Елена

Я?

Форкиада
(указывая на хор)

И эти.

Хор

Горе, горе!

Форкиада

Ты падёшь под топором.

Елена

Страшно! Знала я... О, ужас!

Форкиада

Неизбежно это вам.

Хор

Ах, а мы? Что будет с нами?

Форкиада

Благородно пасть должна
Ваша славная царица; но под крышею дворца,
Как дроздов крикливых стая, вы повиснете вверху.

Елена и хор, охваченные изумлением и ужасом,
составляют выразительные, живописные группы.

Форкиада

Презренные! Как призраки застывшие,
Стоите вы, дрожа за жизнь, которая
Принадлежать теперь уж перестала вам!
Ни человек, ни призраки, как вы теперь, —
Все люди только призраки, подобно вам, —
Не любят расставаться с светом солнечным;
Но никому в конце концов спасенья нет:
Известно это всем — не всем приятно лишь!
Но кончено: все вы погибли! К делу же!

(Хлопает в ладоши.)

В дверях появляются замаскированные карлики,
быстро исполняющие все последующие приказания.

Катись сюда, чудовищ круглых тёмный рой!
Немало зла наделать тут вы можете.
Пусть златорогий жертвенник восстанет здесь
С секирой на краю его серебряном;
Наполните кувшины, чтобы было чем
Омыть алтарь, залитый кровью чёрною.
Ковёр роскошный пышно расстелите вы:
Колена пусть преклонит жертва царственно,
И пусть её, хоть с головой отрубленной,
С почетом завернувши, похороним мы.

Панталис

Царица, размышляя, в стороне стоит.
И вянут девы, как цветник подкошенный.
Старейшая из них, с тобой промолвить я
Должна два слова — с самой старейшею.
Ты опытна, мудра и благосклонна к нам,
Хотя безумно резвый рой бранил тебя.
Скажи же нам: спасенья ты не знаешь ли?

Форкиада

Сказать легко: зависит от царицы лишь
Спасти себя и вас с собою вместе всех;
Но нужно тут решение поспешное.

Елена

О, пусть они страшатся! Страх нет во мне —
Лишь горе! Но когда спасенье знаешь ты, —
Благодарю: возможно часто мудрому,
Что невозможно прочим. Говори скорей!

Форкиада

Имеете ль терпение прослушать вы
Рассказ мой долгий! Много есть в нём важного.

Хор

Рассказывай: мы в это время будем жить!

Форкиада

Кто в доме мирно бережёт сокровища,
Кто стены держит в целости высокие
И крышу чинит, чтоб её не портил дождь,
Тот долго, долго будет жить в доме своём;
Но кто, святой порог ногою легкою
Переступив, уходит, дом оставя свой,
Тот, воротясь, найдет хоть место старое,
Но всё не так, как было, иль разрушено.

Елена

К чему сто раз болтать давно известное!
Нельзя ль вести рассказ, не досаждая мне?

Форкиада

Пришлось к слову: нет тебе упрёка здесь.
Из бухты в бухту Менелай ладьи водил,
По берегам и островам он хищничал
И приезжал с добычею награбленной.
Под Троею провел он долгих десять лет,
Назад он плыл — не знаю, сколько времени.
Но что же было в доме Тиндареевом?
Что было с самым царством Менелаевым?

Елена

Ужели брань с тобою так сроднилася,
Что чуть раскроешь рот — уж осуждаешь ты?

Форкиада

Забыты были много лет отроги гор,
Что к северу от Спарты гордо высятся
Вблизи Тайгета, где ручьем сверкающим
Спускается Эврот в долину тихую,
Где лебеди селятся в камышах его.
В ущелья те недавно молодой народ
Откуда-то явился из полночных стран —
И крепкий замок там они построили
И как хотят странною правят с гор своих.

Елена

Возможно ль это? Как они отважились?

Форкиада

Они имели долгих двадцать лет.

Елена

И есть начальник? Много ли разбойников?

Форкиада

Начальник есть, но это не разбойники.
Он мне грозил, но всё ж я не браню его:
Он мог бы всё похитить, но доволен был
Немногими подарками, без подати.

Елена

Красив ли он?

Форкиада

Пожалуй: мне он нравится.
Отважный он, с осанкой благородною,
Разумный муж, каких в Элладе мало есть.
И замок их, когда б его вы видели! —
Совсем не так построен неуклюже он,
Как ваши предки, грубо громоздившие
На камни камни, как циклопы дикие,
Строенья воздвигали: там, напротив, всё
Отвесно, прямо, ровно, строго, правильно...
Решай, царица, дай своё согласие:
Немедленно я в замок отведу тебя.

Трубы вдали. Хор содрогается.

Хор

Трубы слышишь ли, царица? Блеск ты видишь ли мечей?

Форкиада

Здравствуй, царь и повелитель! Я готова дать отчет.

Хор

Что же мы?

Форкиада

Её кончину вы увидите сейчас,
А за ней кончину вашу. Нет, ничем вам не помочь!

Пауза.

Елена

Я думала, на что теперь решиться мне.
Ты демон злой, наверно это знаю я:
Боюсь, добра во зло не обратила б ты.
Но всё-таки с тобой отправлюсь в замок я;
А что таит царица в глубине души,
Она одна лишь знает — вам неведомо
Останется. Веди, старуха, нас вперёд.

Хор

О, как охотно с ней мы идём
Лёгкою стопою!
Смерть сзади нас,
А перед нами
Твёрдая крепость
Высится грозной стеною.

Облака окружают их со всех сторон.

Что это, что?

Сестры, смотрите вокруг:
Ясный и светлый был день;
Но отовсюду собралися
Тучи с Эвроты священного;
Скрылся из виду любезный нам
Брег, камышами поросший весь;
Грозною тучей вокруг
Стало окутано всё.

Потемнели, почернели — уж не блещут эти тучи,
Обступили, точно стены; стены стали перед нами,
Перед нашими очами. Двор ли это иль могила?
Страшно, страшно! Горе, сёстры! Мы в плену теперь остались,
Да, в плену, в плену тяжёлом, так, как прежде никогда.

Хор оказывается во внутреннем дворце замка, окружённом со
всех сторон фантастическими постройками в средневековом вкусе.

Елена

О, где ж ты, пифонисса? Как зовёшься ты,
Не знаю я; но всё же отзовися мне
И выйди из-под сводов замка мрачного!
Коль ты пошла к вождю героев славному
Просить его принять меня, пришедшую,—
Благодарю! Веди ж меня к нему скорей:
Конца я жажду, лишь покоя жажду я!

Панталис

Напрасно лишь, царица, ты глядишь вокруг!
Исчезло это чудище: осталось,
Быть может, там, в тумане, из которого
Примчались дивно мы сюда, не двигаясь,
Иль, может быть, блуждает нерешительно
В обширном лабиринте замка дивного,
Возникшею из многих, вместе слившихся,
И ищет там властителя, готовя нам
Прием его торжественный и царственный.
Но посмотри, царица: перед окнами,
И в портиках, и в ходах появились
Толпами всюду слуги суетливые.
Прием радушный это предвещает нам.

Хор

Я свободней дышу! Посмотрите туда,
Как торжественно вниз, замедляя свой шаг,
Нежных юношей хор вереницей идёт,
Направляясь к нам! По веленью чьему
Так поспешно явился, построясь в ряды,

Этих юношей чудных бесчисленный рой?
Всех из красавцев прекраснее
Те, что подходят к нам ныне.
К трону ступени приносят они,
Ставят роскошно разубранный трон,
Пышный ковер перед ним расстилают.
Сёстры, смотрите: над троном богатым
Ставят красавцы цветной балдахин!
Вот балдахин, колыхаяся,
Над головою Елены
Облаком дивным роскошно повис;
Пышно царица воссела на трон;
Станем же мы на ступенях.
Славен, о славен и трижды преславен
Этот тебе, о царица, приём!

Все, что возвещает хор, постепенно исполняется.
После того как юноши и оруженосцы длиною процессией
спустились вниз, наверху лестницы показывается Фауст
в средневековом рыцарском наряде. Медленно и с достоинством
сходит он вниз.

Предводительница хора
(внимательно смотря на него)

Коль боги не нарочно, как случилось,
Столь чудный образ дали мужу этому,
Приятный вид, лицо, любви достойное,
На время только, — каждого, сомненья нет,
Он победит повсюду: и в борьбе мужей
И в мелких войнах с жёнами прекрасными.
Конечно, выше многих без сравненья он,
Которых всё ж глубоко уважала я.
Но вот он шагом медленным почтительно
Подходит к нам. Царица, обратись к нему!

Фауст
(подходит, ведя с собою скованного Лунцея)

Царица! Вместо пышного привета,
Какой тебе хотел я оказать,
Приём тебе почтительный готовя,
Я привожу к тебе раба в цепях.
Забыв свой долг, лишил меня тем самым
Возможности свершить мой долг. Склонись же,
Преступный раб, пред дивною женой
И повинись пред ней! Царица, он,
На редкость сильным зреньем одарённый,
На нашей башне мною был поставлен
Осматривать окрестные поляны,
Земную даль, широкий неба свод
И все, что там явиться взору может
И что в долину с этих гор идёт
На замок наш — стада ли будут то
Иль воины. Стада мы защищаем,
Врага — встречаем грудью. В этот день —
Какое совершил он упущенье!
Явилась ты — а он не возвестил!
Не удалась торжественная встреча
Высокой гостии. Он не должен жить —
И, без сомненья, смерти он достоин.
Уж он в крови лежал бы; но суди
Его сама: казни его иль милуй.

Елена

Высокий сан ты ныне мне даёшь
Царицы и судьи, хотя, быть может,
Меня ты лишь желаешь испытать.
Исполню первый долг судьи: спрошу я,
Что скажет обвинённый. Говори!

Дозорный Линцей

Преклоняюсь, созерцая!
Жизнь ли, смерть ли жребий мой –
Очарован навсегда я,
Небом данная, тобой!
Вечно солнца пред зарёю
Я с востока ожидал,
Вдруг – о чудо! – пред собою
Солнце с юга увидал.
Вместо дали поднебесной,
Вместо всех полей и гор
Я на лик его чудесный
Устремил свой жадный взор.
Зренье чудное имея,
Ока рысьего быстрее,
Все ж не верил, как во сне, я
Дальновидности очей.
Предо мною все кружилось –
Башни, стены, вал крутой:
Туча мчится, туча скрылась –
И богиня предо мной!
К ней и взором и душою
Я стремился, восхищён:
Ослепительной красою
Был я, бедный, ослеплён.
Позабыв, что я на страже,
Я в свой рог не затрубил...
Осуди меня! Мне даже
Самый гнев твой будет мил.

Елена

За вред, который мною нанесён,
Я ль накажу? Зачем ты, рок суровый,
Судил мне так смущать сердца
Что не щадят себя они самих
И ничего высокого! Враждуя,
Сражаясь, водили за собой
Меня герои, демоны и боги –
И с ними я блуждала по земле,
Смущала мир, потом смущала вдвое,
И ныне – втрое, вчетверо несу
Я бедствий ряд. Пускай идёт бедняк!
Кто ослеплен богами – невиновен.

Линцей уходит.

Фауст

Владычица, я вижу, изумлён,
Что он твоею поражён стрелою;
Я вижу, как, напрягшись, дивный лук
Пускает метко стрелы за стрелами
Мне в грудь. И вот пернатые снуют,
Свистя, под сводом замка моего.

И что я сам? Ты можешь сделать мне
Всех верных слуг – врагами, эти стены –
Неверными: всё царство перейдёт
К победоносной и непобедимой.
И что ж осталось мне, как не предать
Во власть твою себя и всё именье?
Дозволь тебя у ног твоих признать
Владеющий отныне всеми нами –
Царицею, вступившею на трон!

Елена

С тобой хочу я говорить. Садись
Со мною рядом. Место есть тебе,
И этим мне ты место обеспечишь.

Фауст

Сперва позволь, царица, принести
Тебе присягу и поцеловать
Позволь меня поднимающую руку.
Пускай в твоих владеньях безграничных
Я буду соправителем тебе,
Поклонником, защитником, слугою!

Елена

И вижу я и слышу чудеса!
Изумлена, хотела б я о многом
Спросить тебя. Скажи мне: почему
Так странно и приятно речь раба
Звучала? Звук ко звуку подходил;
За словом слово, ухо мне лаская,
Неслось, одно согласное с другим.

Фауст

Коль самый говор нашего народа
Уж мил тебе, тогда – сомненья нет –
Ты от души полюбишь наши песни.
Мы сами будем в этом упражняться:
Наш говор ты, беседуя, поймёшь.

Елена

Как мне столь дивной речи научиться?

Фауст

Легко: должна лишь речь от сердца литься.
Кто счастья полн, желанием томим,
Тот ищет лишь...

Елена

Кто счастлив вместе с ним.

Фауст

Смотреть ни в даль, ни в прошлое не надо;
Лишь в настоящем...

Елена

Счастье и отрада.

Фауст

В нём наше благо, власть, залог святой;
Чем утвердить его?

Елена

Моей рукой.
Так далеко — и все ж так близко я!
Мне так легко: я здесь, я у тебя!

Фауст

Я восхищён: чуть дышит грудь моя.
Иль это сон? Не помню я себя!

Елена

Я отжила — и вновь обновлена;
Я жизнь нашла в любви, тебе верна.

Фауст

Средь моря, крепко защищённый,
Пусть процветает с этих пор
Твой полуостров, прикреплённый
К Европе узкой цепью гор.

Нет лучше края в поднебесной:
Пусть все цветут там племена!
То край владычицы прелестной,
Где родилась сама она,

Где в камышах она восстала
Из лебединого яйца
И мать и братьев побеждала
Красою чудного лица.

Перед тобою в пышном цвете
Земля раскинулась твоя;
О, предпочти всему на свете
Свой край родной, краса моя!

Хоть солнца хладный луч почти не греет
Высоких гор скалистую главу,
Но все ж скала местами зеленеет
И козы щиплют скудную траву.

Вот бьют ключи, ручьи бегут сливаясь;
Зазеленели каждый склон и скат;
Дол тянется, холмами прерываясь,
И кормит сотни тонкорунных стад;

Поодиночке осторожно бродит
Рогатый скот над пропастью крутой,
Но в сотнях гротов он себе находит
Убежище, и отдых, и покой.

Их Пан хранит, ущелья населяют
Там нимфы жизни в свежести кустов,
И к горным сферам ветви устремляют,
Теснясь, деревья сотнями стволов.

То древние леса! В стволе высоком
Дуб копит силу, крепко ввысь растёт,
А кроткий клен пропитан сладким соком,
Весь груз ветвей он весело несёт.

Там молоко, струясь в тени жилища,
И для детей и для ягнят течёт;
Есть и плоды, долин цветущих пища,
А из стволов дуплистых каплет мёд.

Блаженство здесь наследственное длится,
Уста румяны, ярок цвет ланит,
Бессмертен каждый там, где он селится,
Здоровы все, довольство вокруг царит.

В сиянье дня там жизнь привольно льётся
От детских лет до зрелости мужской;
Дивясь на них, спросить лишь остаётся:
Кто это – боги или род людской?

Красивейшим из пастухов их рода
Уподоблялся даже Аполлон;
Где в чистой сфере царствует природа
Там всех миров союз осуществлен.

(Садится рядом с Еленой.)

Так ты и я – мы счастьем богаты:
Забудем же бывшее бытие!
Сознай, что высшим богом рождена ты,
И первый мир – отечество твоё!

Но жить не будем в крепости мы тесной.
В соседстве Спарты нас с тобою ждёт
Аркадия; она в красе прелестной
И в вечной силе юности цветёт.

Туда, в блаженный край, мы путь направим,
Там радостно укроемся вдвоем!
Мы для беседки пышный трон оставим,
Аркадским вольным счастьем заживем!

Место действия совершенно меняется.
К ряду горных пещер примыкают закрытые беседки.
Тенистая роща простирается до окружающих её крутых утёсов.
Фауста и Елены не видно. Хор стоит группами.

Форкиада

Как долго девы спят здесь, неизвестно мне.
Не то ли им пригрезилось, что видела
Я наяву? Но лучше разбужу я их.
Сомненья нет: дивиться будет юный хор...

(Обращаясь к зрителям.)

А с ним и вы, брадатые, что, сидя там,
Разгадки ждете чуда вероятного.

(К хору.)

Вставайте же и кудри отряхните вы!

Довольно спать: послушайте, что я скажу!

Хор

О, скажи, скажи, поведай, что чудесного случилось?
Слушать нам всего приятней то, чему нельзя поверить,
Ибо скучно эти скалы вечно видеть пред собой.

Форкиада

Дети, чуть глаза протёрли – уж и скука вас берёт?
Но внимлите: в этом гроте и в тенистой той беседке
Счастье тихое досталось, как в идиллии любовной,
Господину с госпожою.

Хор

Как, в пещере той?

Форкиада

От мира

Отделившись, служить им лишь меня они призвали,
Я, польщенная вниманьем, как поверенной прилично,
В стороне от них держалась, занималась посторонним,
Зная все растений свойства, корни, травы, мох искала,
Оставляя их одних.

Хор

Ты рассказ ведёшь, как будто было всё там, что угодно:
Горы, лес, поля, озера! Нам ты сказку говоришь!

Форкиада

Да, неопытные дети, здесь неведомые тайны:
Залы, ходы, галереи я могла б тут отыскать.
Вот в пещере раздаётся смеха резвый отголосок;
Я смотрю: чудесный мальчик от жены к супругу скачет,
А от мужа вновь к супруге. Шаловливые проказы,
Ласки нежные и крики восхищенья и восторга
Поражают взор и слух.
Голый гений, но без крыльев, фавн, но зверю не подобный,
Он резвится над землею; но едва земли коснётся,
Вмиг на воздух он взлетает; прыгнет раз, другой, а в третий
Уж до сводов достаёт.
Мать взывает боязливо: «Прыгай, прыгай сколько хочешь,
Но летать остерегайся: запрещён тебе полет!»
А отец увещевает: «Там, в земле, таится сила,
От которой ты взлетаешь. Лишь ногой земли касайся –
И окрепнешь ты безмерно, точно сын земли Антей».
Но со скал на скалы скачет резвый мальчик неустанно,
Там и сям, как мяч упругий, ловко прыгает резвясь.
Вдруг в расщелине утёса он мгновенно исчезает –
И пропал из глаз куда-то. В горе мать; отец утешить
Хочет; я – в недоуменье. Но опять какое чудо!
Не сокровища ль там скрыты? Разодетый, весь в гирляндах,
Он является опять,
Рукава его с кистями, на груди же ленты вьются,
А в руках золотая лира. Точно Феб в миниатюре,
На краю скалы высокой стал он. Все мы в изумленье,
А родители в восторге вновь друг друга к сердцу жмут.
Что горит над головою у него, сказать мне трудно:
Золотой убор иль пламя, знак высокой силы духа?
Как он гордо выступает! В нем уже замечен гений,

Все прекрасное вместивший, и мелодий вечных прелесть
По его струится телу. Но услышите его вы
И увидите – и, верно, удивитесь вы ему.

Из пещеры раздаются чарующие, мелодичные звуки струн.
Все прислушиваются к ним и кажутся глубоко тронутыми.
С этого времени вплоть до нижеуказанной паузы
продолжается музыка.

Хор

Если, страшное творенье,
Ты смягчилось теперь,
Брызнут слезы умиления
Из очей у нас, поверь!
Солнца лик пускай затмится,
Лишь в душе сиял бы свет!
В сердце нашем все таится –
Всё, чего и в мире нет.

Появляется Фауст, Елена и Эвфорион.

Эвфорион

Песню ль детскую слагаю –
Вам веселье в этот час;
В такт ли, прыгая, ступаю –
Сердце прыгает у вас.

Елена

Двух сближая нежной страстью,
Радость им любовь дает,
Но к божественному счастью
Наш тройной союз ведет.

Фауст

Ныне все дано судьбою:
Весь я твой и весь ты мой.
Мы в союзе меж собою:
Мог ли быть исход иной?

Хор

Многих лет благословенье
Подарило вам, клянусь,
Это дивное творенье!
Как чудесен ваш союз!

Эвфорион

Пустите прыгать,
Скакать, резвиться!
Туда, на воздух,
Хочу я взвиться –
И весь желаньем
Проникнут я.

Фауст

Но тише, тише,
Без увлечения,

Чтоб не грозило
Тебе паденье.
Нас в гроб сведёшь ты,
Моё дитя!

Эвфорион

Не стану больше
Внизу стоять я,
Оставьте руки,
Оставьте платье,
Оставьте кудри:
Они — мои!

Елена

О, вспомни, чей ты,
Мой сын бесценный!
Нас пожалей ты:
Союз священный,
Едва возникший,
Не разорви!

Хор

Боюсь я, рухнет
Союз любви!

Елена и Фауст

Сдержи, о сдержи, смирив,
Хоть к нам из любви,
Чрезмерно живой порыв
И страсти свои!
Спокойно здесь, в поле,
Красуйся, молю!

Эвфорион

Смирясь, вашей воле
Пока уступлю.

(Пробегает среди хора,
увлекая его в пляску.)

Вот подлетел я к вам,
Бодрый народ!
Что же, не спеть ли нам?
Пляска ль у нас пойдёт?

Елена

Славно! Пускай с тобой
Пляшет красавиц рой
Мерно и в лад.

Фауст

Только б конец скорей!
Нет, я игре твоей
Вовсе не рад.

Эвфорион и хор, танцуя, с пением,
движутся переплетающимися рядами.

Эвфорион

Чащи лесов густых,
Горы кругом меня.
Что мне до стен крутых:
Молод и пылок я!
Вихри вдали свистят,
Волны вдали шумят.
Грустно смотреть мне вдаль:
Ближе взглянуть нельзя ль?

(Перепрыгивает со скалы на скалу и
поднимается всё выше и выше.)

Елена, Фауст и хор

С серной хочешь ты сравниться?
Берегись, чтоб не слететь!

Эвфорион

Выше должен я стремиться,
Дальше должен я смотреть.
Знаю, где ныне я:
Море вокруг меня!
Пелопса здесь страна:
Морем шумит она.

Хор

Милый, спустися! Тут
Будешь ты с нами.
Здесь на скалах растут
Лозы с кистями,
Яблоков плод златой
Свесился ниже.
В милой земле родной,
Милый, живи же!

Эвфорион

Снится вам мирный сон?
Что же, обманчив он!
Лозунг мой в этот миг —
Битва, победный крик!

Хор

Кто презирает
Мир, лишь войной прельщён,
Знай, что теряет
Счастье надежды он.

Эвфорион

Кто здесь рождён на свет,
Взросшие в бурях бед,
Волю куют в бою,
Кровь не щадя свою.
Их не смирить ничем,
Чистых душой!
Счастье да даст им всем
Ревностный бой!

Хор

Ввысь умчался он стрелою,
Но и там не мал на вид!
Точно в латах, точно к бою,
Точно сталь на нём блестит!

Эвфорион

Что нам стены, укрепления!
Защищай себя смелей!
Всех их крепче без сравненья
Грудь железная мужей.
Чтоб ты жил непокоренный, —
Смело в поле, в легкий строй!
На конях помчатся жены;
В каждом отроке — герой.

Хор

К небу лети, неси
Звуки поэзии:
Выше сияй всегда,
Точно небес звезда!
Слышим тебя мы там:
С неба слетают к нам
Звуки сюда!

Эвфорион

Нет, уж не отрок пред вами:
Выходит юноша на бой!
Уже с отважными бойцами
Соединился он душой!
Вперед, вперёд!
Нас честь ведёт
Туда, где к славе путь прямой!

Елена и Фауст

День едва увидел милый,
К светлой жизни чуть рождён, —
Ты с высот во мрак унылый,
В мир скорбей уж устремлён!
Или впрямь
Чужд ты нам?
Иль союз наш — только сон?

Эвфорион

Чу! Гром вы слышите ли в море,
В долинах отклик боевой?
В пыли, в волнах, все рати в сборе
Идут на скорбь, на грозный бой.
Смерть для нас
В этот час —
Лозунг первый и святой!

Елена, Фауст и хор

Ужас! Страшное решение!
Смерть — желанный лозунг твой?

Эвфорион

Мне ль смотреть из отдаленья?
Нет, приму нужду и бой!

Елена, Фауст и хор

Храбрость средь бед таких —
Гибель всегда.

Эвфорион

Пусть! На крылах своих
Ринусь туда!
Рвусь в боевой пожар,
Рвусь я к борьбе!

(Бросается со скалы. Одежды на время поддерживают его.
Голова его сияет; за нею тянется светящийся след.)

Хор

Горе! Икар! Икар!
Горе тебе!

Прекрасный юноша падает к ногам родителей.
Лицо его напоминает знакомые черты, но вскоре
телесное исчезает, ореол в виде кометы возносится
к небу, а на земле остаются лира и мантия.

Елена и Фауст

Радость прошла моя,
Горе пришло за ней!

Голос Эвфориона
(из-под земли)

Мать, не покинь меня
В царстве теней!

Пауза.

Хор
(скорбная песня)

Не покинем, без сомненья!
Ты и близок нам и мил:
В час разлуки, в час паденья
Все сердца ты поразил.
Плач не нужен погребальный:
Нам завиден жребий твой!
Жил ты, светлый, но печальный,
С гордой песней и душой.
Ах, рожден для счастья был ты!
Древний род твой славен был;
Рано сам себя стубил ты,
В полном цвете юных сил.
Ясно мир прозрев очами,
Ты сочувствовать умел,
Лучших жён владел сердцами,
Песни сладостные пел.
Ты помчался несдержимо,
Вдаль невольно увлечён;

Ты презрел неукротимо
И обычай и закон.
Светлый ум к делам чудесным
Душу чистую привёл:
Ты погнался за небесным,
Но его ты не нашёл.
Кто найдёт? Вопрос печальный!
Рок ответа не даёт.
И молчит многострадальный,
Кровью залитый народ.
Лучше песни петь сначала,
Чем так горестно стоять.
Песни ввек земля рождала
И родит их нам опять.

Продолжительная пауза. Музыка прекращается.

Елена
(Фаусту)

На мне теперь сбылось слово древнее,
Что не живет с красой счастье долгое.
Любви и жизни узы разрешаются:
Оплавав их печально, я скажу: прости!
И обниму тебя — увы! — в последний раз.
Прими меня, о Персефона, с отроком!

(Обнимает Фауста. Телесное исчезает,
а платье и покрывало остаются у него в руках.)

Форкиада
(Фаусту)

Держи: тебе досталось платье лишь!
Не выпускай из рук, держи его!
Его б хотелось демонам отнять
И унести к себе: держи сильней!
Богини нет: её ты потерял;
Но это всё ж божественно. Возьми
Чудесный дар: взлетишь ты к небесам,
Над всем земным тебя возвысит он —
И там, в эфире, будешь ты парить.
Вдали отсюда встречу я с тобой.

Одежды Елены, расплывшись в облака, окружают Фауста,
поднимают его ввысь и уносятся вместе с ним.

Форкиада

(поднимая лиру и мантию Эвфориона, направляется
к авансцене, поднимает их кверху и говорит)

Себя с находкой мы поздравить можем,
Хотя святой огонь исчез, положим, —
Но надобно ль о мире горевать?
Успел довольно гений нам оставить,
Чтоб титулы поэтов даровать
И в ремесле их зависть развивать.
Талантов им не в силах я доставить,
Но платье в долг могу им раздавать.

(Садится на авансцене на обломок колонны.)

Панталис

Спешите, девы! Чары нас покинули:
Заклятье снято ведьмой фессалийскою,
Исчез и шум сплетённых звуков тягостный,
Смущавший нам и слух, и ум тем более.
За мной в Аид! Спешите за царицею
Немедленно – и пусть же за спиной её
Служанок верных хор повсюду следует!
У трона Недоступной мы найдем её.

Хор

Да, для цариц есть повсюду приют.
Даже в Аиде, во мраке его,
Сходятся с равными гордо они
И с Персефоною дружбу ведут.
Мы же во тьме безотрадной
Грустных лугов асфоделей,
Средь тополей длинных, тощих,
Между бесплодных тоскующих ив, –
Как мы проводим там время?
Точно летучие мыши,
Шепчем печально мы там.

Панталис

Кто имени ничем не приобрел себе,
Кто даже не стремится к благородному, –
Принадлежит стихиям тот. Исчезните ж!
А я пойду к царице: не заслугой лишь,
А также верностью мы можем славиться.

(Уходит.)

Хор

К свету дневному вернулись мы;
Мы существами не будем –
Это мы чуем и знаем;
Но не вернемся в Аид никогда.
Сделает духов из нас
Вечно живая природа:
В ней-то и будем отныне мы жить.

Форкиада, став Великаном на авансцене, сходит с котурнов, снимает маску и покрывало и является Мефистофелем, чтобы, в случае надобности, объяснить пьесу в эпилоге.

Занавес падает.

Действие четвертое

ВЫСОКИЙ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ

Скалистая вершина. Туча подплывает к ней
и спускается на верхнюю площадку горы.
Из тучи выходит Фауст.

Фауст

У ног моих зияет бездна горная;
Всхожу я на вершину с думой светлую
И тучу покидаю, что несла меня
В дни ясные над морем и над сушею.
Не расплываясь, тихо отделяется,
Меня оставив, облако, и медленно,
Клубясь, оно к востоку вдаль уносится,
И взор за ним стремится с восхищением.
Плывет оно, волнуясь, изменяя вид,
И в дивное виденье превращается;
Да, это так: я различаю явственно
На пышном изголовье гор сияющих
Гигантский образ женщины божественной.
Юнона ль это, Леда ли, Елена ли?
Своим величием взор она пленяет мой.
Увы! Она вдали уж расплывается,
Покоится бесформенной громадою,
Подобно льдистых гор верхам сияющим,
И отражает смысл великий прошлых дней!
А вокруг меня тумана струйка светлая,
Прохладою лаская, обвивается.
Взвилась она наверх... остановилась там
Прозрачной тучкой. Это ль чудный образ тот,
Великое, святое благо юности?
Души моей сокровища проснулись,
Любовь Авроры вновь восстала в памяти
И первый милый взгляд, не сразу понятый,
Всего потом дороже в мире ставший мне.
Как красота душевная, стремится вверх,
В эфир небес, чудесное видение,
Неся с собой часть лучшую души моей.

На гору ступает семимильный сапог. За ним следует другой.
Мефистофель сходит с сапог, а они отправляются далее.

Мефистофель

Вот так поход—рекомендую!
Что за фантазия пришла
Тебе забраться в глушь такую,
Где на скале торчит скала?
Иль непременно место выбрать надо,
Когда-то прежде бывшее дном ада?

Фауст

Любитель глупых сказок ты: опять
Ты начинаешь ими угощать!

Мефистофель
(серьезно)

Когда творец, нам отомстить желая —
Я б мог сказать, за что,— низвергнул нас
С высот небес в ту бездну, где, пылая,
Сверкал огонь и ввек бы не угас,—
Ужасный жар нас мучил повсеместно;

Притом же там уж слишком было тесно.
Тогда все черти, напрягая грудь,
Чтоб из темницы выйти, стали дуть.
Наполнилась вся бездна серным газом —
И стены ада лопнули, и разом
Потрескалась земная вся кора:
Здесь очутилась пропасть, там — гора.
Переворотов было тут немало:
Вершина дном, а дно вершиной стало —
И люди так же точно всё потом
В теориях поставили вверх дном.
Так выбрались мы из темницы мрачной
Наверх, на воздух светлый и прозрачный.
Все это было тайной для людей
И стало им открыто лишь поздней.

Фауст

Гора молчит в покое горделивом.
Каким она на свет явилась дивом,
Как знать? Природа силою святой
Произвела вращеньем шар земной,
Утесы, камни, горы и теснины
И создала ущелья и вершины,
И ряд холмов, который перешел
Чрез мягкие изгибы в тихий дол;
И чтоб росли, цвели природы чада,
Переворотов глупых ей не надо.

Мефистофель

Ну да, еще бы; это ясно вам!
Но я, который был при этом сам,
Скажу другое: в глубине, пылая,
Сверкал огонь и страшный грохот был;
Молоха молот, скалы разбивая,
Утёсы на утёсы громоздил.
Поныне тьма каменьева стопудовых
Валяется. Кем брошены они?
Молчит философ; что ни сочини —
Нет объяснений этому толковых!
Скала лежит — и пусть себе лежит,
А объяснять тут — праздный труд и стыд.
Одни простые люди смотрят зрело
На это все — их с толку не собьёшь;
Народу здравый смысл докажет всё ж,
Что чудеса все эти — беса дело;
И вот идет он, в вере твёрд и прост,
Смотреть на чёртов камень, чёртов мост.

Фауст

Что ж, продолжай! Приятно, без сомненья,
Знать на природу чертовы воззренья.

Мефистофель

Что нам природа! Лестно только нам,
Что действовать пришлось в ней и чертям.
Великих мыслей в нас всегда обилье;
Безумство, неурядица, насилие —
Вот наш девиз! Но бросим этот спор.
Скажи ты мне, на чём теперь твой взор
Остановился? Ты, себе в забаву,

«Земные царства все и всю их славу»
Мог видеть. Все достигнуты мечты.
Иль новое затеял что-то ты?

Фауст

Конечно: есть великая затея.

Мефистофель

Что?

Фауст

Угадай.

Мефистофель

Сейчас скажу тебе я.
Столицу ты построишь. В ней дома
Тесниться будут, узких улиц тьма
Лепиться будет криво, грязно, густо;
В середине — рынок: репа, лук, капуста,
Мясные лавки; в них лишь загляни —
Жужжат там мухи жадными стадами
Над тухлым мясом. Словом, перед нами
Немало вони, много толкотни.
В другой же части города, бесспорно,
Дворцов настроишь, площади просторно
Раздвинешь; вне же городской черты
Предместья вширь и вдаль раскинешь ты.
И наблюдать ты станешь, как теснятся
Повсюду люди, как кареты мчатся,
Как озабоченный народ,
Спеша, по улицам снуёт;
А сам проедешь — вмиг заметит
Тебя толпа, с почетом встретит;
Ты будешь центром их...

Фауст

Ну вот,

Нашел хорошую отраду!
Плоди людей, питай и грей,
А после, смотришь, бунтарей
Ты воспитал себе в награду!

Мефистофель

Ну, если так, то лично для себя
Построил бы роскошный замок я
В красивом месте; лес, холмы и нивы
В парк превратил бы пышный и красивый;
Деревья там зеленою стеной
Прямые бы аллеи окаймляли
И для прогулок тень бы доставляли;
Луга, как бархат, взор ласкали б мой;
Струились бы меж скал везде каскады,
Хрустальные ручьи и водопады;
Фонтан высокий бил бы мощно там,
И мелких струй ряды по сторонам
Журчали бы; затем, для оживленья,
Я б домиков настроил, поселил
Там жен прекрасных, с ними бы делил

Волшебные часы уединенья...

Фауст

Противно, хоть и модно. Ты заврался,
Сарданапал!

Мефистофель

Я, право, потерялся
В догадках, хоть и был в них очень смел.
Смотри, как близко к небу ты забрался:
Не на луну ль лететь ты захотел?

Фауст

Довольно места для великих дел
И на земле: зачем бежать отсюда?
Вперед же смело! Совершу я чудо:
Вновь дух во мне отвагой закипел.

Мефистофель

А, вот что! Славы ты желаешь ныне!
Недаром был ты близок к героине.

Фауст

Власть, собственность нужна мне с этих пор!
Мне дело — всё, а слава — вздор!

Мефистофель

Ну что ж, тебя поэты не оставят,
В потомстве даже гимнами прославят,
Чтоб дурью дурь в других воспламенять!

Фауст

Не в силах, вижу я, понять
Ты человеческих стремлений.
Тебе ли, жалкий, злобный гений,
Людей потребности обнять?

Мефистофель

Пусть так. Скажи мне всё-таки на милость,
Что там за мысль в тебе закопошилась?

Фауст

У моря я стоял. Вода росла,
Прилив готова, грозно пред очами;
Остановилась — и, встряхнув волнами,
На плоский берег приступом пошла.
Тогда меня досада обуяла:
Свободный дух, ценящий все права,
Противник страстный грубого начала,
Не терпит дикой силы торжества.
Я это счёл за случай; убедиться
Желая, стал смотреть: вода ушла,
Покинув то, что гордо так взяла;
В урочный час явление повторится.

Мефистофель
(к зрителям)

Что ж, ничего тут нового мне нет:
Я видел это много тысяч лет;

Фауст
(страстно продолжая)

Бесплодная, бесплодые порождая,
Встаёт пучина бурная, седая,
Растет – и вот опять наводнена
Пустынной мели скучная страна;
Валы ревут, кипят – и снова с мели
Они уйдут, без пользы и без цели.
В отчаянье и в страх меня привёл
Слепой стихии дикий произвол.
Но сам себя дух превзойти стремится:
Здесь побороть, здесь торжества добиться!
И можно это: дикая волна
Малейший холмик огибать должна;
Ей не под силу даже возвышенье
Малейшее: невольно в углубленье
Вливается покорная вода.
И план за планом встал в уме тогда;
Я с наслажденьем чувствую отвагу:
От берега бушующую влагу
Я оттесню, предел ей проведу,
И сам в ее владенья я войду!
За шагом шаг все выяснил себе я
В задаче этой. Вот моя затея.

За спиною зрителей, с правой стороны,
раздаются отдаленные звуки барабанов
и воинственной музыки.

Мефистофель

Нетрудно это. Слышишь марш?

Фауст

Опять
Война! Уму плохая в ней отрада.

Мефистофель

Мир иль война – вся штука в том, что надо
Уметь отовсюду пользу извлекать
При случае. Здесь случай есть: так смело
Лови его, чтоб сразу двинуть дело.

Фауст

Нельзя ль меня избавить от речей
Загадочных? В чем дело, поскорей!

Мефистофель

В пути моём сюда я видел много:
Наш император вновь в беде; тревога
Его гнетёт. Ты помнишь ведь его:
Когда с тобой его мы веселили
И вслед богатством ложным наделили,

Он возмечтал, что в мире ничего
Ему нет недоступного. Он сана
Высокого достиг чрезмерно рано
И к заключенью ложному пришел,
Что, никаких не опасаясь зол,
Он может жить, как хочется, беспечно,
И управлять и наслаждаться вечно.

Фауст

Большое заблужденье! Находить
Во власти счастье должен повелитель.
Пусть высшей воли будет он хранитель,
Но пусть никто не сможет проследить
Его высоких мыслей. Повеленье
Он только близким тайно отдаёт;
Чрез них оно свершается — и вот
Невольню мир приходит в изумленье.
Тогда всех выше чтит его народ;
Так он себе всю славу оставляет!
А наслажденье только опошляет.

Мефистофель

Наш не таков! Он тешился лишь сам —
И вот распалось царство по частям:
Большой и малый спорят меж собою,
На брата брат родной идет войною,
На город город восстаёт везде;
Ремесленник с дворянством во вражде,
Епископы — с властями и с приходом:
Куда ни глянь — вражда между народом!
В церквях разбой; грабёж везде, всегда,
Купцу и страннику в пути беда!
Всяк борется и отражает смело
Соперника. Так вечно шло их дело!

Фауст

Шло, падало, хромало, встав опять, —
И вот свалилось так, что уж не встать!

Мефистофель

Сперва их это мало тяготило:
Привольно жить им и свободно было;
Кто слаб был, тот слабейших грабил всё ж,
Но лучшим это стало невтерпёж.
Умнейшие восстали, рассуждая:
Спокойствие должна давать святая
Монарха власть; наш император, знать,
Его не хочет иль не может дать;
Так изберём, не мешкая напрасно,
Другого императора: создаст
Он царство вновь, чтоб жить нам безопасно,
И всем нам мир и справедливость даст.

Фауст

Попами пахнет тут.

Мефистофель

Попы и были

Зачинщики: они народ подбили
К восстанию, чтоб выдумкой такой
Сберечь брюшка набитого покой.
И стал мятеж расти, с благословенья
Святых отцов; народ восстал гурьбой,
И бедный наш любитель наслажденья
Идёт, быть может, на последний бой.

Фауст

Мне жаль его: он добр и прям был.

Мефистофель

Что же
Пойдём к нему: пока живёшь, негоже
Терять надежду, хоть грозит беда.
Освободим его мы из теснины;
Кто раз спасён – быть может, навсегда
Спасётся. Как предречь игру судьбины?
Раз победив, вассалов вновь тогда
Найдёт он и не будет знать кручины.

Они всходят на середину горы и смотрят на войско,
расположенное в долине. Снизу слышен гром барабанов
и звуки военной музыки.

Мефистофель

Позиция теперь досталась им
Хорошая. Пойдём и победим!

Фауст

Какую же ты помощь им предложишь?
Ты лишь обман волшебный дать им можешь.

Мефистофель

Полезна ведь и хитрость на войне!
Ты лишь держись своей великой цели:
Ведь только б мы помочь ему сумели
И утвердили трон его в стране, –
Тогда пред ним лишь преклони колена,
И даст тебе он берег в виде лена.

Фауст

Немало ты свершил чудес;
Так победи в сраженье, бес!

Мефистофель

Ты победишь: я под твоим началом;
Ты сам здесь будешь главным генералом!

Фауст

Мне вовсе не к лицу высокий сан
В таких делах, где я совсем профан!

Мефистофель

Ты предоставь лишь штабу все заботы –

И, как фельдмаршал, можешь ничего ты
Не делать. Я давно уже расчёл,
Что будет здесь война, что дело гадко;
И у меня готова уж разгадка,
Как выбраться из этих бед и зол:
Я в недрах гор союзников нашёл —
Народ могучий, древний там таится,
И благо тем, с кем он соединится.

Фауст

Кто это там с оружием идёт?
Быть может, горный то восстал народ?

Входят Трое сильных.

Мефистофель

Взгляни на них: различных лет
Мои волшебные ребята;
Различно каждый разодет;
Их сила помощью богата.

(К зрителям.)

Известно: любят в наши дни
Все дети панцири и латы;
Так вам понравятся мои
Аллегорические хваты.

Догоняй

(молодой, легко вооружённый и пёстро одетый)

Кого ни встречу я, тому
В физиономию заеду,
А труса догоню по следу
И за вихор его возьму.

Забирай

(средних лет, хорошо вооружённый и богато одетый)

Всё это вздорно и ничтожно!
Врага поймавши, забери
Сперва всё то, что взять возможно;
О прочем — после говори.

Держи-Крепче

(пожилой, тяжело вооружённый, в простом платье)

Барыш и в этом невеликий!
Все эти блага с силой дикой
Умчит житейская река.
Взять — хорошо; сберечь — важнее;
Чтоб сохранилось всё вернее,
Поставьте стражем старика.
Все спускаются в долину.

Действие пятое

ОТКРЫТАЯ МЕСТНОСТЬ

Странник

Вот она, в красе тенистой,
Старых, крепких лип семья!
Кончив долгий путь тернистый,
Снова здесь их вижу я!
Вот то место, кров счастливый
Той избушки предо мной,
Где я жил, когда бурливой
Был я выброшен волной.
Дорогих моих хозяев
Обниму ль? Я шел сюда,
Видеть их почти не чаяв:
Стары были уж тогда.
Да, чета была святая!
Постучать? Заговорить?
Всё ль, любовь ко всем питая,
Рады вы добро творить?

Бавкида

(очень старая бабушка)

Тише, тише, странник милый!
Тише: муж мой дремлет тут!
Подкрепляет старец хилый
Долгим сном короткий труд.

Странник

Ты ль, родная, видишь снова
Благодарного меня?
С мужем путника младого
Ты ль спасла, мне жизнь храня?
Ты ль, Бавкида, чьим уменьем
Полумёртвый воскрешён?
Муж старушки выходит.
Ты ль, добро мое со рвеньем,
Смело спасший, Филемон?
Вот он, ваш очаг отрадный,
Нежный колокола звон;
Да, от гибели нещадной
Я лишь вами был спасен!
Дайте ж к морю удалиться,
На простор его взглянуть,
Преклониться, помолиться:
Чувства мне стеснили грудь.

(Идёт вперёд по дюне.)

Филемон

(Бавкиде)

В сад, жена, иди скорее:
Там ты стол накроешь нам.
Пусть дивится он, не смея
Верить собственным глазам.

(Следует за странником.)

Филемон
(став рядом со странником)

Там, где был ты опрокинут
Необузданной волной,
Сад и вширь и вдаль раздвинут,
Рай раскинулся земной.
Стар я стал, не мог уж, хилый,
Помогать вершить дела,
Но пока терял я силы,
Зыбь морская вдаль ушла.
Умных бар рабы лихие
Были рвы, воздвигли мол,
Воцарились над стихией,
Сузив моря произвол.
Горизонт лесами сужен.
Села там, луга пестрят...
Но пойдем, вкуси наш ужин:
Близок солнечный закат.
Парусов вдали так много:
К ночи нужен им приют.
Птицам ведома дорога
К гнездам! Порт их примет тут.
Да, лишь там каймою синей
Моря зыбь теперь видна;
Здесь же, вокруг, по всей равнине —
Многолюдная страна.

САД

Стол для троих.

Бавкида
(страннику)

Что ж молчишь? Что не съедаешь
Ни кусочка за столом?

Филемон

Ты охотно так болтаешь:
Расскажи о чуде том.

Бавкида

Точно, чудо приключилось:
И теперь я вся дрожу.
Право, это всё случилось
Не добром, как погляжу.

Филемон

Император наш свободно
Отдал берег: где ж тут грех?
Ведь трубою всенародно
Известил герольд нас всех.
И под дюной, на равнине,
Дело вмиг пошло на лад:
Лагерь, хижины — а ныне
Там дворец и пышный сад.

Бавкида

Тщетно слуги днём трудились,
Грохотал топор и лом;
По ночам огни кружились,—
Смотришь, вал явился днём.
Люди сильные старались
Так, что ночью стон стоял,
Реки огненные мчались,—
Утром был готов канал.
Он безбожник: взять он ладит
Нашу рощицу, наш дом;
Там, где он соседом сядет,
Преклоняйся все кругом!

Филемон

Он нас только звал, не споря,
Перебраться в новый край.

Бавкида

Ну, не слишком верь дну моря:
Знай на горке поживай.

Филемон

Мы в часовне, в тихой сени,
Встретим солнечный заход,
Зазвоним, склонив колени,
Старый бог наш — нам оплот!

ДВОРЕЦ, РОСКОШНЫЙ САД

Фауст, глубокий старик,
задумчиво прогуливается по саду.

Линцей

(стоя на башне, говорит в рупор)

Садится солнце; подплывая,
Бегут последние суда;
Вот барка в порт вошла большая

И к нам в канал идёт сюда.
На ней игриво выются флаги
И мачты крепкие стоят.
И, полный счастья и отваги,
Тебя восславить боцман рад.

На дюне звонят в колокол.

Фауст
(вздрагивая)

Проклятый звон! Как выстрел, вечно
Он в сердце бьёт! Передо мной
Моё владенье бесконечно,
А там — досада за спиной!
Твердит мне звон дразнящий, мерный,
Что господин я не вполне,
Что кучка лип, домишко скверный,
Часовня — не подвластны мне!
Пойду ль туда — мне страшны, гадки
Чужие тени на пути,—
Бельмо в глазу, заноза в пятке!
О, если б прочь отсель уйти!

Линцей
(как выше)

С вечерним ветром мчится барка
На парусах, нагружена
Пестро, блистательно и ярко,
Мешков и ящиков полна!

Подходит великолепная барка,
богато нагруженная изделиями чужих краев.

Мефистофель и Трое сильных.

Хор

Вот мы вернулись,
Путь свершён;
Привет, владыка,
Наш патрон!

Трое сильных выходят и выгружают богатство на берег.

Мефистофель

Мы отличились как могли,—
Ты только труд наш похвали!
Пошло немного кораблей;
Теперь же в гавани твоей
Их двадцать. Много было нам
Хлопот: их плод ты видишь сам.
В свободном море дух всегда
Свободен; медлить, разбирать —
Не станешь: надо смело брать!
То ловишь рыбу, то суда;
Уж скоро три я их имел,
Потом четыре; там, забрав
Ещё корабль, пятью владел;
Имеешь силу, так и прав!
Лишь был бы наш карман набит.
Кто спросит, как наш груз добыт?

Разбой, торговля и война —
Не все ль равно? Их цель одна!

Трое сильных

Привета нет
И нет наград,
Как будто дрянь
У нас — не клад!
С досадой он
На нас глядит,
И царский дар
Ему претит.

Мефистофель

Наград не ждите.
Всё равно:
Всяк часть свою
Уж взял давно.

Трое сильных

Ну, это всё
Нам прах и дым:
По равной части
Все хотим!

Мефистофель

Сперва расставьте
В залах там
Весь груз сокровищ
По рядам.
Авось тогда
Со всех сторон
Подробней всё
Осмотрит он.
Он не скупец,
Дарить горазд
И пир за пиром
Флоту даст.
Я пестрых птиц на завтра жду
И им воздать сумею мзду.

Трое сильных уносят выгруженное.

(Фаусту.)

С суровым взором и с тоской
Ты принял жребий чудный свой!
Здесь мудрый труд ты сотворил
И берег с морем примирил;
Твоих судов отсюда рать
Готово море принимать;
Здесь твой дворец стоит, отсель
Ты обнимаешь круг земель;
Отсюда шёл весь подвиг наш,
Здесь первый выстроен шалаш,
И первый ров был вырыт тут,
Где ныне весла воду бьют.
Твой гордый ум, труд верных слуг
И сушу здесь и море вокруг
Стяжали; здесь...

Фауст

О, это «здесь»
Проклятое! В нём зло и есть!
Скажу тебе – на все ведь руки
Ты ловок, – страшно я бешусь!
Невыносимы эти муки,
А говорить о них стыжусь.
Мне стариков бы первым делом
Убрать: мне нужно место их;
Мне портит власть над миром целым
Одна та кучка лип чужих!
Из их ветвей для кругозора
Себе я вышку бы воздвиг,
Чтоб весь свой труд легко и скоро
Мог обозреть я, чтобы вмиг
Мог всё обнять, что так прекрасно
Дух человека сотворил,
И править всем умно и властно,
Чем я народы одарил.
О, как мучительно, как гадко
В богатстве чувство недостатка!
Мне запах лип давно не мил!
Звон этот колокола ровный
Напоминает мрак церковный,
Пугает ужасом могил!
Иль здесь, у дн, сразит крушение
Всесильной воли все решенья?
Когда ж я с этим развяжусь?
Раздастся звон – и я бешусь.

Мефистофель

Ещё бы: эта мерзость, право,
Способна жизни быть отравой!
Противен звон – скажу и сам –
Благовоспитанным ушам:
Висит проклятый звук «бим-бом»,
Как туча в небе голубом,
Во всё мешаясь без причины,
И от купели до кончины
Как будто важен только звон,
А жизнь сама – ненужный сон.

Фауст

Упорством глупым и строптивым
Испорчен плод моих побед;
Измучен я, терпенья нет;
Я устаю быть справедливым!

Мефистофель

Чего ж стесняться? Ты давно
Решил создать там поселенья.

Фауст

Идите ж, чтоб без промедленья
Убрать отсюда их в именье,
Что мною им отведено.

Мефистофель

И не успеют оглянуться —
На новоселье уж очнутся;
Насилья след пройдет, и впрок
Пойдёт им чудный уголок.

(Дает резкий свисток.)
Трое сильных возвращаются.

Исполним, что велит он нам,—
И завтра праздник морякам.

Трое сильных

Нас старый барин принял грубо,
Но нам повеселиться любо.

Мефистофель
(к зрителям)

Рассказ не нов: отдай скорей
Свой виноградник, Навуфей!

ГЛУБОКАЯ НОЧЬ

Линцей

(башенный сторож, стоя на страже, поёт)

Страж зоркий, всегдашний,
На вышке стою;
Сроднившись с башней,
Весь мир я люблю.
Вся даль предо мною
Открыта всегда —
И звёзды с луною,
И лес, и стада.
Весь мир с неизменной
Я вижу красой,
Доволен вселенной,
Доволен собой.
Что видел с отрадой
Я в жизни своей,
Все было усладой
Счастливых очей.

Пауза.

Нет, не только наслаждение
Вижу здесь я в вышине:
Что за страшное виденье
Там грозит из мрака мне?
Между лип там засверкали
Искры в сумраке двойном;

Вот пожар ползет всё далё,
Раздуваем ветерком.
То горит избушка, тлея
В тёмной сырости своей;
Помощь ей нужна скорее,
Но уж нет спасенья ей!
Ах, как добрым людям старым
Страшен был огонь всегда!
А теперь объят пожаром
Дом их. Страшная беда!
Вот уж красными огнями
Стены мшистые горят...
Старички бы только сами
Не погибли! Что за ад!
Языки огней, взбегая,
Листья жгут, шипя, дымя;
Ветки гнутся засыхая,
Сучья падают шумя...
Вот что вижу я, вздыхая:
О, зачем так зорек я!
Вот часовня обвалилась
С тяжким бременем ветвей,
И в вершинах заструилось
Пламя тысячами змей,
И торчат, светясь уныло
Красным пурпуром, стволы.
Что веками взор манило,
Скрыла все завеса мглы...

Долгая пауза. Снова пение.

Фауст
(на балконе против дюн)

Что там за плач вверху певучий?
Жалеть уж поздно! В вышине
Он стонет — и досадой жгучей
Вновь сердце растерзало мне.
Я поспешил... Но пусть золою
И пеплом станут липы те, —
Я скоро башню там построю,
Чтоб вдаль смотреть на высоте;
А стариков найду тогда я
На новоселье — и простят
Они обиду мне, встречая
В довольстве дней своих закат.

Мефистофель и Трое сильных (внизу).

Мефистофель

Бегом вернулись мы сюда:
Прости, произошла беда!
Стучались мы, ломились там,
Но всё не отворяли нам;
Мы навалились, налегли
И прочь гнилую дверь снесли;
Просили мы, внушали страх —
Никто не слушал просьбы той,
И, как всегда в таких делах,
Все речи были — звук пустой.
Тогда, чтоб праздный спор не длить,
Мы их решились удалить.
Не много было тут возни:

От страха умерли они,
А гость, который был там скрыт
И вздумал драться, был убит.
Борьба окончилась сейчас,
Но невзначай один из нас
Рассыпал уголья — и вдруг
Солома вспыхнула вокруг.
И запылало всё костром,
На горе жертвам нашим трём.

Фауст

К моим словам вы глухи были?
Не мена это, а разбой!
Проклятье вашей дикой силе!
Его делите меж собой.

Хор

Он песню старую поёт:
Сноси охотно силы гнёт!
Кто смел, кто твёрд — будь сам в борьбе
Защитой дому и себе.

Уходят.

Фауст

За тучей звездный рой сокрыт;
Огонь уж гаснет... чуть горит;
Пахнуло воздухом ночным:
Ко мне несётся легкий дым.
Да, слишком скор был мой приказ
И слишком скоро всё сейчас
Свершилось... Я тому виной!..
Что там за тени предо мной?

ПОЛНОЧЬ

Появляются четыре седые женщины.

Первая

Зовусь я Пороком.

Вторая

Зовусь я Грехом.

Третья

Зовусь я Заботой.

Четвертая

Зовусь я Нуждой.

Порок, Грех и Нужда

Здесь заперты двери, нельзя нам войти:
К богатому, сёстры, нам нету пути.

Порок

Там тенью я стану.

Грех

Исчезну там я.

Нужда

Богач избалован — отвергнет меня.

Забота

Из вас, мои сестры, никто не пройдёт,
Забота ж в замочную щель проскользнёт.

Порок

Вы, сестры седые, идите за мной.

Грех

Везде я с тобою пойду стороной.

Нужда

Везде за тобою Нужда по пятам.

Порок, Грех и Нужда

Пронесутся тучи по тверди широкой —
Смотрите, смотрите! Далёко-далёко
Не брат ли — не Смерть ли виднеется там?

Уходят.

Фауст

(во дворце)

Пришли четыре, только три ушли!
О чем беседу здесь они вели?
«Нужда» — вдали печально раздалось,
И слово «смерть», как эхо, донеслось.
Глуха их речь, волшебна их семья...
Не вырвался ещё на волю я!
О, если бы мне магию прогнать,
Забыть все заклинанья, чар не знать,
Лицом к лицу с природой стать! Тогда
Быть человеком стоило б труда!
И я им был, пока, во тьме бродя,
Себя и мир не проклинал дерзко я!
Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
Пусть светел и разумен ясный день,

Но в сети снов нас ловит ночи тень;
Пусть весело с прогулки я иду, —
Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.
Так суеверье царствует везде:
То — к горю, это — к счастью, то — к беде;
И вот стоишь один, страшась всего...
Дверь скрипнула... Но нет здесь никого...

(Взволнованно.)

Здесь кто-то есть?

Забота

Ответ естествен: есть.

Фауст

Но кто же ты?

Забота

Я пред тобою, здесь.

Фауст

Прочь! Удались!

Забота

Я кстати здесь — зачем?

Фауст

(сперва гневно, потом, успокоившись, про себя)

Не заклинай! Сдержись! Останься нем!

Забота

Пусть меня не слышит ухо —
Громок зов мой в недрах духа;
В разных образах встаёт
Мой суровый, властный гнёт;
На морях, на суше — всюду
Страшным спутником я буду;
Хоть не ищут никогда,
Но найдут меня всегда;
И кланут меня — и вместе
Ублажают словом лести...
Ты никогда не знал заботы?

Фауст

Я

Чрез мир промчался быстро, несдержимо,
Все наслажденья на лету ловя.
Чем недоволен был, пускал я мимо,
Что ускользало, то я не держал.
Желал достичь — и вечно достигал,
И вновь желал. И так я пробежал

Всю жизнь — сперва неукротимо, шумно;
Теперь живу обдуманно, разумно.
Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носитя с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твёрдо здесь — и вокруг следи за всем:
Для дельного и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!
Что знаем мы, то можно взять рукою.
И так мудрец весь век свой проведёт.
Грозитесь, духи! Он себе пойдёт,
Пойдёт вперёд, средь счастья и мученья,
Не проводя в довольстве ни мгновенья!

Забота

Раз кого я посетила,
В мире всё тому не мило;
Тьмой душа его объята:
Ни восхода, ни заката!
Пусть его все чувства мощны —
В сердце мрак царит полночный;
Пусть богатство он имеет —
Им на деле не владеет;
В счастье, в горе он страдает,
В изобилие — голодает;
Ждет ли радость, скорбь ли точит —
Всё охотно он отсрочит;
Все в грядущем полагая,
Он лишь ждёт, не достигая.

Фауст

Довольно! Не поймаешь ты меня!
Напрасно вздор свой ты твердишь мне злобно.
Прочь! Причитаний этих болтовня
Умнейшего с ума свести способна.

Забота

В путь идти ль? Стремиться ль смело?
Нет решимости для дела!
Он пошёл, но на дороге
Замедляет шаг в тревоге;
Тщетно бьётся он, как в сети,
Видит всё в превратном свете,
Сам себя отягощая
И другим лишь жить мешая.
Так, ни жив, ни мертв, тревожно,
Задыхаясь безнадежно,
Он терзается без меры,
Без отчаянья и веры.
Беспрестанным раздраженьем,
Этой вялостью унылой,
Этим тягостным круженьем
И потребностью постылой,
Полусном, душе усталой
Отводящим отдых малый, —
Вечно к месту он прикован
И для ада уготован.

Фауст

Злосчастные виденья! Для людей
Изобрели вы тысячи терзаний,
И даже ряд простых, обычных дней
Вы превратили в лабиринт страданий.
От демонов труднее нам всего
Отделаться: крепка их цепь, конечно;
Но, прозно-низкая Забота, твоёго
Могущества я не признаю вечно!

Забота

Так испытай его теперь, в тот миг,
Когда тебя с проклятьем я покину!
Всю жизнь вы, люди, слепы: ты, старик,
Ослепнув, встретить свою кончину!

(Дует на него.)

Фауст
(ослепленный)

Вокруг меня весь мир покрылся тьмою,
Но там, внутри, тем ярче свет горит;
Спешу свершить задуманное мною:
Одно владыки слово всё творит!
Вставайте, слуги! Все трудолюбиво
Мой смелый план исполнить пусть спешат!
Машин побольше, заступов, лопат!
Что я наметил, пусть свершится живо!
Порядок строгий, неустанный труд
Себе награду славную найдут;
Великое свершится – лишь бы смело
Рук тысячью одна душа владела!

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Факелы.

Мефистофель
(в качестве зрителя, впереди)

Сюда, сюда! Смелей, дружней,
Дрожащие Лемуры,
Из жил и связок и костей
Сплетённые фигуры!

Лемуры
(хором)

Везде, всегда мы за тобой!
Велишь ты, без сомненья,
Расширить новою страной
Господские владенья?

С собой мы колья принесли,
И цепь для меры с нами.
Что делать нам? Зачем мы шли,
О том забыли сами.

Мефистофель

Несложен будет труд на этот раз!
Себя самих за меру вы примите:
Пусть ляжет тот, кто всех длинней из вас,
А остальные – дёрн вокруг снимите
И, как отцам все делают своим,
В земле квадратик выройте под ним.
В дом тесный из дворца! Такою
Всегда кончают люди чепухою.

Лемуры

(роя, поют с ужимками)

Когда я юн и пылок был,
Мне всё казалось мило;
Где пир был, дым столбом ходил,
Туда меня манило.
Но старость злобная меня
Клюкой своейхватила –
И вдруг о гроб споткнулся я:
Откуда ты, могила?

Фауст

(выходя из дворца ощупью, у дверного косяка)

Как звон лопат ласкает ухо мне!
Здесь вся толпа мой замысл исполняет:
Она кладет предел морской волне,
С самой собою землю примиряет,
Грань строгую для моря создаёт.

Мефистофель

(в сторону)

Лишь нам на пользу всё пойдёт!
Напрасны здесь и мол и дюна:
Ты сам готовишь для Нептуна,
Морского чёрта, славный пир!
Как ни трудись, плоды плохие!
Ведь с нами заодно стихии;
Уничтоженья ждёт весь мир.

Фауст

Смотритель!

Мефистофель

Здесь.

Фауст

Громаду за громадой
Рабочих здесь нагромождай,
Приманкой действуй, платой и наградой
И поощрай и принуждай!
И каждый день являйся с донесеньем,
Насколько ров подвинут исполненьем.

Мефистофель
(вполголоса)

А мне доносят, что не ров,
А гроб скорей тебе готов.

Фауст

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая;
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь, в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветёт среди моих полян,
А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят миготом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведёт,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков течение
Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Фауст падает. Лемуры подхватывают его и кладут на землю.

Мефистофель

Нигде, ни в чем он счастьем не владел,
Влюблялся лишь в своё воображение;
Последнее он удержать хотел,
Бедняк, пустое, жалкое мгновенье!
Но время-царь; пришёл последний миг.
Боровшийся так долго, пал старик.
Часы стоят!

Хор

Стоят! Остановились!
Упала стрелка их. Как мрак ночной,
Они молчат.

Мефистофель

Все кончено. Свершилось!

Хор

Прошло!

Мефистофель

Прошло? Вот глупый звук, пустой!
Зачем прошло? Что, собственно, случилось?
Прошло и не было — равны между собой!
Что предстоит всему творенью?
Всё, всё идет к уничтоженью!
Прошло... что это значит? Всё равно,
Как если б вовсе не было оно —
Вертелось лишь в глазах, как будто было!
Нет, вечное Ничто одно мне мило!

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Один из Лемуров

Кто строил тесный дом такой
Могильной лопатой?

Лемуры
(хором)

Доволен будь, жилец немой,
Квартирой небогатой!

Один из Лемуров

Так почему же зал стоит
Без мебели, убого?

Лемуры
(хором)

Всё было куплено в кредит,
И кредиторов много.

Мефистофель

Простёрто тело, дух бежать готов;
Я покажу кровавую расписку...
Но много средств есть ныне и ходов,
У чёрта душу чтоб отнять без риску!
Путь старый труден; много там тревог;
На новом — знать нас не хотят... Досада!
На то, что я один исполнить мог,
Теперь уже помощников мне надо.
Да, плохо нам! Во всем мы стеснены:
Обычай древний, право старины —
Всё рушилось, утрачена опора!
С последним вздохом прежде вылетал
На волю дух; я — цап-царап, хватал
Его, как мышь, и не было тут спора.
Теперь он ждёт, не покидает он

Противное жилище, труп постылый,
Пока стихий враждующие силы
Его с позором не погонят вон.
И день и ночь гнетёт меня тревога:
Где, как, когда? Вопросов гадких много;
И точно ли? Сомнение есть и в том!
Смерть старая уж не разит, как гром.
Глядишь на труп, но вид обманчив: снова
Недвижное задвигаться готово.

(Делает фантастические заклинательные жесты,
означающие приказание.)

Удвойте шаг! Спешите, господа!
Рогов прямых, рогов кривых немало
У нас! Вы, черти старого закала,
Пасть адову несите мне сюда!
У ада пастей, правда, много, много,
И жрут они по рангам, по чинам;
Но в будущем всё это слишком строго
Распределять не нужно будет нам.

Слева раскрывается страшная адская пасть.

Клыки торчат; со свода истекает,
Ярясь бурливо, пламени поток,
А сзади город огненный сверкает
В пожаре вечном, страшен и высок.
Огонь со дна бьёт до зубов; у края,
Подплыв, стремятся грешники уйти,
Но вновь их зев глотаёт, посылая
На страх и муки жаркого пути.
В углах так много страшного таится;
Каких страстей и ужасов там нет!
Пугайте грешных: всё-таки им мнится,
Что эти страхи – только ложь и бред.

(К толстым бесам с короткими прямыми рогами.)

Вы, плуты, краснощекие пузаны,
Взращенные на сере и огне,
С недвижной шеей толстые чурбаны,
Смотрите вниз: как фосфор, в глубине
Не светится ль душа? Добудьте мне
Её одну, крылатую Психею!
Всё остальное – только червь дрянной!
Своей печатью я её запечатлею
И в вихре огненном помчу её с собой!
Вам, толстяки, теперь одна забота:
От низших сфер не отводите глаз,
Как знать, быть может, ей придёт охота
Себе приюта там искать как раз!
В пупке ей любо жить: так наблюдайте
И чрез него ей выскользнуть не дайте.

(К худощавым бесам с длинными кривыми рогами.)

А вы, гиганты, рослые шуты,
Тамбур-мажоры, в воздух, вверх смотрите!
Расправьте руки, когти наострите,
Не дайте ей вспорхнуть до высоты.
Ей в старом доме жутко; нет сомнений,
Что к небесам взлететь желает гений.

Сверху сияние, с правой стороны.

Небесное воинство

Вестники рая,
Неба сыны,
Тихо слетая
С горной страны,
Прах оживляя,
Грех искупляя,
Радость дарим
Всем мы твореньям
Светлым пареньем,
Следом своим.

Мефистофель

Противных звуков сверху бормотанье
И ненавистный свет нисходит к нам.
Мальчишек и девчонок причитанье
По вкусу лишь святошам и ханжам!
Вы знаете, как гибель замыслили
Людскому роду мы в проклятый час:
Всё злейшее, что мы осуществляли,
Ханжи, нашло сочувствие у вас!
Предательски подкрались, простофили!
Так обирали нас они не раз:
Оружьем нашим нас же проводили
Такие ж черти под покровом ряс!
Здесь проиграть – навеки стыд: у гроба
Держитесь крепко и смотрите в оба.

Хор ангелов
(рассыпая розы)

Розы блестящие,
Амбру струящие,
В небе парящие,
Животворящие,
Ветки крылатые
Почки разжатые –
Всё расцветай!
Вкруг изумрудной
Зеленью чудной,
Пурпуром красным,
Вешним днём ясным
В блеске достойном
Встань над покойным,
Радостный рай!

Мефистофель
(к бесам)

Что жмётесь? Разве так в аду у нас
Ведут себя? Пусть сыплют розы кучей:
На место все, и слушать мой приказ!
Цветочками, как будто снежной тучей,
Хотят они засыпать ад кипучий;
Дохните лишь – засохнет всё сейчас.
Ну, дуйте ж, поддувалы! Будет, будет!
Один ваш чад поблекнуть всё принудит.
Не так свирепо! Полно, будет с вас!
Довольно! Эк, как пасти растянули!
Вы чересчур усердно уж дохнули.

Ни в чём нет меры у моих ребят!
Цветы не только сохнут, но горят,
Летят и жгут нас силой ядовитой!
Сплотитесь, станьте крепкою защитой!
Слабеют черти! Весь их гнев остыл!
Проник в их сердце чуждый, нежный пыл!

Ангелы

Цветы вы небесные,
Огни благовестные,
Любовь всюду шлёте вы,
Блаженство даёте вы,
Как сердце велит!
Слова правды чистой
В лазури лучистой
Из уст вечной рати
И свет благодати
Повсюду разлит!

Мефистофель

Проклятье, стыд! Болваны и каналы!
Мои все черти вверх ногами стали,
Летят мои уроды кувырком
И в ад крошечный шлёпаются задом.
Купайтесь же в огне вы поделом, —
Я здесь стою, расставшись с этим стадом.

(Отбиваясь от летающих роз)

Прочь, отвяжись, блудящий огонек!
Схвачу тебя, ты грязи лишь комок!
Что выёшься вокруг? Ух, шею мне без мер
Жжёт что-то, будто жар огня и серы!

Хор ангелов

Пламень священный!
Кто им объят —
Жизни блаженной
С добрыми рад.
К славе господней,
К небу скорей:
Воздух свободней,
Духу вольней!

Поднимается к небу, унося бессмертную часть Фауста.

Мефистофель
(оглядываясь)

Что? Как? Куда умчались? Неужели
Меня вы, дети, обманули? Ввысь,
На небеса, с добычей улетели!
Затем-то вы у ямы здесь толклись!
Расстался я с сокровищем великим,
Единственным, — его я отдал вмиг им!
Высокий дух, бесценный мой залог —
Как хитрецам вдруг уступить я мог?
Кто склонит слух свой к жалобе законной,
Отдаст мне право, купленное мной?
Как ты, старик, ты, опытом прожжённый,
Ты проведён! Ты сам тому виной!